

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
АЭРОКОСМИЧЕСКОГО ПРИБОРОСТРОЕНИЯ

ФИЛОСОФИЯ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

PHILOSOPHY AND HUMANITIES IN INFORMATION SOCIETY

Выпуск № 1(3)
январь – март
2014
■

Санкт-Петербург / Saint Petersburg

Содержание

О журнале	4
To Our Readers and Authors.	5
Состав редакционного совета журнала	6
Состав редакционной коллегии журнала	8
Философия информационного общества	
Продуктивная коммуникация	
<i>Л. Пана (Румыния)</i>	10
Теории развития человека в контексте глобализации	
<i>В. Н. Лукин, Т. В. Мусиенко</i>	27
Теория и история культуры	
Эпоха Великого Эволюционного Перелома и ноосферная культура	
<i>А. И. Субетто</i>	39
Культурологическая информация и культурологическое знание: методологический ракурс	
<i>И. А. Манкевич</i>	64
Экоцентрический фундамент традиционной культуры Севера: взгляд из современности	
<i>В. О. Татаринцев</i>	78
Психология	
Генерирование индивидуального виртуального пространства: психологический аспект	
<i>М. М. Пекарникова</i>	95
Проблема интуиции в научном творчестве	
<i>М. В. Малькова</i>	105
Из истории отечественной науки	
Дмитрий Иванович Менделеев – титан эпохи русского Возрождения	
<i>А. И. Субетто</i>	111
Психофизиологическая проблема – сквозная в творчестве В. С. Дерябина	
<i>О. Н. Забродин</i>	128
«Творчество личности» в философии действительности М. М. Филиппова	
<i>С. Н. Коробкова</i>	147
Требования к оформлению статей	
Требования к оформлению статей.	155

Content

About the Journal.	4
To Our Readers and Authors (<i>In English</i>)	5
Editorial Council of the Journal	6
Editorial Board of the Journal.	8
Philosophy of information society	
Effective Communication	
<i>L. Pană</i>	10
Theories of Human Development in the Context of Globalization	
<i>V. N. Lukin, T. V. Musienko</i>	27
Theory and History of Culture	
The Epoch of the Great Evolutionary Change and Noospheric Culture	
<i>A. I. Subetto</i>	39
The Information Relevant to Cultural Research and the Knowledge Gained from Cultural Research: Methodological Perspective	
<i>I. A. Mankevich</i>	64
Ecocentrical Basement of Traditional Culture of the North: a View from Nowadays	
<i>V. O. Tatarintsev</i>	78
Psychology	
Generating Individual Virtual Space: the Psychological Aspect	
<i>M. M. Pekarnikova</i>	95
The Problem of Intuition in Scientific Creativity	
<i>M. V. Malkova</i>	105
From the History of the Science of Our Country	
Dmitri Ivanovich Mendeleev – a Titan of the Russian Renaissance	
<i>A. I. Subetto</i>	111
Psycho-physiological Problem is a Fundamental Problem in V. S. Deryabin's Works	
<i>O. N. Zabrodin</i>	128
«Human Creativity» in M. M. Filippov's Philosophy of Reality	
<i>S. N. Korobkova</i>	147
Article Presentation Rules	
Article Presentation Rules.	155

О журнале

Уважаемые коллеги!

С июля 2013 года Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения выпускает сетевое издание – журнал «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе», доступный на сайте www.fikio.ru.

Формирование в последние десятилетия постиндустриального, или информационного, общества привело к глубоким и сложным сдвигам во всех областях и сферах человеческой жизни. В нашем издании предлагается широкий подход к их исследованию. Во-первых, наш подход включает в себя разработку концепции информационного общества как такового в единстве с изучением общефилософских проблем его развития и конкретно-научных исследований, которые дадут эмпирический материал для последующих философских обобщений. Во-вторых, мы будем публиковать работы по историческим аспектам (например, история науки и культуры), содержащие в себе взгляд на те или иные события прошлого с точки зрения современности, то есть науки информационной эпохи.

Охват в одном журнале проблем философии, теории культуры, истории, социологии, психологии и педагогики, юриспруденции, политологии может показаться чрезмерно широким. Мы, однако, надеемся, что именно материалы этого обширного массива знаний дают возможность составить достаточно полную, репрезентативную картину развития информационного общества, лучше понять тот мир, в котором живет современный человек.

Мы приглашаем к сотрудничеству всех исследователей, как российских, так и зарубежных, для которых представляет интерес тематика нашего журнала. Будем внимательно изучать предложения, уточнять перспективные направления работы, участвовать в дискуссиях.

Основная часть материалов третьего выпуска журнала основана на материалах выступлений на Общественном форуме «Дни философии в Санкт-Петербурге – 2013» (21 – 23 ноября 2013 г.). Статья доктора Л. Паны (Румыния) подготовлена по материалам ее доклада на XXIII Всемирном философском конгрессе в Афинах 4 – 10 августа 2013 г. Оригинал статьи на английском языке был опубликован в предыдущем номере нашего журнала (2013, № 2).

Журнал выходит четыре раза в год.

30 марта 2014 года

Редакционная коллегия

To Our Readers and Authors

Dear colleagues!

We present the second issue of our Internet journal “Philosophy and Humanities in Information Society”.

The problems of contemporary society are widely discussed at any time. Our journal contains a broad approach in studying them. Firstly, our approach includes the investigations of an information society itself – the philosophical and humanitarian studies. Secondly, we publish historical articles, for example, the history of science and culture, which contain an analysis of the past from the point of view of the present situation, i. e. from the point of view of a person who lives in the information society.

Embracing different problems of philosophy, theory of culture, philology, history, sociology, political science, psychology, pedagogy in a single journal is supposed to be extremely vast. But we hope that such a broad intellectual area gives an opportunity to reconstruct a representative picture of the information society.

We consider that such a wide inter-discipline approach gives man of an information age an opportunity to understand better our contemporary society.

We are glad to collaborate with researchers who are interested in our journal and its topics.

The main part of the articles of this issue is based on the papers presented at the Forum ‘The Days of Philosophy in Saint Petersburg – 2013’ (November, 21 – 23, 2013). The paper of Dr. L. Pana was presented at the XXIII World Congress of Philosophy in Athens (August, 04 – 10, 2013).

Our journal is published four times a year.

Chief Editor: prof. Sergei V. Orlov. E-mail: orlov5508@ramler.ru

30 March, 2014

Editorial board

Состав редакционного совета журнала «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе»

Председатель редакционного совета:

Бояр Виктор Матвеевич – проректор по учебно-воспитательной работе, декан юридического факультета ГУАП, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ.

Члены редакционного совета:

Лосев Константин Викторович – проректор по международной деятельности, декан гуманитарного факультета ГУАП, доктор экономических наук, доцент.

Игнатьев Михаил Борисович – директор Международного института кибернетики и артоники ГУАП, доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники РФ, лауреат Государственной премии СССР, лауреат премии Президента России.

Орлов Владимир Вячеславович – заведующий кафедрой философии факультета философии и социологии Пермского государственного национального исследовательского университета, доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ (по согласованию).

Диев Владимир Серафимович – декан философского факультета Новосибирского государственного университета, доктор философских наук, профессор, вице-президент Российского философского общества (по согласованию).

Выжлецов Геннадий Павлович – профессор кафедры онтологии и теории познания философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук, профессор (по согласованию).

Арефьев Михаил Анатольевич – заведующий кафедрой философии и культурологии Санкт-Петербургского государственного аграрного университета (по согласованию).

Комаров Виктор Дмитриевич – профессор кафедры гуманитарных дисциплин Военной академии материально-технического снабжения, доктор философских наук, профессор, действительный член Академии гуманитарных наук (по согласованию).

Меган Диксон (Megan Dixon) – Ph. D по русской литературе, Ph. D по гуманитарной географии, колледж Идахо, США (по согласованию).

Лаура Пана (Laura Pana) – ассоциированный профессор Бухарестского политехнического университета, кафедра автоматизации и промышленной информатики, Румыния (по согласованию).

Орлов Сергей Владимирович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Субетто Александр Иванович – доктор философских наук, доктор экономических наук, кандидат технических наук, Заслуженный деятель науки РФ, проректор по качеству Смольного института Российской академии образования, Санкт-Петербург (по согласованию).

Камашинский Владимир Ильич – доктор технических наук, профессор, профессор кафедры обработки и передачи дискретных сообщений Санкт-Петербургского университета телекоммуникаций им. М. А. Бонч-Бруевича (по согласованию).

Кудашов Вячеслав Иванович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Гуманитарного института Сибирского федерального университета, Красноярск (по согласованию).

Состав редакционной коллегии журнала «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе»

Главный редактор:

Орлов Сергей Владимирович – доктор философских наук, профессор кафедры истории и философии ГУАП.

Члены редакционной коллегии по разделу философии:

Орлов Сергей Владимирович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Выжлецов Павел Геннадиевич – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Коробкова Светлана Николаевна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Члены редакционной коллегии по разделу культурологии:

Смирнова Тамара Михайловна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Манкевич Ирина Анатольевна – доктор культурологии, доцент, доцент кафедры рекламы и современных коммуникаций гуманитарного факультета ГУАП.

Выжлецова Наталья Викторовна – кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры рекламы и современных коммуникаций гуманитарного факультета ГУАП.

Гусарова Юлия Васильевна – преподаватель, координатор годовых программ, Принц Султан Юниверсити, Эр-Рияд, Королевство Саудовская Аравия.

Члены редакционной коллегии по разделу истории:

Гусман Леонид Юрьевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Тропов Игорь Анатольевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина.

Члены редакционной коллегии по разделу филологии:

Чиханова Марина Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков ГУАП.

Члены редакционной коллегии по разделу психологии и педагогики:

Дмитренко Нина Андреевна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков института холода и биотехнологий Санкт-Петербургского национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики (по согласованию).

Ответственный секретарь редакции:

Коломийцев Сергей Юрьевич – кандидат философских наук, преподаватель кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

ФИЛОСОФИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

УДК 316.77

Продуктивная коммуникация*

Доктор **Лаура Пана** – Политехнический университет Бухареста, факультет автоматизации и вычислительной техники, кафедра автоматизации и промышленной информатики, ассоциированный профессор, Бухарест, Румыния.

E-mail: lapana25@gmail.com

Сплайул Индепендентеи, 313, сектор 6, Бухарест, Румыния, СР 060042,
тел.: +(40)21 402 92 69.

Авторское резюме

Состояние вопроса: В статье обращается внимание на некоторые существенные и актуальные проблемы исследования процессов продуктивной коммуникации. Они рассматриваются с точки зрения деятельностного подхода, который основан на философии действия и дает возможность создать концептуальный каркас управления процессом познания и коммуникации путем использования специфического теоретического и методологического инструментария.

Результаты: В итоге предлагается оригинальная междисциплинарная интегративная модель продуктивной коммуникации, опирающаяся на последние данные в области психологии, социологии и технических наук, созданная для обоснования современных попыток обозначить различные пути, уровни и технологии коммуникации, а также для совершенствования представлений о целях, мотивации и принятии решений в коммуникационной среде.

Выводы: Данный подход позволяет повысить продуктивность коммуникации, чтобы в результате усилить важную сферу продуктивности общественной деятельности как глобальный результат улучшения всего поля человеческой деятельности за счет коммуникационного мышления, рассуждения, знания, моделирования и действия.

Ключевые слова: продуктивность и эффективность коммуникации; типы и степень продуктивности; концептуальная модель продуктивности в коммуникации.

* © Л. Пана, 2014. © Н. А. Дмитренко, перевод, 2014.

Effective Communication

Dr. **Laura Pană** – Politechnic University of Bucharest, Faculty of Automatic Control and Computer Science, Automatic Control and Industrial Informatics Department, Associate Professor, Bucharest, Romania.

E-mail: lapana25@gmail.com

Splaiul Independentei nr. 313, sector 6, Bucuresti, CP 060042,
tel: +(40)21 402 92 69.

Abstract

Some essential but also topical issues of an effective communication process are addressed in the paper, conceived from an action-centered perspective which is rooted in the philosophy of action, which accesses the conceptual framework of cognition and communication management by using the specific theoretical and methodological instruments, and which finishes by proposing an original, interdisciplinary and integrative model of effective communication, supported by recent findings in psychological, sociological and technical sciences, and coined in order to substantiate the present endeavors to diversify the communication ways, levels and techniques, as well as to actually improve the goals, motivations and norms of decision making in the communication environment, and to increase the effectiveness in communication in order to enhance, consequently, an important aspect of social effectiveness as a global result of improving, by communication thinking, reasoning, knowing, modeling and acting, a single field of human effectiveness.

Keywords: effectiveness and efficacy in communication; types and degrees of effectiveness; conceptual model of effectiveness in communication.

Введение: продуктивность и эффективность в коммуникации

Мы отдаем здесь предпочтение выражению «продуктивная коммуникация», а не «эффективная коммуникация», так как подлинная цель процесса коммуникации – не эффективность коммуникационного акта как такового, а побуждение человека к совершению его деятельности.

Процесс коммуникации эффективен, если действительные цели коммуникации реализуются в данном коммуникационном процессе на достаточно высоком качественном уровне. Если принять деятельностную трактовку коммуникации, последняя может считаться совершённой в том случае, когда успешно реализуется само планируемое действие.

Процесс коммуникации, инициируемый профессионалами и осуществляемый посредством специальных технологий, имеет своей целью создание мотивационного комплекса для активной деятельности другого субъекта или группы субъектов, взявших на себя ответственность за ту или иную сферу деятельности.

Далее, процесс коммуникации продуктивен, если он побуждает агента действовать и когда достигнут результат совершавшегося действия или деятельности, который был запланирован инициатором или

задумывался/реализовывался в сотрудничестве некой командой/группой/сообществом.

Здесь следует отметить, что даже если прогресс в информационно-коммуникативных технологиях преобразовал сферу коммуникаций (равно как и все другие сферы человеческой деятельности), и что если коммуникация остается тем, чем считали ее в древности софисты – универсальной методологией, – она с такими же основаниями может рассматриваться как звено в целостной цепи всей деятельности. В таком случае с точки зрения деятельностного подхода коммуникация может пониматься как внутренний компонент любой деятельности.

Эффективность достигается в том случае, когда некий организм, или система, являющаяся естественной, технической или искусственной, выполняет задачу, для которой она была задумана, спроектирована или произведена. В этом случае результат может быть достигнут даже без всякой инициативы или усилия со стороны данной системы.

В настоящее время формулируется более сложное определение продуктивности и формируются усложненные отношения между продуктивностью и эффективностью. Эффективность, понимаемая в научном смысле, и само научное открытие рассматриваются как наиболее эффективный результат, и, следовательно, как модель продуктивной деятельности, но сама эффективность научной деятельности оценивается через рыночную стоимость, получение которой становится возможным благодаря новому знанию.

Продуктивность связана с главными функциями системы: достижением поставленных целей; поддержанием ее внутренней структуры в динамичном и гибком состоянии; адаптацией к внешней среде; способностью изменяться или даже совершенствоваться. Очевидно, что когда система становится более продуктивной, ее способность реализовать набор основных функций тоже возрастает.

Приведенные выше выводы демонстрируют, что понятие продуктивности является более емким, так как:

- 1) продуктивность включает эффективность,
- 2) продуктивность в большей степени предполагает поведенческие, индивидуальные и субъективные аспекты,
- 3) продуктивность проявляет себя, когда возникают системы с информацией, или «информационные» системы, и развивается вместе с информационной составляющей системы или деятельности, но продуктивность достигает наибольшего развития, когда сама информация принимает формы сознательного намерения, понимания и самоанализа.

Эффективность и неэффективность коммуникации, также как и ее продуктивность, в конечном счете могут оцениваться путем учета эффективности данной деятельности в целом, как и эффективность типа и степени отдельного целевого усилия. Тогда продуктивность оказывается промежуточной или отложенной эффективностью, созданной системой взаимодействий и существующей как результат всех других компонентов индивидуальной и групповой активности. В конечном итоге продуктивная

коммуникация – не какое-то чисто современное явление, она имеет свою историю, которая является составной частью человеческой продуктивности вообще, и эта история в свою очередь уходит корнями в природу.

1. Степени продуктивности: высокая и низкая эффективность, псевдо-эффективность и контр-эффективность; не слишком ли много эффективности?

Степень продуктивности человеческой деятельности в ходе исторического развития общества постоянно возрастала от состояния полного отсутствия воздействия на окружающую среду до нынешнего уровня, когда среднее значение эффективности человеческой деятельности в его техническом выражении составляет около 50%, тогда как природные процессы на уровне структур живого имеют эффективность более 90%.

Это существенное различие в ярко выраженной манере «отвоевано» людьми, которые могут сейчас, как отдельные индивиды или цивилизация, оказывать, случайно или намеренно, деструктивное влияние на все 100%, на других индивидов или на всю окружающую среду.

Сравнительная эффективность может быть достигнута людьми на позитивной стороне шкалы успеха, когда они воодушевлены творческими целями, индивидуальными или коллективными. Люди могут быть способны на уникальные, необычные проявления в науке и искусстве, в социальных и исторических достижениях, даже без специального или элитарного образования, просто за счет обычного вдохновения, воли и сотрудничества даже при отсутствии каких-либо благоприятных средств технического, инструментального или материального характера.

Между этими крайними точками человеческая деятельность имеет, как правило и в сравнении со своими собственными возможностями, среднюю или даже низкую эффективность (так как ее обычное значение всегда менее 50 %), но во всех конкретных случаях, когда ее цели в спланированной ситуации достигнуты, причем с ожидавшимся результатом, полученную продуктивность можно считать стопроцентной и назвать успешной.

Но очень важные и решающие общественные события и действия – это те, которые создают нечто новое и которые открывают перспективы для роста и даже развития, то есть перемены. Или перемены означают также новые условия, неизвестные и неопределенные, и тогда результат и эффективность человеческих действий, ориентированных на перемену, точно такие же, как на заре человеческой истории, в состоянии риска, случайности, в зависимости от вдохновения индивидов или небольших групп, обремененных ответственностью.

Во всех этих случаях изменения, в особенности систематические, могут быть частично, неточно или некорректно оценены или утеряны, поскольку они не могут быть осуществлены в процессе плохо разработанных, отложенных или наполовину законченных реформ. Конечным результатом может быть псевдоэффективность, неэффективность или даже контрэффективность.

Помимо таких специфических случаев кризисных явлений, постоянно остаются активными некоторые общие причины, и среди них можно назвать слишком низкую, или, наоборот, слишком высокую продуктивность действия. В качестве примеров последней ситуации можно упомянуть банковское, аукционное дело или торговлю, а также деятельность в сфере высоких технологий, которая является сверх продуктивной (может быть, лучше сказать, сверх выгодной), но обычно с потенциально угрожающим, рискованным или даже опасным результатом.

Некоторые аспекты проблемы продуктивности, такие, как относящиеся к личностной или межличностной эффективности, или групповой и организационной продуктивности уже подвергались анализу [14]. Такие проблемные области, как социальная и личностная продуктивность, если и обсуждались ранее, то менее активно.

2. Условия и факторы эффективной коммуникации

Мы отстаивали точку зрения, что коммуникационный акт эффективен, если функции коммуникации точно выполняются в рамках конкретного процесса коммуникации. В качестве главных функций коммуникации мы выделяем познание и понимание, объяснение и предчувствие, самовыражение и самопонимание, социальное познание и влияние, развитие основных форм отношений в группе, организации и обществе в целом, социализацию, координацию в процессах действия и взаимодействия, убеждение, личное или общественное влияние для осуществления деятельности через совместные усилия и кооперацию.

Если мы в состоянии гарантировать согласованность в понимании коммуникации как действия, наилучшая позиция в коммуникации — действовать; тогда делать что-либо или делать то, что мы сказали, одновременно или когда мы обещали, является наиболее эффективным способом коммуникации и лучшей коммуникационной стратегией из всех, какие могут быть выбраны.

Далее, коммуникация может и должна быть проанализирована как действие или последовательность действий подобно любому другому социальному действию. Для улучшения процесса коммуникации было бы полезным и нужным изучение структуры социального действия.

Из того факта, что наиболее важные условия социальных действий создаются другими действиями и, в конечном итоге, системой действий, в которой имеет место то или иное отдельное действие, также проистекают новые важные черты процесса коммуникации и его эффективности.

Степень эффективности коммуникации зависит от индивидуальных и социальных условий и факторов, и правильно понять эти факторы и повлиять на них можно только при изучении их в единстве, поскольку поведение каждого человека, понимаемого как личность, определяется конкретными ситуациями, событиями и всем историческим процессом.

В качестве другого важного условия эффективности коммуникационной деятельности и процесса коммуникации можно указать на постоянное и

адекватное применение необходимого набора общих принципов коммуникации. Если акт коммуникации оказался неэффективным, то способ остановить и заново начать этот процесс состоит в проверке и в повторном применении упомянутых принципов.

3. Языковая и познавательная компетенции как главные факторы эффективной коммуникации

Понимание языка и умение его использовать – это главный смысл языковой компетенции, означающий также способность адаптировать дискурс к контексту, что в свою очередь можно достичь через специальную деятельность (научную, художественную, политическую, техническую и т. п.), особенности общества или случайно, а также с помощью социальных, культурных или исторических условий.

Продуктивный процесс коммуникации с этой точки зрения включает в себя:

- понятную форму выражения,
- учет состояния восприятия,
- создание правильных отношений общения,
- особое ударение на профессиональный опыт и/или опыт общения говорящего.

Красноречивыми в этом деле являются результаты изучения риторики, объектом которой является продуктивный анализ серий публичных бесед, проводившихся выдающимися историческими персонажами на различных этапах их карьеры [20]. Обзор их общих черт показывает, что эти беседы были кратки, конкретны, красноречивы и живы на начальном этапе и на вершине их карьеры, и длинные, педантичны, путаны или растеряны и скучны на нисходящем этапе или на закате общественной деятельности.

В этом же исследовании показано, что средняя рекомендуемая длина эффективного сообщения в публичном контексте составляет примерно 15 слов.

Второе важное требование связано с адекватностью взаимосвязи между объективным содержанием послания и субъективным убеждением говорящего, который сам в первую очередь должен быть глубоко убежден в истинности передаваемого сообщения. Далее, если партнер, руководитель или лидер хочет, чтобы ему доверяли и за ним шли, должна существовать неподдельная связь между его душевным состоянием и поведением. Позже мы подчеркнем решающее значение других, внутренних или культурных, невербальных и телесных посланий, которые могут завершить картину, создаваемую языковым поведением.

Существуют следующие важные свойства передаваемого сообщения, касающиеся самого его содержания, прежде всего – содержания, характеризующего процесс познания:

- а) используемые термины должны быть короткими, простыми, даже старомодными, полисемантичными, чтобы как можно большее число людей могли их расшифровать, понять и усвоить;

б) предпочтение следует отдавать понятиям, имеющим позитивный, гуманистический и универсальный смысл, таким как равенство, справедливость, независимость, правосудие, свобода, собственность и т. п.

Другие требования связаны с субъективной или психологической составляющей сообщения, а также с его структурными характеристиками, которые могут быть как формальными, так и неформальными. Неформальные характеристики находятся в глубокой внутренней связи с субъективными.

Такие разнородные условия эффективности в коммуникации — одновременно устойчивые и прочные, мимолетные и подсознательные, но в равной степени обязательные — были созданы или разработаны учеными от античности до наших дней, такими, как Аристотель (*Organon, III*), Джордано Бруно (*De imaginum, signorum et idearum compositione* а также *Artificum perorandi*, изданные в 2007 году под названием: *L'arte di comunicare: Artificium perorandi*) и J. Attali (*Le parole et l'outil*), A. V. Cicourel (*Cognitive sociology: Language and meaning in social interaction*), M. Olson (*Logique de l'action collective*), В. Туманов (*Право и идеология*), И. А. Серковин (*Социальная философия и пропаганда*), O. Reboul (*Le slogan*) или J. Habermas (*Cognition and communication*) и могут быть кратко выражены в следующих формулировках:

в) коммуникационные сообщения должны быть:

- открытыми: они должны основываться на индивидуальных ментальных структурах, посредством которых участники публичной активности продолжают и завершают данный дискурс в соответствии с собственными интересами;

- включенными:

- — быть адресованными целевой и ограниченной первичной или вторичной социальной группе и усиливать групповую или социальную идентификацию участников;

- — быть разработанными на основе хорошо распознаваемого лингвистического кода и психологически объединять людей в стремящиеся к успеху социальные группы, не только в уже существующие группы, но и для того, чтобы инициировать создание других/новых социальных структур;

- — должны создавать лучшую, возможно, идеальную версию социального имиджа этих групп;

- — мотивировать индивидов и группы действовать в соответствии с этими социальными представлениями или взглядами.

- быть готовыми к расширению, для того, чтобы создать больше групп по интересам вокруг тех же идей и проектов.

Другие условия корректной, а потому успешной коммуникации — ожидание, что будут проявлены достаточные лингвистические способности для кодирования и декодирования сообщений.

Сюда же можно добавить способность использовать результаты процесса коммуникации.

Если рассматривать коммуникацию как действие, следует подробнее представить многообразие аспектов, создающих саму ситуацию действия, которые включают:

- условия действия,
- средства осуществления действия и
- нормы, которые определяют различные типы действия.

В нашей статье мы показали более подробную схему внутренней структуры процесса коммуникационной деятельности как таковой, в которой особо подчеркнута роль идеалов и ценностей; можно напомнить также главный аргумент Платона, использованный им для доказательства действительного статуса идей: они существуют, потому что они действуют.

Среди условий эффективной коммуникации также можно отметить решающее значение личных качеств, равно как и используемых технических средств, особенно роль информационной технологии, помимо возрастающего значения гуманитарных (лингвистических, психологических и социально-психологических) средств коммуникации.

4. Роль принятия решения в коммуникации как деятельности

В наше время принятие решения облегчается благодаря стандартизации его отдельных этапов за счет применения новых, преимущественно информационных технологий. Само решение можно определить в понятиях информации и деятельности.

С первой, информационной точки зрения, решение можно определить как трансформацию новой, относящейся к данному вопросу полезной информации в эффективный выбор на уровне действия.

В соответствии с терминологией и содержанием теории деятельности решение можно рассматривать не только как определенную, все более важную часть деятельности, но и как разновидность действия, посредством которого ситуация деятельности изучается и оценивается и стратегия данного действия разрабатывается, передается и мотивируется.

Эффективный коммуникатор (репортер, модератор, консультант, менеджер, председательствующий и даже учитель или ученый, который распространяет результаты научного исследования) вынужден использовать способность принимать решения в процессе коммуникации, должен мастерски владеть ситуацией и управлять процессом коммуникации.

Очень важным звеном в цепи процессов деятельности является набор операций, которые структурируют общую последовательность акта принятия решения. Само решение можно представить, более того, как определенную деятельность, которая включает набор операций по принятию решения и последовательность стадий.

Стадии некоего комплексного решения можно анализировать как сумму нескольких необходимых шагов и далее как отдельные автономные решения. Несколько стадий могут быть стандартизированы и даже пройдены автоматически с помощью интеллектуальных информационных технологий, либо при помощи робототехники и/или интеллектуальных агентов, которые могут быть полезны в виртуальной среде, такие, как автономные программы веббот и ноубот (сборщик информации).

Процесс принятия решений в общих чертах одинаков для разных предметных областей, но имеет специфику для коммуникации. В сфере коммуникации он должен быть мгновенным, побудительным и выдвигающим инициативы.

Продуктивная коммуникация требует таких личных качеств, как динамичные черты темперамента и даже высшей нервной деятельности, креативные способности, различные типы интеллекта, среди них – практический интеллект и прежде всего эмоциональный интеллект.

Коммуникация может стать и остаться постоянной и важной составной частью сложного процесса принятия решения и, более того, она может представлять новую и даже основную проблему процесса принятия решения, и проблему для руководителей. Важной и открытой, одновременно теоретической и прикладной проблемой при этом остается проблема логики обучения принятию решений, которая может помочь повысить вес автоматического принятия решений в комплексных системах.

В процессе деятельности придается особое значение оценке, как и самому факту, что процесс оценки имеет место и важен на многих фазах действия любого типа, а потому также и в процессе коммуникации. Наиболее важна окончательная оценка, потому что в зависимости от ее результата деятельность может быть определена как оконченная или продолжающаяся, в конце концов, даже начата заново

- а) другими способами,
- б) в изменившихся условиях,
- в) с новыми целями, если и способы, и условия неадекватны.

С точки зрения оценки цепь действий яснее представляется как кибернетическая связь.

Если сам процесс коммуникации рассматривается с точки зрения деятельностного и оценочного подхода, как последовательность фаз, которыми могут быть потребности, мотивы, цели, средства, процедуры принятия решений, операции и технологии, и если некоторые нормы и правила оценки применяются на всех этих стадиях действия, появляется и может быть использовано для повышения эффективности всего процесса коммуникации такое же число возможностей его оптимизации.

5. Типы продуктивности в коммуникации

5.1. Индивидуальная познавательная и коммуникативная продуктивность

Хорошо сконструированное, характеризующееся знанием и уверенностью в себе сообщение является лучшим средством продуктивной коммуникации. Другими факторами эффективности как составной части персональной коммуникационной продуктивности является такой ряд переменных, как психологическая установка на успех, наличие цели и организационная культура, а также обратная связь. Некоторые связанные с этим проблемы рассматриваются в нашем курсе для магистров «Менеджмент коммуникаций и когнитивная психология».

Некоторые исследования в этой области демонстрируют прочную связь между личной и групповой мотивацией и решением как фактором коммуникационной продуктивности. Эта связь опосредована убеждениями, что помогает нам освободиться от неуверенности, которую иногда характеризуют как «боязнь судьбы».

Если продолжить рассматривать коммуникацию как действие и, более того, как сложную деятельность или даже набор деятельностей, можно отметить, что сильная мотивация поддерживает более легкий процесс принятия решения, в то время как слабая мотивация делает принятие решения более трудным.

Решение, в свою очередь, усиливает мотивацию, тогда как недостаток решимости ослабляет мотивацию. Установлено также, что неуверенность уменьшает мотивацию, тогда как уверенность усиливает ее.

В то же время отсутствие решения увеличивает отрицательную мотивацию, а принятие решения способствует подавлению веры. Сильная вера в успех способствует принятию решения и, в конце концов, продуктивному процессу коммуникации.

В организационных культурах, характеризующихся индивидуализмом, работники обычно добиваются лучших результатов, если они работают обособленно, в то время как в культурах, ориентированных на коллективизм, они будут достигать лучших результатов, работая в команде. Можно добавить, что многие важные и успешные организации уже внедряют так называемую *360-градусную обратную связь*.

5.2. Личная и коммуникационная продуктивность

Личная эффективность в коммуникации изучалась также с точки зрения ранее разработанной концепции личной эффективности [3], которая позволяет наблюдать персональный рост и веру в собственные способности и предлагает индивидуальные и групповые приемы, дающие возможность развить у человека способности к коммуникации. Она также может помочь исследовать веру людей в свою способность к управлению прогнозируемыми ситуациями.

Представление о личной эффективности стало концептуальной схемой с многочисленными практическими приложениями, например, в здравоохранении, образовании и иммиграционной политике. Ее приняли в качестве теоретической основы для решения методологической проблемы с целью разработать и утвердить шкалу для измерения восприятия субъектом личной эффективности его повседневной, профессиональной или даже культурной коммуникации.

Эта концептуальная схема была применена в культурологических и межкультурных исследованиях группами ученых, которые изучали продуктивность коммуникации в межкультурных ситуациях [19]. Они полагают – и это хороший пример также и в нашем случае – что, как только индивиды узнали по опыту, что такое *временное пребывание на другой этнической территории*, на их поведение заметным образом оказывается влияние, как в плане уверенности при осуществлении коммуникации в своих странах в

разнообразных меняющихся ситуациях, так и в плане уверенности в процессе коммуникации в другой культурной среде в будущем. Наше исследование идет еще дальше: оно пытается создать инструмент для измерения личностной эффективности при коммуникации в различных культурных средах.

Было исследовано взаимодействие между определенными факторами успеха в рамках других вопросов, связанных с личностной продуктивностью, как это сделано в главе о познавательной компетенции и осуществлении коммуникации нашего университетского курса менеджмента коммуникаций.

Результаты последних исследований показывают, что измерение самопродуктивности положительно влияет на общую продуктивность. Были разработаны шкалы личностной продуктивности для различных сфер деятельности.

5.3. Межличностная продуктивность и деятельность в контексте коммуникации

Этот тип продуктивности исследовался и обобщался на основе модели социальных компетенций, подробно разработанной в рамках психологии межличностного общения. Эта модель предлагает глубокое понимание психических процессов, влияющих на адекватное социальное поведение, таких как:

- настойчивость, понимаемая как способность убеждать или даже вести кого-либо за собой;
- поддержание доверия;
- интенсивная невербальная коммуникация;
- вербальная коммуникация как основное средство выражения социальной коммуникации;
- эмпатия, внимание и кооперация в понимании и разрешении сложных ситуаций;
- знание самой природы социальных проблем, корректная интерпретация и применение правил и норм;
- эффективная самопрезентация, влияющая на восприятие нас другими;
- возможность признавать разнообразие и принимать изменения, равно как и способность инициировать изменения и управлять ими в случае необходимости.

Применение этих фундаментальных требований межличностной коммуникации к новой технической, искусственной и даже виртуальной коммуникативной среде было предложено в нашей статье о коммуникации и интерперсонализации в создаваемых в Сети виртуальных рабочих группах [14], где с психологической, с технической, с междисциплинарной точки зрения рассматриваются глубокие изменения, происходящие и еще требующиеся, в самом основании средств и условий научной работы и коммуникационного взаимодействия.

В качестве специфического вопроса продуктивности межличностной коммуникации могут быть рассмотрены условия и особенности продуктивного аудирования. Продуктивное аудирование – это активное прослушивание, и в

отличие от пассивного слушания, являющегося существенным фактором контрпродуктивности, оно включает в себя постановку вопросов, поиск аналогичных идей, обнаружение новых предметов обсуждения, выбор, менее оценочный и толерантный к ошибкам, провоцирующее, но также дающее обратную связь и даже более заинтересованное отношение, возобновляемое, но также обладающее антиципацией, – все это способствует успешной межличностной коммуникации.

Межличностная продуктивность достигается не только рациональным управлением личностными и социальными умениями, навыками и компетенциями, но также управлением динамикой социальных отношений и поведения. Два последние, в свою очередь, эволюционируют как следствия внутри- и межличностных отношений, а затем – изменений личности и социума.

5.4. Продуктивность групп и организаций в коммуникации

Командная и групповая продуктивность в коммуникации важны преимущественно как аспекты групповой работы и групповой креативности, и они впервые были изучены как факторы групповой продуктивности.

В качестве основных факторов продуктивной групповой коммуникации важны такие аспекты, как сплоченность группы (психологическая и социальная), однородность мотиваций, высокие ожидания в отношении результатов работы, низкий уровень связанной с работой тревожности, сильная психологическая поддержка членов группы и корректная оценка результатов.

В свою очередь, продуктивная коммуникация благотворно влияет на статус и роль группы, так как она поддерживает в группе энтузиазм, укрепляет влияние группы на ее членов, повышает уровень участия и лояльности, обеспечивает низкий уровень напряженности, а также групповую удовлетворенность и высокую самооценку.

На организацию как на ближайшее окружение группы оказывается воздействие, и она сама влияет на продуктивность групповой коммуникации. Здесь мы не можем составлять список и давать описание благоприятствующих и, наоборот, препятствующих успешной деятельности условий организационной эффективности, как не можем исследовать и некоторые принуждающие обстоятельства, способные стать причинами продуктивности или контрпродуктивности в этой сфере.

Среди основных условий организационной продуктивности можно выделить три важных аспекта:

1. Структурные и функциональные проблемы организации;
2. Профессиональные (познавательные и практические) аспекты;
3. Достижения и ориентированное на будущее индивидуальное и групповое поведение.

Проиллюстрируем эти три аспекта с помощью одного из возможных подходов – психологического. Рассмотрим в соответствии с такой перспективой ряд характеристик организации и персонала, которые должны иметься в наличии или могут быть изменены, а именно:

а) профессиональная позиция, взаимосвязанная с профессиональной компетенцией и деятельностью;

б) специфические духовные состояния и практическая организация;

в) профессиональные и личностные достижения внутри организации.

Эти аспекты можно описать рядом характеристик, специфичных для успешной организации и для реализовавшейся личности.

Уровень продуктивности коммуникации в организации может быть повышен, если

аа) профессиональные позиции в организации ясны, но гибки и динамичны; организация пронизана определенной автономией; оригинальность в ее различных проявлениях является привилегированной ценностью; обратная связь осуществляется постоянно; сильные и разнообразные намерения осуществлять перемены поддерживаются внутри организации;

бб) душевное состояние членов организации и руководителей включает в себя одинаковое понимание практических задач; люди готовы принять свою ответственность за достижение общей цели; для персонала характерно глубокое понимание проблемы получения добавленной стоимости и достижения наивысших результатов;

вв) компетентность и высокие стандарты трудовой деятельности соответствуют уровню друг друга; как предписание, так и оценка обязанностей в организации характеризуются глубокой корректностью; профессиональную деятельность сопровождает личностное развитие; сбалансированы профессиональное и личное удовлетворение; осмысление заданий и результатов сопровождается прогнозом на будущее.

Может быть представлена и обсуждена более сложная, интегративная модель продуктивности в сфере коммуникации. Такая модель имеет следующие характеристики:

– сохраняет, расширяет и интегрирует представленные выше описания типов и степеней коммуникативной продуктивности, объединяет внутренние и внешние ресурсы менеджмента коммуникаций;

– отбирает и представляет характерные черты рассмотренных типов продуктивности (эффективность личности, персональная, межличностная, групповая и социальная эффективность);

– показывает последующую интеграцию проанализированных типов продуктивности во все более и более сложное целое, в котором они функционируют как предпосылки, а затем как условия для последующих типов целостности.

– подчеркивает взаимозависимость между всеми представленными типами коммуникативной продуктивности.

Такая модель может описать, но в равной мере и инспирировать увеличение эффективности профессиональной коммуникации путем применения психологических, социально-психологических, организационных, социо-технических и перспективных представлений о будущем, методов и технологий.

6. Продуктивность коммуникации и культура

Другие связанные с продуктивностью предметы исследования, такие как измерение и оценка продуктивности в познавательных компетенциях и в актах коммуникации или критерии измерения эффективности и системы критериев рассматриваются обычно в рамках менеджмента коммуникаций, где продуктивность изучается не только в виде достижения целей при помощи соответствующих ресурсов, но и в виде результатов, таких, как новая продукция или услуги, как деятельность, добавляющая стоимость или как достижение высочайших результатов в учении и образовании посредством познания и коммуникаций, которые поддерживаются информационными технологиями.

Недавно были исследованы культурные модели коммуникации и применение концепции коммуникабельности к некоторым специфическим сложностям, таким, как определенные расхождения, которые могут возникнуть между официальными попытками объединить метапрагматику посредничества и прагматические черты изложения новостей [5]. Сложность коммуникации в ориентированной на новости и высоко виртуализированной культуре иллюстрируется некоторыми аналитическими проблемами, возникающими на новых путях, в которых семиотическая медиация и превращение в товар пересекаются в процессе медиатизации.

Межкультурная коммуникация в реальном времени – другой, но, возможно, впервые поставленный вопрос в книге, которая рассматривает этические проблемы коммуникации, от традиционной журналистской этики до этики цифровых средств массовой информации [8, с. 52 – 53; 119 – 125]. Здесь представлены этические теории различных культур, но, что еще важнее, обсуждаются в глобальной перспективе этические проблемы средств массовой информации.

Представленный здесь интегративный и междисциплинарный взгляд на коммуникацию не является до конца понятным, если он не включает также специальное исследование культуры коммуникации, которое развивает и интегрирует сложные информационные и познавательные виды деятельности, потоки, центры и сети [15] и генерирует новые ценности, отношения и формы организации, также как и новое сообщество, то есть коммуникативное сообщество. В этом контексте можно говорить также и о культурной продуктивности, достигаемой в том числе за счет продуктивности коммуникации, которая, в свою очередь, основывается, помимо прочего, на новом образе мышления – коммуникативном мышлении, который также исследуется отдельно [12].

Разнообразие интеллектуальной деятельности, методов и технологий, поддерживаемых информационно-коммуникативными технологиями, а также ряда других видов деятельности, поддержанных этими же технологиями, создает новую культурную среду и даже новую культуру. Сама наша новая культура постоянно модифицируется техническими, экономическими, политическими и духовными видами деятельности, которые возникают, по-новому структурируются и проектируются. Возникают некоторые новые

области культуры (такие, как компьютерная культура и сетевая культура). Более того, новая технологическая инфраструктура вызывает к жизни новые когенерирующие и коэволюционные взаимодействия между новой экономикой и новой культурой, и таким образом рождается так называемая экономика культуры, основанная на производстве предметов культуры и на рынке продуктов культуры [24], посредством сложного процесса, в котором культурные учреждения сохраняют свое специфическое значение, но функционируют с помощью средств информатики, позволяющих им иметь уровень эффективности, к настоящему времени достигнутый только промышленными и сервисными предприятиями.

Как показано этим же автором, в данном контексте используются и технологии менеджмента, и мультимедийные технологии интерфейса для того, чтобы развивать индустрию цифрового контента в устойчивом обществе знаний, использующие вычислительные сети и проекты неспециализированного типа CULTIVATE и CELIP, или предназначенные для чтения, как TEL, и для театра, как HAMLET. Предлагаются коммуникативные модели интеллектуальных практик, опосредованные технологиями [22], начиная от научных докладов эмпирического характера, использующих такие методы, как цепи актов коммуникации, – метод, который можно рассматривать как вновь введенный в употребление Spinuzzi в исследовательском проекте под заголовком *Developing communicative event models (CEMs) [Развивающиеся модели актов коммуникации]* – до эмпирических исследований в прикладной лингвистике [13], в которых язык как таковой рассматривается как «взаимосвязанные акты коммуникации», связанные друг с другом в рамках культуры. В настоящее время познание опосредуется, поддерживается и усиливается коммуникацией, и коммуникация создает посредством коммуникативного сообщества новую культуру – культуру коммуникации. Но мы должны определить, является ли она лишь частью большой культуры и (в этом неопределенном смысле) субкультурой, или она обладает тенденцией перехода в полу-культуру или даже псевдокультуру (в оценочном смысле). Должна ли она пройти через фазу контркультуры, чтобы вернуться снова как новый и ценный способ ответа на новые, но реально существующие человеческие потребности? Сейчас культурное сообщество ждет появления действительно коммуникативного сообщества.

Список литературы

1. Abell A., Oxbrow N. *Competing with knowledge: The information professional in the Knowledge Management age*. London, Library Assoc. Publishing, 2002.
2. Applegate L. M., McFerlan F. W., McKenny J. L. *Corporate information systems management*, 4-th edition. Boston, Massachusetts, The McGraw Hill Companies, Inc., 1996.
3. Bandura A. *Self-Efficacy: The exercise of control*. New York, NY: Freeman, 1997.

4. Beretti A. De, Legrand J.-A, Boniface J. *Communication techniques*. Iași, Polirom Publishing House, 2001.
5. Charles L., Briggs C. L. On virtual epidemics and the mediatization of public health. *Mediatized Communication in Complex Societies*. Special Issue of *Language and Communication*, 2011, №31 (3), pp. 217 – 228.
6. Bulai A. *Focus-group*. Bucharest, Paideia Publishing House, 2000.
7. Dertouzos M. *Information Highways: How We Will Live in the Information Age*. Bucharest, Editura Tehnica, 2000.
8. Ess Ch. *Digital Media Ethics*. Cambridge (UK) and Malden (USA), Polity Press, 2009.
9. Filip Fl. Gh. Toward an economy of culture and an information infrastructure. *Information Society and Knowledge society: Concepts, solutions and strategies for Romania*, Bucharest, Expert Publishing House, 2001, pp. 143 – 156.
10. Herseni T. *Sociology of language*. Bucharest, Scientific Publishing House, 1976.
11. Latham G. P., Locke E. A., Fassina N. E. The High Performance Cycle: Standing the Test of Time, in Sonnentag, S. *Psychological Management of Individual Performance*, New York, John Wiley and Sons, Ltd, 2002.
12. Miega B. *Communicational Thinking*, Bucharest, Editura Cartea Românească, 1998.
13. Mortimer Katherine S. Communicative Event Chains in an Ethnography of Paraguayan Language policy. *International Journal of the Sociology of Language*, 2013 (219), January 2013, pp. 67 – 99.
14. Pană Laura. Communication and Inter-Personalization in Virtual Work Groups Constituted on the Web. *Communication – Suggestion and Influence: Interdisciplinary and Trans-Disciplinary Aspects*, Bucharest, Sigma Publishing House, 2009, pp. 53 – 62.
15. Pană Laura Cognition and Communication Management Technologies and Environments. *Philosophy of Information and Information Technologies*, Bucharest, Politehnica Press, 2004, pp. 122 – 132.
16. Pană, Laura. Social Efficacy by Responsible Change Management. *Social Responsibility and the Requisite Holism of Action*, a dedicated issue of *Systemic Practice and Action Research*, December 2013, Volume 26, Issue 6, pp 579 – 588.
17. Pană Laura. Social Invention and Change Management. *Noesis*, 2009, №34 (1), pp. 41 – 52.
18. Pânișoară I. O. Group communication. *Efficient communication*, Iași, Polirom, 2008.
19. Peterson J., Milstein Tema O., Chen Y. W., Nakazawa M. Self-efficacy in communication: The development and validation of a sojourners' scale. *Journal of International and Intercultural Communication*, 2011, №4 (4), pp 290 – 309.
20. Richaudeau Fr. Language et action, *Les théories de l'action*, Paris, Hachette, 1972.
21. Sparrow P., West M. Psychology and Organizational Effectiveness. *Organizational Effectiveness: The role of Psychology*, New York, John Wiley and Sons, Ltd., 2002.

-
22. Spinuzzi C., Hart-Davidson W., Zachry M. Chains and Ecologies: Methodological Notes Toward a Communicative-Mediational Model of Technologically Mediated Writing. *Proceedings of the 24th Annual International Conference on Design of Communication*, Myrtle Beach (SC, USA), SIGDOC, 2006, October 18 – 20.
23. Tubbs T. C., Collins J. M. A Meta-Analysis of the Relationship Between Role Ambiguity, Role Conflict and Job Performance, *Journal of Management*, 2000, №26 (1), pp. 155 – 169.
24. Tufiş D., Filip Fl. Gh. *The Romanian language in the information and knowledge society*, Bucharest, Expert Publishing House, 2002.
25. Zlate M. Efficiency – a Fundamental Issue in Organizational Psychology. *Treatise on Organizational–Managerial Psychology*, Iaşi, Polirom, 2004, pp. 155 – 209.

УДК 3.30.32.303.01

Теории развития человека в контексте глобализации*

Лукин Владимир Николаевич – государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Российская таможенная академия», Санкт-Петербургский филиал имени В. Б. Бобкова, научно-исследовательский отдел, ведущий научный сотрудник, доктор политических наук, доцент, Россия, Санкт-Петербург.

E-mail: lvn55555@mail.ru.

193077, Россия, Санкт-Петербург, ул. Софийская, д. 52,
тел. +7 (812) 706-43-75.

Мусиенко Тамара Викторовна – федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России», Институт безопасности жизнедеятельности, кафедра философии и социальных наук, профессор; федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения», кафедра истории и философии, профессор, доктор политических наук, Россия, Санкт-Петербург.

E-mail: tvn77777@mail.ru.

196135, Россия, Санкт-Петербург, ул. Гастелло, д. 15,
тел. +7 (812) 708-42-13.**Авторское резюме**

Состояние вопроса: В условиях глобализации и глобальной конкуренции от состояния и уровня развития индивида и общества в целом зависят успех или неудача социально-экономического развития, степень геополитического влияния государства. Поэтому проблемы развития человека все чаще становятся предметом исследований ряда наук в различных странах мира. Зарубежные и отечественные ученые фиксируют определенный упадок влияния традиционных теорий развития человека, что вызывает необходимость анализа причин этого явления и адекватной оценки потенциала современных теорий.

Результаты: В изучении личности последние годы наблюдается уменьшение влияния традиционных «гранд теорий» и переход к разработке преимущественно «микротеорий», то есть более частных и конкретных концепций. Наиболее перспективные направления исследования проблем человека и личности сложились в рамках психологического, экономического и политико-культурологического подходов. Среди психологических теорий можно выделить три направления: механистические, организмическое и контекстуалистское. Широкое распространение получили кросс-культурные исследования, теория самодетерминации, теория трансформационного

* © В. Н. Лукин, Т. В. Мусиенко, 2014.

лидерства, теория социальных изменений и ставшая ее истоком интегративная теория развития личности, являющаяся соединением концептуальных положений экономических и психологических теорий на основе политико-культурологического подхода.

Область применения результатов: Результаты теоретического анализа состояния и тенденций развития научного познания в области разработки психологических и экономических теорий развития человека, интегративной теории социальных изменений и других могут быть учтены в дальнейших теоретических исследованиях психологических, культурологических, экологических, социально-политических аспектов проблемы развития человека. Соответствующие научные результаты могут найти применение в прикладных исследованиях по соответствующей проблематике, а также в практической деятельности в сфере политики, образовании, здравоохранении, управлении.

Выводы: В современной политической науке все больше утверждается точка зрения о нарастании в условиях глобализации влияния процесса диверсификации подходов к пониманию перспектив современного развития. Общим же для большинства исследований проблем глобального развития является положение о кристаллизации не какого-то одного типа современной цивилизации, а о формировании многообразия таких типов.

В то же время в эпоху формирования современного информационного общества, проблем и рисков глобального развития востребованы интегрированные, транс-дисциплинарные концептуальные подходы к переосмыслению сущности и проблем развития человека, его безопасности, социальной жизни и нравственного блага. Задача философии и других наук – разработка адекватных теоретических подходов к пониманию развития человека в современном мире.

Ключевые слова: глобализация; теория развития человека; кросс-культурные исследования; интегративные теории; преференции.

Theories of Human Development in the Context of Globalization

Lukin Vladimir Nikolaevich – Russian Customs Academy, Saint Petersburg branch named after V.B. Bobkov, Scientific and Research Department, Leading Research Worker, Doctor of Political Sciences, Professor, Saint Petersburg, Russia.

E-mail: lvn55555@mail.ru.

52, Sofijskaja st., Saint Petersburg, Russia, 192241.

тел. +7 (812) 706-43-75.

Musienko Tamara Viktorovna – St. Petersburg University of the State Fire Service of EMERCOM of Russia, Life Safety Institute, Department of Philosophy and Social Sciences, Professor; St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Department of Philosophy and History, Professor, Doctor of Political Sciences, St. Petersburg, Russia.

E-mail: tvm77777@mail.ru.

15, Gastello st., Saint Petersburg, Russia, 196135.

tel: +7 (812) 708-42-13.

Abstract

Background: In the context of globalization and global competition it is becoming evident that the success or failure of socio-economic development and the degree of geopolitical influence of the state depend on the state and level of development of the individual and society in general. Therefore the problems of human development have increasingly become the subject of investigations of a number of sciences in various countries of the world. Foreign and domestic scientists fix a certain decline of the influence of the traditional theories of human development, which calls for the analysis of the causes of this phenomenon and an adequate assessment of the potential of modern theories.

Results: Perspective directions of research of problems in human development, determined in the framework of psychological, economic, political and cultural approaches are disclosed. The authors also present a detailed description of selected practices in the application of relevant theories in choosing the optimal ways of creative development in domestic social practices.

Research limitations: The results of theoretical analysis of the status and trends of development of scientific knowledge in the field of development of psychological and economic theories of human development, the integrative theory of social change and others can be taken into account in further theoretical studies of psychological, cultural, ecological, socio-political aspects of the problems of human development. Relevant scientific research results can be used in applied research in the subject matter, as well as in practice in politics, education, health and governance.

Conclusions: The point of view according to which in the conditions of globalization, the growing influence of the process of diversification of approaches to understanding the perspectives of modern development is increasingly widespread in modern political science.

Common to most studies of the problems of global development is the thesis about the crystallization of not any special type of modern civilization, but the formation of the diversity of these types.

At the same time, in the era of formation of modern information society, issues and risks of global development demand for integrated, trans-disciplinary approaches to rethink the essence and problems of human development, his safety, social life and moral welfare. The task of philosophy and other humanities is to develop adequate theoretical approaches to understanding the essence of human development in the modern world.

Keywords: globalization; theory of human development; cross-cultural studies; the integrative theory; preferences.

Глобализация и соответствующие процессы всеобщей трансформации различных сфер жизни человека, прежде всего социально-экономической сферы, политической жизни, культуры, окружающей среды, информационного

контекста, духовного и внутреннего мира личности, актуализируют проблему развития человека.

В эпоху формирования современного информационного общества, проблем и рисков глобального развития востребованы интегрированные, трансдисциплинарные концептуальные подходы к переосмыслению проблем сущности и развития человека, его безопасности, социальной жизни и нравственного блага. Задача философии и других наук – разработка адекватных подходов к пониманию развития человека в современном мире [см. идеи и подходы: 4; 5; 20].

Президент Российской Федерации В. В. Путин в своем выступлении на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» 19 сентября 2013 года отметил, что в условиях глобальной конкуренции от состояния человека зависят успех или неудача социально-экономического развития, степень геополитического влияния. Главное же условие успеха – это качество людей, качество интеллектуального, духовного, морального общества. В сердце нашей философии, – подчеркнул он, – должно быть развитие человека [1].

Проблемы развития человека все чаще становятся предметом исследований разных наук в различных странах мира. Анализируя тенденции развития и оценивая потенциал традиционных и современных, разрабатываемых в последнее десятилетие, психологических теорий развития личности Томас Р. Мюррей (Thomas R. Murray) фиксирует определенный упадок влияния традиционных «гранд теорий» и отмечает переход к разработке преимущественно «микротеорий», связывая с этим вектором перспективы разработки теории развития человека в рамках психологического подхода. В качестве перспективных Томасом выделены теории, отличающиеся особым акцентом на проблематике социального контекста и роли социальных движений (феминизм, этнические меньшинства и другие) и учитывающие при этом необходимость уделять больше внимания осмыслению индивидуальных различий [17; 20].

Не случайным в этом отношении представляется тот факт, что новейшие труды ученого выполнены на основе интегративной методологии с использованием концептуального аппарата социологической теории обмена и соответствующего интерпретивного метода в рамках методологии качественного анализа [18]. Это один из примеров экзогенной интеграции концептуальных подходов на основе включения в психологические исследования проблем развития личности элементов социологического подхода.

Вместе с тем, современные психологические теории развития человека разрабатываются преимущественно в рамках интеграции эндогенного характера, то есть за счет развития на базе классических традиционных теорий элементов отдельных психологических теорий среднего радиуса действия, а также продвижения на этой основе современных концептуальных идей, генерированных под влиянием проблематики, связанной с динамикой современных информационных процессов, экологией человека, глобализацией и иных.

Оценивая на рубеже веков состояние и тенденции развития научного познания в области разработки психологических теорий развития человека в новом тысячелетии, Дейл Голдхабер (Dale E. Goldhaber) выявляет ряд современных теорий, обладающих соответствующим интегративным потенциалом, группируя их по трем основным направлениям.

Первое направление обозначено как механистическое, группирующее теории, отражающие роль когнитивных процессов и механизмы их воздействия на процесс развития личности (отвечают на вопрос: «Как мы развиваемся?»). К современным интегративным теориям этой перспективной линии отнесены: теория обучения (Learning Theory), социальная теория познания (Bandura's Social Cognitive Theory), теории современных информационных процессов (The Information Processing Perspective), теоретическая бихевиоральная перспектива осмысления поведения и развития человека с генетической точки зрения (The Developmental Behavior Genetic Perspective).

Второе направление в классификации Голдхабера – организмическое. Это – группа современных теорий, разрабатываемых на основе идей классических психологических теорий развития личности, акцентирующих эндогенные факторы развития человека (отвечают на вопрос «Почему мы такие?»). В этом типе интегративных теорий представлены: психобиологическое направление исследования проблем развития человека (The Developmental Psychobiological Perspective), конструктивистская теория Пиаже (The Constructivist Theory of Jean Piaget), неоконструктивистские теории (Neo-Piagetian Perspectives), психодинамические модели Зигмунда Фрейда и Эрика Эриксона (The Psychodynamic Models of Sigmund Freud and Erik Erikson).

Третье перспективное направление – контекстуалистское. Это группа теорий, ориентированных на изучение контекста и экзогенных факторов развития человека. В этот класс теорий отнесены: когортные исследования продолжительности жизни (Life-Span Cohort Perspectives), социокультурная теоретическая перспектива и теория Выготского (Vygotsky and the Sociocultural Perspective), постмодернизм (Postmodern Perspectives) [9].

В одной из последних своих работ Голдхабер еще раз возвращается к вопросу о перспективности дифференциации концептуальных подходов к проблеме развития человека, прежде всего по линии расхождения в выборе соответствующего приоритета: теоретическая разработка проблемы либо с точки зрения определяющего влияния самой человеческой природы как внутреннего фактора развития человека, либо с позиций оценки доминирующего воздействия внешних факторов, связанных прежде всего с воспитанием и социализацией личности. Отмечая объективность дифференциации в развитии научного знания и подчеркивая потенциал многообразия теоретических подходов, ученый указывает на определенную условность подобного разграничения и отдает предпочтение перспективе интеграции концептуальных подходов к пониманию проблем развития человека в современном обществе [10].

Подобный подход к типологизации современных перспективных линий психологических исследований и теорий развития человека содержится в

классификациях Барбары Ньюман и Филипа Ньюмана (Barbara M. Newman and Philip R. Newman), Нейла Салкайнда (Neil J. Salkind) N., подчеркивающих, с одной стороны, дифференциацию интегративных психологических теорий по линии приоритетности либо биологических факторов развития человека, либо инвайронментальных аспектов, и определяющих в качестве потенциально перспективного тренда разработку теорий, опирающихся на исходное положение о взаимодействии внутренних и внешних факторов развития человека, с другой [15; 16].

Классификация основных психологических теорий развития Патриции Миллер дает комплексное представление о современных ведущих теориях развития человека: когнитивная теория развития Пиаже и модификационные модели неокогнитивизма (Piaget's Cognitive-Stage Theory and the Neo-Piagetians), психоаналитические теории Фрейда и Эриксона (Frued's and Erikson's Psychoanalytic Theories), теория информационных процессов (Information-Processing Theory), этиологические теории и теории эволюции (Ethiology and Other Evolutionary Theories), теория развития с позиций экологического восприятия Гибсона (Gibson's Ecological Perceptual Theory of Development), социокультуралистическая перспектива и теория Выготского (Vygotsky and the Socioculturalists), новейшие мини-теории и развивающиеся теории, в частности теории динамических систем, контекстуальные теории развития человека и другие (Contemporary Mini-Theories and Emerging Theories) [13].

Особое внимание в современной психологии развития уделяется проведению кросс-культурологических исследований и психолого-культурологической теоретической перспективе с соответствующей концептуализацией аспектов развития человека в различных культурных контекстах [14].

Теория самодетерминации включает в себя пять составляющих: теории организмической интеграции, теории когнитивной оценки, теории каузальных ориентаций, теории базовых психологических потребностей, теории содержания целей. Согласно этой теории мотивация любого продуктивного изменения базируется на удовлетворении базовых психологических потребностей в автономии и компетентности.

Т. О. Гордеева, анализируя результаты исследований стратегии и практик в рамках этой теории в сфере образования, приходит к выводу, что поддержка автономии является фактором, повышающим мотивацию и психологическое благополучие субъектов учебной деятельности. Реализация стратегии и практик, опирающихся на интерес, компетентность, собственную волю и желание, приводят к большей настойчивости и лучшим результатам обучения, чем мотивация учебы посредством наград, оценок, санкций и других внешних манипуляций.

Проблема состоит в том, что в большинстве учебных сред обучающиеся страдают от недостаточной поддержки автономии. Это, в свою очередь, происходит из-за того, что преподаватели часто недооценивают способности учащихся к самомотивированию и считают мотивацию фиксированной чертой.

Когда мотивация низка, они, не зная иных конкретных способов, используют контролирующие стратегии, чтобы преодолеть дефицит мотивации. К этому их подвигает и постоянный прессинг со стороны многочисленных проверяющих и оценивающих их инстанций, самих учащихся, их родителей.

Исследователь обозначила практические проблемы применения теории, среди которых: культурная универсальность теории, специфика ее применения в различных областях, выявление поддерживающих автономию стратегий и обучение им для повышения эффективности.

Основные пути поддержки автономии в учебной среде сформулированы следующим образом: стремление понять точку зрения обучаемых, стимулирование их на проявление инициативы, поддержка разнообразия ее проявления, обеспечение возможности выбора.

Исходя из современного состояния здравоохранения и отношения граждан России к своему здоровью, у исследователей должен вызвать интерес и активный поиск в различных странах мира конкретных форм поддержки автономии и компетентности у пациентов с целью повышения эффективности врачебных рекомендаций и формирования у людей здоровых привычек. Очевидно, что эти исследования должны быть проведены и в условиях нашей культуры. Может выясниться, что поддержка иных базовых психологических потребностей, а не автономии, станет более важным источником, мотивирующим к следованию врачебным предписаниям, так как именно от их фрустрации максимально страдают российские больные. Хотя применение метода структурного моделирования в ряде стран подтвердило, что воспринимаемая поддержка автономии является каузальным фактором, который способствует увеличению автономной мотивации и мотивации, основанной на компетентности, что, в свою очередь, приводит к отказу от вредных привычек и уменьшению вероятности рецидивов, – утверждает Т. О. Гордеева. Исследования в области применения теории самодетерминации и трансформационного лидерства к мотивации профессиональной деятельности идут в направлении создания эффективного диагностического инструментария, разработки шкалы внутренней мотивации на базе Опросника трудовой мотивации (Revised Motivation at Work Scale; Gagne, Forest et al., 2010), разработанного под руководством канадского психолога М. Ганье коллективом исследователей из 12 стран [2].

Солидаризуясь с Томасом Р. Мюрреем, Даниел Хаусман (D. Hausman) подчеркивает, что разрабатываемые в рамках экономического подхода теории рационального выбора (Rational Choice Theories), теории формирования предпочтений (Theories of Preference Formation) нуждаются в дальнейшем развитии, прежде всего с учетом особенностей трактовки концепции предпочтений с позиций современных психологических теорий и философских рефлексий проблематики субъектного действия и его связи с нравственным выбором.

Характерно, что отмечая в целом конструктивность интерпретивного, прогностического и аналитического потенциала теории формирования предпочтений и ее модификаций, Хаусман подвергает критике односторонние

взгляды на предпочтения в терминах сугубо рационального выбора и эгоистических интересов личности. Ориентируясь на необходимость расширения психологических и философских оснований теории, Хаусман полагает, что при построении моделей формирования предпочтений и процесса их изменения следует учитывать и когнитивные ориентации, прежде всего в аспекте разумности действия, и эмоциональные ориентации, а также ценности и нормы морали как важные факторы формирования предпочтений [11].

К теории трансформационного лидерства Д. Бернса (J. Burns) и Б. Басса (B. Bass) активно обращаются современные специалисты в области трудовой мотивации персонала.

В этой теории внимание смещено с внешних средств управления на внутренние. На первый план выходит личностный рост и развитие у работников внутреннего чувства самореализации и эффективности. При этом используются следующие практики:

Индивидуальный подход (Individualized Consideration) – внимание, которое проявляет лидер к развитию работников и к их личным интересам, обеспечивая среду для их удовлетворения; интеллектуальная стимуляция (Intellectual Stimulation) – поощрение самостоятельности сотрудников, поиска новых путей решения привычных задач; вдохновляющая мотивация (Inspirational Motivation) – формирование ясной и достижимой цели, повышение уровня ожиданий, уменьшение сложности путем сведения проблемы к ключевым вопросам; идеализированное влияние (Idealized Influence) – стремление лидера стать для своих работников образцом для подражания через постоянное саморазвитие.

Действуя таким образом лидер может преобразовывать своих работников в лидеров, ответственных за собственные действия, поведение, исполнение поставленных задач и личностное развитие [3, см.: 6, с. 4 – 9, см.: 7, с. 5 – 8].

Эффективность теории трансформационного лидерства заключается в соответствии ее основных положений и рекомендаций по эффективному удовлетворению базовых потребностей работников росту их автономной мотивации и уменьшению контролируемой мотивации. Трансакционное лидерство, выделяемое Б. Бассом, напротив, приводит к уменьшению автономной и усилению контролируемой профессиональной мотивации.

Характерным примером соединения на базе политико-культурологического подхода концептуальных положений экономических и психологических теорий развития человека возможно рассматривать интегративную теорию развития личности Уэлзела-Инглехарта-Клингемана [8, 12, см.: 19 с. 1 – 37], ставшую основой стратегии социальных изменений (Theory of Human Development).

Суть интегративной теории социальных изменений состоит в соединении теоретических подходов к пониманию процессов социоэкономического развития, культурных изменений и развития демократии в условиях глобализации, с одной стороны, и установлении взаимосвязи этих трех факторов, с другой.

Стратегия социальных изменений разрабатывается соответствующими международными исследовательскими центрами с целью минимизации рисков

глобального развития и оптимизации эффектов, связанных с процессами социоэкономического, культурного и политического развития, с учетом ключевых положений теории развития личности, разрабатываемой в рамках традиций мичиганской школы политического анализа [Школа гуманитарных и социальных наук Бременского международного университета (School of Humanities and Social Sciences, International University Bremen = IUB), Институт социальных исследований Мичиганского университета (Institute for Social Research, University of Michigan = ISR), Берлинский Центр социальных исследований (Social Science Research Center Berlin)].

Составляющими интегративной теории являются также теория изменения ценностей (Theory of Value Change), теория рационального выбора (Rational Choice Theory), теория демократии (Democracy Theory), теория развития личности, основные положения которых адаптированы и инкорпорированы в интегративную теорию развития личности как теорию социальных изменений.

Теория социальных изменений как условия развития личности представлена тремя основными концептуальными компонентами.

Первый компонент – концепция социоэкономического развития (Socioeconomic Development) как фактора, способствующего расширению возможностей выбора за счет обеспечения граждан соответствующими индивидуальными ресурсами (Individual Resources).

Второй компонент – концепция изменения культуры, которое выражается в перемещении акцента на ценности самовыражения (Self-Expression Values), способствующие формированию у людей установок на приоритет личного автономного выбора.

Третий компонент – концепция демократизации как процесса, обеспечивающего гражданам эффективную систему политических прав (Effective Rights), гарантирующих законность индивидуального выбора форм участия в сфере политики.

Все три компонента имеют общим концептуальным основанием проблему расширения возможностей индивидуального выбора.

Интегративной теорией социальных изменений инкорпорированы те положения названных выше теорий, по которым достигнуты определенный консенсус и сложилась некая общая позиция в трактовке эффектов исследуемых процессов.

Стратегия социальных изменений предполагает предотвращение рисков конфликта ценностных систем, вызываемых социокультурными кливетжами и чреватых угрозой противостояния цивилизаций и культур в условиях глобализации.

В современной политической науке все больше утверждается точка зрения о нарастании в условиях глобализации влияния процесса диверсификации подходов к пониманию перспектив современного развития. Общим для большинства исследований проблем глобального развития является положение о кристаллизации не какого-то одного типа современной цивилизации, а формировании многообразия таких типов.

Список литературы

1. Выступление В. В. Путина на встрече клуба «Валдай» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.rg.ru/2013/09/19/stenogramma-site.html> (20.09.2013).
2. Гордеева Т. О. Теория самодетерминации: настоящее и будущее. Часть 2: Вопросы практического применения теории // [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. – 2010. – № 5(13). URL: <http://psystudy.ru> (30.09.2013).
3. Кудряшова Е. В. ЛИДЕР. Исследования лидерства в современной западной общественно-политической мысли. Архангельск, 1996. – 226 с.
4. Arnett J. Human Development: a Cultural Approach. Upper Saddle River, N.J.: Pearson, 2012, 740 p.
5. Ashford N. Technology, Globalization, and Sustainable Development: Transforming the Industrial State. New Haven, Conn.; London: Yale University Press, 2011, 720 p.
6. Bass B. Leadership and Performance Beyond Expectations. N.Y., 1985. pp. 4 – 9.
7. Burns J. Leadership. N.Y., 1978. P. 5 – 8.
8. Changing Human Beliefs and Values, 1981 – 2007: a Cross-Cultural Sourcebook based on the World Values Surveys and European Values Studies. Ronald Inglehart ... [et al]. 1st ed. D.F.: Siglo Veintiuno Editores, 2010, 262 p.
9. Goldhaber D. The Nature-Nurture Debates: Bridging the Gap. University of Vermont. Cambridge: Cambridge University Press, 2012, 178 p.
10. Goldhaber D. Theories of Human Development: Integrative Perspectives. Mountain View, CA: Mayfield Pub., 2000, 416 p.
11. Hausman D. Preference, Value, Choice, and Welfare. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2012, 153 p.
12. Inglehart R, Welzel Ch. Modernization, Cultural Change, and Democracy: the Human Development Sequence. Cambridge, UK; New York: Cambridge University Press, 2005, 333 p.
13. Miller P. Theories of Developmental Psychology. 4th ed. New York: Worth Publishers, 2002, 518 p.
14. Miller P. Theories of Developmental Psychology. 5th ed. New York: Worth Publishers, 2011, 507 p.
15. Newman B., Newman Ph. Theories of Human Development. Mahwah, N.J.: Lawrence Erlbaum Associates, 2007, 330 p.
16. Salkind N. An Introduction to Theories of Human Development. Neil J. Salkind. Thousand Oaks, Calif.: Sage Publications, 2004, 351 p.
17. Thomas R. M. Recent Theories of Human Development. Thousand Oaks, Calif.: Sage Publications, 2001, 311 p.
18. Thomas R. M., Iding M. K. Explaining Conversations: a Developmental Social Exchange Theory. Lanham: Jason Aronson, 2012, 209 p.
19. Welzel Ch., Inglehart R., Klingemann H.-D. Human Development as a Theory of Social Change. Available at: URL: <http://wvs.isr.umich.edu>. P. 1 – 37. (accessed 30.09.2005).

20. What is a Person?: Rethinking Humanity, Social Life, and the Moral Good from the Person up. Smith Ch. Chicago: University of Chicago Press, 2010, 518 p.

References

1. Prime Minister Vladimir Putin at a meeting of the club "Valdai" [*Vystuplenie V.V.Putina na zasedanii kluba «Valdaj»*]. Site «RG RU». Available at: <http://www.rg.ru/2013/09/19/stenogramma-site.html> (accessed 20.09.2013).
2. Gordeeva T.O. Self-Determination Theory: Present and Future. Part 2: Issues of a Practical Application of a Theory [*Teorija samodeterminacii: nastojashhee i budushhee. Chast' 2: Voprosy prakticheskogo primeneniya teorii*]. Site «Psikhologicheskie Issledovaniya». Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2010n5-13/378-gordeeva13.html> (30.09.2013).
3. Kudryashov E. V. LEADER. Researching Leadership in Contemporary Western Political Thought [*Issledovaniya liderstva v sovremennoj zapadnoj obshchestvenno-politicheskoy mysli*]. Arkhangelsk, 1996, 226 p.
4. Arnett J. *Human Development: a Cultural Approach*. Upper Saddle River, N.J.: Pearson, 2012, 740 p.
5. Ashford N. *Technology, Globalization, and Sustainable Development: Transforming the Industrial State*. New Haven, Conn.; London: Yale University Press, 2011, 720 p.
6. Bass B. *Leadership and Performance Beyond Expectations*. N.Y., 1985. P. 4–9.
7. Burns J. *Leadership*. N.Y., 1978. P. 5–8.
8. *Changing Human Beliefs and Values, 1981-2007: a Cross-Cultural Sourcebook based on the World Values Surveys and European Values Studies*. Ronald Inglehart ... [et al]. 1st ed. D.F.: Siglo Veintiuno Editores, 2010, 262 p.
9. Goldhaber D. *The Nature-Nurture Debates: Bridging the Gap*. University of Vermont. Cambridge: Cambridge University Press, 2012, 178 p.
10. Goldhaber D. *Theories of Human Development: Integrative Perspectives*. Mountain View, CA: Mayfield Pub., 2000, 416 p.
11. Hausman D. *Preference, Value, Choice, and Welfare*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2012, 153 p.
12. Inglehart R, Welzel Ch. *Modernization, Cultural Change, and Democracy: the Human Development Sequence*. Cambridge, UK; New York: Cambridge University Press, 2005, 333 p.
13. Miller P. *Theories of Developmental Psychology*. 4th ed. New York: Worth Publishers, 2002, 518 p.
14. Miller P. *Theories of Developmental Psychology*. 5th ed. New York: Worth Publishers, 2011, 507 p.
15. Newman B. Newman Ph. *Theories of Human Development*. Mahwah, N.J.: Lawrence Erlbaum Associates, 2007, 330 p.
16. Salkind N. *An Introduction to Theories of Human Development*. Neil J. Salkind. Thousand Oaks, Calif.: Sage Publications, 2004, 351 p.
17. Thomas R. M. *Recent Theories of Human Development*. Thousand Oaks, Calif.: Sage Publications, 2001, 311 p.

-
18. Thomas R. M., Iding M. K. *Explaining Conversations: a Developmental Social Exchange Theory*. Lanham: Jason Aronson, 2012, 209 p.
 19. Welzel Ch., Inglehart R., Klingemann H.-D. *Human Development as a Theory of Social Change*. Available at: URL: <http://wvs.isr.umich.edu>. P. 1–37. (accessed 30.09.2005).
 20. *What is a Person?: Rethinking Humanity, Social Life, and the Moral Good from the Person up*. Smith Ch. Chicago: University of Chicago Press, 2010, 518 p.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 008.2; 502.335; 504.03

Эпоха Великого Эволюционного Перелома и ноосферная культура^{*}

«Своекорыстие таит в себе безумие»
Н. А. Бердяев, 1918

Субетто Александр Иванович – Автономная некоммерческая организация высшего профессионального образования «Смольный институт Российской академии образования», проректор по качеству, доктор философских наук, доктор экономических наук, кандидат технических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Лауреат Премии Правительства РФ, Президент Ноосферной общественной академии наук, Россия, Санкт-Петербург.

E-mail: subal1937@yandex.ru

195197, Россия, Санкт-Петербург, Полюстровский проспект, д. 59,
тел.: +7(812) 541-11-11

Авторское резюме

Состояние вопроса: На рубеже 80 – 90-х годов XX века человечество вступило в первую фазу Глобальной Экологической Катастрофы, которая продолжает развиваться и углубляться, несмотря на то, что модель устойчивого развития, на которую должно перейти человечество, обсуждалась на многих международных форумах, в том числе на Международной конференции ООН по охране окружающей среды и развитию в Рио-де-Жанейро в 1992 году («РИО-1992»), на саммите глав государств в Йоханнесбурге в 2002 году (РИО+10) и на саммите глав государств в Рио-де-Жанейро в 2012 году («РИО+20»).

Результаты: Первая фаза Глобальной Экологической Катастрофы означает, что процесс экологической гибели человеческой цивилизации на Земле «на ранней стадии своего развития» уже начался и требует радикальной трансформации всей системы ценностей и оснований такого губительного развития для его предотвращения. Переживаемая современной цивилизацией Эпоха Великого Эволюционного Перелома представляет из себя процесс рождения «управляющего» коллективного человеческого разума, опирающегося на новую парадигму научного мировоззрения – ноосферизм и на новую ноосферную культуру человечества.

Главные основания ноосферной культуры – презумпция «всеоживленности» космического вещества и «организованности живого

^{*} © А. И. Субетто, 2014.

мироздания», взгляд на прогрессивную эволюцию самотворящегося мира как на запоминающую самоё себя, ноосферная философия мира, ноосферная духовность и ноосферная нравственность, синтез научного знания и системы образования на базе ноосферизма, и, наконец, – создание ноосферного типа человека и ноосферного технологического базиса экономики.

Область применения результатов: Новая ноосферная культура требует глубокой перестройки всех сфер общественной жизни. Она должна сформироваться в Эпоху Великого Эволюционного Перелома, так как необходима для перехода к творческой планетарной кооперации народов-этносов, возрождения на новой, ноосферной основе человеческого в человеке и предотвращения единственной возможной альтернативы – экологической гибели цивилизации.

Выводы: Ноосферная культура в своем становлении должна стать неким результатом всей Эпохи Великого Эволюционного Перелома как смены качественных основ бытия человечества и человека, в первую очередь – изменения их ценностных оснований.

Ключевые слова: ноосферизм; ноосферная культура; Эпоха Великого Эволюционного Перелома; Глобальная Экологическая Катастрофа; ноосферный человек; Ноосферный Экологический Духовный Социализм.

The Epoch of the Great Evolutionary Change and Noospheric Culture

Subetto Alexander Ivanovich – Smolny Institute of Russian Academy of Education, vice-director, Doctor of Philosophy, Doctor of Economics, Ph. D. in Technology, Professor, St. Petersburg, Russia.

E-mail: subal1937@yandex.ru

59, Polustrovsky prospect, St. Petersburg, Russia, 195197,
tel: +7(812)541-11-11.

Abstract

Background: In the last two decades of the 20th century humanity entered the first phase of the Global Ecological Catastrophe. This process goes on and extends despite the proposal of the model of sustainable development which has been discussed at many international forums, with the United Nations Conference on Environment and Development in Rio de Janeiro in 1992 (RIO-1992), the summit in Johannesburg in 2002 (RIO+10) and the summit in Rio de Janeiro in 2012 (RIO+20) being included.

Results: The first phase of the Global Ecological Catastrophe means that the process of ecological annihilation of Earth's humanity 'on the early stage of its development' has already started. This situation requires some dramatic transformation of the whole system of values and foundations of such a disastrous process in order to overcome it. The Epoch of the Great Evolutionary Change which modern civilization experiences is the process of joined human mind birth based on a new paradigm of scientific world outlook, i.e. noospherism and on new noospheric culture of humanity.

The main bases of noospheric culture are the presumption of universal living matter and the self-organized living universe, the view on the evolution of self-creating world as a self-remembering process, noospheric philosophy of the universe, noospheric spirituality and noospheric morality, scientific knowledge and education synthesis, and finally the creation of a noospheric human being species and a noospheric technological type of economy.

Research implications: New noospheric culture requires a profound reformation of all spheres of social life. This culture has to originate in the Epoch of the Great Evolutionary Change as it is necessary for the transition to the creative planetary nation cooperation, the revival of a new ethics on the noospheric basis and the prevention of the only possible alternative, i.e. ecological annihilation of civilization.

Conclusions: Noospheric culture in its origin has to become a result of the whole Epoch of the Great Evolutionary Change where some new qualitative foundations emerge, first of all changes in values.

Key words: noospherism; noospheric culture; Epoch of the Great Evolutionary Change; Global Ecological Catastrophe; noospheric human being; Noospheric Ecological Spiritual Socialism.

Введение

Установка настоящей работы – показать, что Человечество на рубеже XX и XXI веков вступило в Эпоху Великого Эволюционного Перелома. Подчеркну – именно Эволюционного Перелома, что означает революцию в самих основаниях развития человечества, его прежней эволюции, если иметь в виду весь период антропогенеза и особенно – весь цикл социальной эволюции – от неолитической революции и до настоящего времени, который мы собственно и именуем Историей, и которым, собственно говоря, и занимается историческая наука как наука.

Чем вызвана Эпоха Великого Эволюционного Перелома? Что с нами, т.е. всем человечеством, как некоей целостностью всех людей и народов, этносов на Земле, происходит? Почему речь идет именно об Эпохе Великого Эволюционного Перелома, которая, по моим прогностическим оценкам, займет от полувека до всего XXI века, если, конечно, человечество не перейдет «точку невозврата» и экологически не погибнет в XXI веке?

Ответ на этот вопрос многосложен. Я ему посвятил целую серию своих работ за последнее 20-летие. Поэтому обозначу его в укрупненных, лапидарных выражениях, с учетом того, что аргументация каждого из сформулированных ниже следующих тезисов имеет достаточно обширную базу в этих работах, в том числе в работах многих исследователей – отечественных и зарубежных, ссылки на которые имеются в библиографии этих моих работ.

1. Пять теоретических положений как ответ на вопрос «Что есть Эпоха Великого Эволюционного Перелома?»

Первое. Человечество на рубеже 80-х – 90-х годов XX века вступило в первую фазу Глобальной Экологической Катастрофы, которая, к сожалению, продолжает развиваться и углубляться, несмотря на то, что модель устойчивого развития, на которую должно перейти человечество, обсуждалась на многих конференциях, в том числе на Конференции ООН в Рио-де-Жанейро в 1992 году («РИО-1992»), на Саммите глав государств мира в Йоханнесбурге в 2002 году («РИО+10») и на Саммите глав государств в Рио-де-Жанейро в 2012 году («РИО+20»).

В чем причина такой беспомощности человечества перед лицом грозящей экологической опасности, которая может обернуться гибелью всего человечества уже в XXI веке?

А причина в том, что человечество продолжает оставаться в системе хозяйствования, а значит – природопотребления, базирующейся:

- на частной собственности на средства производства,*
- на рынке,*
- на принципе безграничных форм обогащения и присвоения себе капитала,*
- на ценностях индивидуализма и эгоизма как главных ценностях капиталистического бытия,*
- на эксплуатации человека человеком, которую прячут за благообразной формой деления на «работодателей» и «наемных работников»,*
- на атомарно-мальтузианско-социал-дарвинистском взгляде на жизнь, по которому конкуренция и «право сильного», а вернее право «богатого» и «сверхбогатого», обладающего наибольшим капиталовластьем, возведено якобы в «естественный закон» человеческого, а вернее – капиталистического, бытия.*

Второе. Первая фаза Глобальной Экологической Катастрофы обозначила, игнорируя споры и конфликты интересов внутри человеческих обществ, игнорируя противоречия внутри обществ, Пределы и одновременно Конец:

• Классической, Стихийной Истории, в которой действовал принцип «не ведаем, что творим» (или в других формулировках: «благими намерениями устлана дорога в ад», «очевидно сила вещей нас приводит не к тем результатам, которые мы замыслили» в изложении Сен-Жюста, «закон искажения великодушных идей» по Ф. М. Достоевскому);

• Рынку, Капитализму и либерализму (замечу в скобках, что о том, что в экологически насыщенной нише, которую занимает человечество, рынок, как механизм развития, исчерпал себя, предупредила еще в 1991 году группа мировых ученых во главе с Дейли, Гудлендом и Эль-Серафи в аналитическом докладе, подготовленном по заказу Мирового банка; о том, что частная капиталистическая собственность лежит в основе экологического кризиса и что она блокирует переход человечества на модель устойчивого развития,

предупреждали Б. Коммонер в 1969 – 1973 гг., см. его работу «Замыкающийся круг», многие выступающие на Конференции в Рио-де-Жанейро в 1992 году, на что обратил внимание в своем аналитическом докладе участник конференции, президент Сибирского отделения РАН академик В.А.Коптюг; и др.);

- *Атомарно-мальтизианско-социал-дарвинистской парадигме взгляда на человеческое бытие и бытие научного мировоззрения, определяющего аксиоматику общественных наук, обслуживающих строй капитализма.*

А. П. Федотов в работе «Глобалистика» (2002) – сформулировал аксиому, которая может трактоваться как предупреждение, обращенное к человечеству [26, с. 23]: «Любая космическая цивилизация, Земная или внеземная, оставленная на стихийное, неуправляемое развитие, растрчивает свою творческую энергию на бессмысленную борьбу внутри «общества» за планетное господство и материальное богатство, выходит за «антропогенные» пределы своей планеты и погибает на ранней стадии своего развития».

Первая фаза Глобальной Экологической Катастрофы означает, что процесс экологической гибели человеческой цивилизации на Земле «на ранней стадии своего развития» уже начался и требует радикальной трансформации всей системы ценностей и оснований такого губительного развития.

К сожалению, задержка человечества в своем бытии в пространстве рынка и капитализма продолжает увеличивать вероятность экологической гибели человечества в XXI веке, а задержка в осознании человеческим коллективным Разумом, т.е. наукой, культурой, образованием, политическими элитами, такой трагической ситуации означает Глобальную Интеллектуальную Черную Дыру, пребывание в которой – одна из причин развивающихся губительных процессов глобального экологического кризиса.

Третье. Первая фаза Глобальной Экологической Катастрофы, а вернее – наступившие Пределы, одновременно определяет собой Начало новой, Неклассической, Управляемой Истории на базе общественного интеллекта и образовательного общества, но Истории, уже выходящей за пределы оснований Внутренней Логики Социального Развития, переходящей на основания Большой Логики Социоприродной Эволюции, – т.е. Истории в ноосферном формате, в виде Управляемой Социоприродной Эволюции [19].

Ноосфера, по В. И. Вернадскому, есть новое состояние Биосферы, в котором научная мысль человека в ее планетном выражении становится фактором эволюции Биосферы как геологической эволюции, равновеликим другим факторам этой эволюции.

Автор развил это естественнонаучное определение В. И. Вернадского:

Ноосфера – это новое качество Биосферы, как суперсистемы организмического типа, имеющей свои гомеостатические механизмы, в котором коллективный человеческий Разум, вооруженный с помощью науки огромной энергетикой хозяйственного природопотребления, «встраивается» в гомеостатические механизмы планеты Земля и Биосферы (в будущем, возможно, – в гомеостатические механизмы Солнечной Системы и

Галактики) и начинает управлять ее эволюцией, сохраняя разнообразие Жизни и свою экологическую нишу в ее структуре.

Управляемая социоприродная эволюция на базе общественного интеллекта и образовательного общества и есть «Ноосфера Будущего», обеспечивающая выживание человечества и выступающая тем желаемым состоянием, к которому устремляется Эпоха Великого Эволюционного Перелома (в моем определении).

Четвертое. Из этого следует четвертое наше теоретическое утверждение: переживаемая нами Эпоха Великого Эволюционного Перелома есть своеобразные «Роды» действительного человека и действительного человеческого Разума.

Рождение действительного человека и действительного Разума совпадает с Началом Неклассической, Управляемой Истории в ее ноосферном формате и Конец «перинатального периода» в развитии человечества, когда Биосфера была «беременна» Человеческим Разумом и, благодаря своему компенсаторному потенциалу (закон квантитативно-компенсаторной функции Биосферы по А. Л. Чижевскому), допустила его «стихийное», энтропийное (за счет поглощения негэнтропии Биосферы) развитие, пока относительно малой была «энергетика» хозяйственного природопотребления. «Перинатальный период» развития человечества (через призму метафоры «беременности» Биосферы человеческим разумом) и есть то, что А. П. Федотов в своей выше цитированной аксиоме назвал «ранней стадией» развития «любой космической цивилизации».

Рождение действительного Разума есть рождение «управляющего» коллективного человеческого Разума – управляющего своей ноосферной историей, т.е. социоприродной эволюцией (уже в пространстве Большой Логике Социоприродной Эволюции). Причем это одновременно означает и качественный скачок в эволюции Науки и Образования, на базе которых такой Разум может состояться, а именно – ноосферно-ориентированный синтез Единой Науки и на ее базе – ноосферного образования. Ведь управление социоприродной эволюцией означает ноосферно-научное управление социоприродной эволюцией, включающей в себя биосфероведение, ноосферологию, качественный скачок во всех специальных науках на основе ноосферной парадигмы научного мировоззрения – Ноосферизма.

Близкое предвидение имеется у Карла Маркса. По Марксу переход от истории эксплуататорских обществ к истории обществ без эксплуатации, т.е. к коммунизму, означает переход к «подлинной истории», которая есть управляемая история, в которой человек становится подлинным субъектом своей истории. Стать подлинным субъектом истории по Марксу означало одновременно и стать подлинным человеком, становящимся хозяином своей исторической судьбы, когда раскрывается его творческий потенциал и достигается гармония между человеком и социальным устройством общества, т.е. решается проблема социальной справедливости.

Что же изменилось после того, как был сформулирован этот марксов императив, за прошедшие почти 150 лет? Произошла первая фаза Глобальной Экологической Катастрофы, которая обозначала Конец определенной «Автономии» социальной Истории по отношению к Природе, когда она только брала для своего «движения» от Природы ресурсы и не испытывала «до поры – до времени» экологических ограничений, хотя некоторые «истории» отдельных племен и народов заканчивались «экологической смертью» (экологическими катастрофами), но они не ставили под сомнение Будущее всей Истории человечества. На рубеже XX и XXI веков по летоисчислению с рождения Христова «Автономия» человеческой истории закончилась, т.е. уже оснований Внутренней Логике Социального Развития, когда экологические ограничения не входили в их систему, стало недостаточно, на «арену» Истории вышла Большая Логика Социоприродной Эволюции, что собой и представляло Конец такой «Автономии».

Теперь «подлинная история» по Марксу была невозможна в парадигме ее «Автономии», изменялось качество самой Истории. «Подлинная история» – тогда и только тогда «подлинная история», когда она есть управляемая социоприродная, т.е. ноосферная, эволюция.

Иными словами, «подлинная история», которую предвидел Маркс, называя ее эпохой Коммунизма, может быть реализована только как Ноосферная История – история Ноосферы, т.е. Системы Динамической Гармонии Человечества и Биосферы, в которой Человеческий Разум становится Биосферным Разумом, гармонизирующим социоприродные отношения.

Второй прогноз Маркса – это прогноз о превращении множества предметно-ориентированных наук в Единую науку, которая будет одновременно и наукой о человеке, и одновременной производительной силой в плановой экономике будущего, – также в Эпоху Великого Эволюционного Перелома трансформируется в прогноз о становлении Единой науки как науки о Ноосфере и Человеке.

В этом состоит суть «Родов», как содержания Эпохи Великого Эволюционного Перелома, которые, как и любые роды, смертельны: или Действительный Человек и действительный Человеческий разум появятся на «белый свет», т.е. станут Ноосферными, или же человечество окажется «мертворожденным», окажется «задушенным» в объятиях рыночно-капиталистической системы, которая, на фоне развивающейся первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы, есть уже «экологический труп».

Таким образом, в форме вывода еще раз ответим на вопрос: «Что означают «Роды» человеческого Разума в XXI веке?»:

- 1) Преодоление Экологического Тупика Стихийной истории;
- 2) Преодоление состояния «Анти-Разума», за которым скрывается безумие рыночно-капиталистической системы – безумия своекорыстия (своекорыстного ума);
- 3) Возвышение Человека, его Разума до уровня Ответственности за Будущее всей Системы Жизни на Земле;
- 4) Становление Ноосферного Экологического Духовного Социализма;

5) Становление Ноосферного Человека, бытие которого протекает в пространстве Ноосферной Культуры и опирается на ноосферную духовно-нравственную систему.

Пятое. Таким образом, Эпоха Великого Эволюционного Перелома является, вместе с «родами» действительного Человека, и «родами» действительной Ноосферной Культуры.

Вместе с обретением человеческим Разумом Функции Биосферного – Ноосферного Разума меняется качество самой Культуры, она становится Культурой, осуществляющей обеспечение Гармонии между Человеком и Природой, – Культурой, несущей в самой себе функцию социоприродного гомеостаза.

2. От культуры в лоне Стихийной Истории – к ноосферной культуре в лоне Управляемой Социоприродной Эволюции

О культуре написано огромное количество книг и монографий. В XX веке появилась специальная научная дисциплина, исследующая культуру как феномен, – культурология. Количество определений культуры, по некоторым оценкам, несколько сотен. Сложность исследований феномена культуры состоит в том, что культура пронизывает все поры общественной жизни, как отдельного человека, отдельных народов и этносов, так и обществ, государств, и человечества в целом.

Возвышение человека в своем качестве, в своем сознании, в отношении к себе и к миру на протяжении всей Истории – это возвышение культуры.

По Н. К. Рериху культура, и в первую очередь как ее ядро – искусство, несут человечеству свет, включают в себя учительство, причем учительство, выводящее людей – «странников жизни» на «путь творчества и красоты», нечто, что обеспечивает «жизненность» человечества [12, с. 44; 45]. Он пишет о «служении великой Культуре», проявления которой «также многообразны, как бесчисленные разнообразия самой жизни», в которых происходит облагораживание Бытия. Они, эти многообразные «выявления Культуры», замечает Н. К. Рерих, предстают «истинными ветвями единого священного древа, корни которого держат мир» [12, с. 67]. Культура, по Рериху, должна привести человечество к миру без войн и насилия. Он так, возвышенно, писал в 1930 году в своем «Привете Молодым» под емким названием «Сожжение тьмы»: «Если вас спросят, в какой стране вы хотели бы жить и о каком государственном устройстве вы мечтаете? С достоинством вы можете ответить: «Мы хотели бы жить в стране великой Культуры». Страна великой Культуры будет вашим благородным девизом: вы будете знать, что в этой стране будет мир, который бывает там, где почитаемы истинные Красота и Знания. Пусть все военные министры не обижаются, но им придется уступить их первые места министрам Народного Просвещения. Несмотря на всех гумункулов, которые шпионят из своих щелей, вы будете выполнять ваши обязанности во имя великой Культуры... Ничто не может быть чище и возвышеннее, нежели стремиться к будущей стране Великой Культуры» [12, с. 67].

И. А. Ефремов вослед Ф. М. Достоевскому, с его кредо «Красота спасет мир», в научно-фантастическом романе «Лезвие бритвы», показал, что в красоте – в анатомической красоте представителей различных народов и рас, живущих в разных климатических зонах и ландшафтах, – отражена, отшлифованная эволюцией, гармония между жизнью людей и жизнью Природы [см.: 3], отражена высшая целесообразность. «Лезвие бритвы» и есть та гармония, которую мы познаем через красоту, закодированную в нашем «бессознательном», как эволюционной памяти, и которая составляет центральный стержень культуры как самопознания человеком через красоту и себя, и мира.

Призвание культуры, вернее ее функция – возвышение качества человека. Через культуру и с помощью культуры происходит процесс исторического самосовершенствования человека, т.е. процесс становления человека в человеке. Человек возвышается через «труд-заботу» (понятие А. С. Макаренко), через заботу об общественном благе, т.е. благе других людей и благе для Природы. Герой романа «Лезвие бритвы» – ученый-психолог-врач Иван Радионович Гирин, а вместе с этим героем и известный ученый-палеонтолог, последователь учения о ноосфере В. И. Вернадского, Иван Антонович Ефремов, утверждает: «...доброе, гуманистическое в человеке непобедимо и неизбежно, потому что оно покоится на фундаменте родительской заботы о потомстве. Только крепчайшими потребностями в доброте, жалости, помощи и можно было изменить психику темного зверя, чтобы заставить его охранять и воспитывать своего детеныша в течение многих лет, полных трудов и опасностей, какие требует дитя человеческое прежде, чем станет полноценным членом стада, не то что общества. И также очень древни социальные инстинкты: альтруизм, взаимопомощь, дружба и забота» [3, с. 591, 592].

Культура, расчеловечивающая человека, не есть культура, а нечто ей противоположное, есть анти-культура, порождающая «Анти-Разум». Именно «культура общества Капитала», породившая первую фазу Глобальной Экологической Катастрофы, есть своеобразная «Анти-Культура», как прибежище «Анти-Разума» [см.: 23], обреченного на экологическую форму самоуничтожения.

Первая фаза Глобальной Экологической Катастрофы, порождая Эпоху Великого Эволюционного Перелома, определяет одновременно и трансформацию от культуры в лоне Стихийной Истории – к ноосферной культуре в лоне Управляемой Социоприродной Эволюции.

После того, как первая фаза Глобальной Экологической Катастрофы в развитии глобального экологического кризиса наступила, и возник императив выживаемости, культура в своем истинном призвании и назначении не может не стать ноосферной культурой, становление которой в XXI веке будет происходить одновременно с ноосферным человеком.

Речь идет, таким образом, о ноосферной трансформации бытия человека, о рождении действительного человека и действительного человеческого Разума, которые обретают эту свою настоящую действительность только в статусности ноосферных.

Что скрывается за «формулой» такой трансформации человеческого бытия?

- *Первое* – трансформация от доминанты Закона Конкуренции к доминанте Закона Кооперации;
- *Второе* – трансформация от доминанты механизма социального «отбора» как механизма развития, который в «мире Капитала» обрел «формулу» Гоббса – «человек человеку – волк», – к доминанте механизма общественного интеллекта, т.е. к доминанте механизма управления развитием со стороны общества как целого;
- *Третье* – переход от стихийно-спонтанных форм развития – к управлению социально-экономическим развитием и социоприродной эволюцией;
- *Четвертое* – трансформация от доминирования человека-эгоиста (американский философ Айн Ранд в первой половине XX века даже выстроила два тождества «эгоизм $\equiv$ капитализму» и «альтруизм $\equiv$ коммунизму», и ратовала за всяческое поощрение эгоизма и поклонение деньгам, как основы бытия капитализма [см.: 6, с. 61]) – к доминированию человека-альтруиста, как основы реализации императива выживаемости в XXI веке и выхода человечества в историческое пространство развития по закону гармонии между обществом и Природой (по закону «метафизического коммунизма мироздания» по С. Н. Булгакову [2, с. 73]);
- *Пятое* – трансформация пространства сознания человека: от «обезьяньего пространства» сознания, ограниченного в отношениях к миру личной выгодой, личным обогащением, – к «космопланетарному пространству сознания», что предполагает расширение границ сознания человека и сознания им собственного бытия, связанное с подъемом его Ответственности за будущее всей Системы Жизни на Земле. Вот как метафорично, в необычайной форме, было это сформулировано И. А. Ефремовым более 60 лет назад: «...Каковы бы ни были цели развития вселенной и тяжкого пути совершенствования человека, только я как человек имею право судить, насколько правы зачинатели и направляющие развитие силы – природы или богов – все равно. Сознательная материя может оценить затраты на проведение процесса совершенствования – количество горя, крови, жертв и несчастий, которое кажется мне непомерно огромным по сравнению с достижениями!» [3, с. 651].

3. Ноосферная культура: основания

Что же собой представляет ноосферная культура? Каковы ее основания?

Первое основание. По моей оценке, ноосферная культура – это культура, исходящая в своем мировоззрении из презумпции «всеоживленности Космоса сущего». Данную «презумпцию» я сформулировал в 1996 году, готовя «послесловие научного редактора», с согласия В. П. Казначеева, к его монографии «Проблемы человековедения», опубликованной в 1997 году. Осмысливая основания Неклассического человековедения, в том числе «проблему Наблюдателя в системе человековедения», за которой стоит

проблема теории относительности в системогенетике человековедения [см.: 24, с. 318], автор так формулировал «презумпцию «всеоживленности Космоса сущего»:

«Важнейшим принципом предполагаемого синтеза человековедения является то, что я бы назвал презумпцией «живого космического вещества» или презумпцией «всеоживленности Космоса сущего». «Сущность живого космического вещества – этого Абсолютного Ничто, если применить используемый сейчас в физике термин, – остается для нас неизвестной. Поэтому нужно принять пока неизвестное как действительное и считать его живым, поскольку оно, по-видимому, все-таки движется, развивается, совершенствуется, адаптируется, как-то размножается и обладает свойствами, которые в своих бесконечных проявлениях имеют немало общего с нашим интеллектуальным свойством», – утверждает Казначеев. Фактически этот вводимый принцип, который я назвал презумпцией «всеоживленности» Космоса, корреспондируя со многими взглядами «русских космистов» – В. И. Вернадского, А. Л. Чижевского, П. А. Флоренского, К. Э. Циолковского и других, а также в какой-то мере воспроизводя древнее осознание сущего «ранним человечеством», имеет не только эвристический потенциал для развития человековедения, но и громаднейший этический потенциал. Живой человек взаимодействует с живым Космосом, он – его часть. Принцип Альберта Швейцера «благоговения перед любой жизнью» приобретает космические масштабы. Сама идея «всеоживленности» Космоса имеет много сторонников и воспроизводится многими учеными в различных теоретических схемах. Среди современных отечественных ученых можно назвать В. В. Налимова, Ж. А. Дрогалину, Д. М. Мехонцеву, Г. П. Мельникова, В. С. Смирнова, А. Е. Кулинковича, которые если напрямую и не говорят о «всеоживленности» Космоса (а некоторые говорят и напрямую), то свидетельствуют, доказывают наличие свойства, которое близко к «родовой характеристике» живого, того свойства Абсолютного Ничто, о котором говорит Казначеев, которое анализирует В. В. Налимов. А. Е. Кулинкович подчеркивает, что для естествознания второй половины двадцатого века характерна «тенденция к реантропизации окружающего мира («антропный принцип» в космологии)»...» [24, с. 320; 321].

Второе основание – это «Меморандум С. Н. Булгакова – В. И. Вернадского – А. Л. Чижевского». Ноосферная культура – это культура, базирующаяся на этом Меморандуме, который есть Меморандум «организованности живого мироздания» [8, с. 65 – 75]. Впервые, опираясь на идеи космической организованности живого вещества во Вселенной В. И. Вернадского и А. Л. Чижевского, придали этим идеям форму «Меморандума Вернадского – Чижевского» или «Космического меморандума организованности живого вещества» И. Ф. Малов и В. А. Фролов в 2006 году [8].

Данное название мною в 2010 году было расширено до понятия «Меморандум С. Н. Булгакова – В. И. Вернадского – А. Л. Чижевского» [21, 505 – 516], потому что за 10 – 20 лет до появления этих идей у Вернадского и

Чижевского нечто близкое пониманию космической организованности живого мироздания было сформулировано в космической философии хозяйства С. Н. Булгаковым, в его концепции представлений о «метафизическом коммунизме мироздания» или «физическом коммунизме бытия» [2, с. 65; 73], по которой Вселенная есть «живое тело» и сама возможность обменных процессов появляется благодаря вот этой «живой организованности мироздания», в соответствии с которой это мироздание функционирует как организм, и хозяйствующее человечество, будучи частью этого организма, должно соблюдать его законы (в этом состоит суть метафизического коммунизма мироздания).

Как видно из сути «Меморандума С. Н. Булгакова – В. И. Вернадского – А. Л. Чижевского», он может рассматриваться как своеобразное развитие или как конкретизация «Презумпции всеоживленности Космоса Сущего», или как еще один аргумент в пользу необходимости такой «Презумпции».

Очевидно, эта мировоззренческая установка вообще характерна для Русского Космизма, которая, как я показал, вылилась в целую систему Живой Этики Русского Космизма [см.: 19, с. 179 – 195].

М. М. Бахтин в работе «К философии поступка» так сказал о долженствовании человека, которое начинает им осознаваться тогда и только тогда, когда он осознает свою связь с целостностью мироздания:

«Только изнутри ... моего ответственного поступка может быть выход в это единство бытия... Понять предмет – значит понять мое долженствование по отношению к нему... опять его в отношении ко мне в единственном бытии – событии, что предполагает не отвлечение от себя, а мою ответственную участность» [1, с. 91].

В пространстве «Меморандума С. Н. Булгакова – В. И. Вернадского – А. Л. Чижевского» находится все творчество ученого-космолога Н. А. Козырева, который отмечал: «Собирающими жизненное начало могут быть космические тела и, в первую очередь, звезды... Для Земли же это творческое начало, которое несет время, приходит с потоком лучистой энергии Солнца» [7, с. 91].

Третье основание ноосферной культуры – взгляд на прогрессивную эволюцию как запоминающую самое себя, вытекающий из концепции системогенетического закона спиральной фрактальности системного времени, открытого автором в начале 90-х годов.

Этот закон формулируется в системогенетике так:

Сходящаяся спираль (конус) прогрессивной эволюции – спираль системофилогенеза – повторяется в спирали (конусе) системоонтогенеза с обратным сжатием – растяжением [см.: 20, с. 64].

Принцип Э. Геккеля – эмбриогенез повторяет филогенез – это только частный случай действия этого закона.

Что представляет собой этот закон? Он означает, что системогенез в «цикле жизни» системы – в системоонтогенезе – повторяет в основных чертах ход предшествующей эволюции. Происходит повторение системофилогенеза в

системоонтогенезе, при сжатии филогенетического масштаба системного времени до онтологического масштаба времени, но в обратной развертке.

«Здесь мы встречаемся с особым типом фрактальности – подобия структур системофилогенетического и системоонтогенетического времени.

Открывается новый вид симметрии в бытии Вселенной – эволюционно-фрактальная – рефлексивная системофило-онтогенетическая – симметрия (эту симметричную структуру самоподобия в прогрессивной, связанной с ростом сложности структур, эволюции я назвал в честь Э. Геккеля «геккелевской структурой»). Это вид симметрии, и соответственно закон спиральной фрактальности системного времени, есть механизм наращивания эволюционной памяти (свернутой информации о предшествующей эволюции, кодируемой в структуре, появляющейся в результате такой эволюции конкретной системы).

Можно условно этот закон трактовать как закон роста эволюционной памяти о самой себе по мере развития прогрессивной эволюции. Из этого следует важный вывод, что нет в этом мире, в котором мы живем, ни одной сущности, которая не обладала бы памятью, в которой запечатлено, через структуру, прошлое время эволюции.

Можно показать и доказать, что «бессознательное» в человеке есть такая эволюционная память, прячущаяся внутри организма каждого человека, а «культура» (а в ее системе – язык) есть «эволюционная память» социально-этнической эволюции каждого народа на Земле, и «коллективное бессознательное» народа закодировано в каждой культуре (например, в преданиях, мифах, сказках, былинах, эпосах и др.).

В контексте данного закона культура постмодерна, как культура чистого проективизма – проективизма без памяти, есть антикультура, т.е. культура, способствующая росту неадекватности человека миру.

Этот закон важен для методологических основ становящейся ноосферной культуры. Таким образом, он предстает как «особый тип рефлексии прогрессивной эволюции, которую можно трактовать, как процесс эволюционного самопознания Мира. Чем сложнее появляющиеся системы, тем больше в них эволюционная память, как самоотображение эволюции, тем больше в ней «интеллекта» и тем больше в ней «самопознания Вселенной» самое себя. Или другими словами, чем более структурированной и иерархической по мере своего эволюционного развертывания становится Вселенная, тем выше уровень ее самопознания, который концентрируется в наиболее сложных и интеллектуальных системах, в том числе и в человеческом разуме. Разум потому и изоморфен Бытию, что в нем, в соответствии с законом спиральной фрактальности системного времени, отразилась спираль предшествующей эволюции Бытия мира» [20, с. 67].

Четвертое основание ноосферной культуры – взгляд на любую прогрессивную эволюцию, в том числе на Эволюцию нашей Вселенной, как на креативную эволюцию самотворящегося Мира.

Взгляд на эволюцию как на креативную эволюцию был впервые сформулирован А. Бергсоном в начале XX века, но его концепция исходила из пан-психологической интерпретации картины мира и его эволюции, далекой от реальности бытия Космоса.

Данный взгляд автора формируется на качественно новой методологической и мировоззренческой основе, вытекающей из законов системогенетики и системогенетической парадигмы универсального эволюционизма, разработанных автором в серии работ, монографий, начиная с начала 80-х годов XX века. В концентрированном виде он был развернут в «Манифесте системогенетического и циклического мировоззрения и Креативной Онтологии» (1994) [см.:17], который мною потом не раз переиздавался под разными названиями, в том числе под названием «Манифест ноосферной философии Мира» (2009) [см.: 16, с. 631 – 658]. Повторю «Космоноосферное кредо» из последнего варианта этого «Манифеста»:

- *«Мир самотворящ!»*

Такова главная формула креативной онтологии мира и Ноосферизма.

- *Мир самотворящ! – и является результатом креативной эволюции и подчиняется закону креативной эволюции!*

Такова вторая формула креативной онтологии мира и Ноосферизма.

- *Креативная эволюция «самотворящего мира» привела к появлению «человека-творца» (Homo Creator`a), который развитием своего интеллекта входит в общий процесс интеллектуализации, «оразумления» Космоса, Земли-Геи, Биосферы.*

Такова третья формула креативной онтологии мира и Ноосферизма

- *Процесс «Онтологического творчества», как и творчества «человека-творца», подчиняется единым законам системогенетики и креатологии.*

Такова четвертая формула креативной онтологии мира и Ноосферизма.

- *Поэтому «онтология человека» есть всегда «креативная онтология человека». Но поскольку креативная онтология мира есть креативно-эволюционная онтология мира, постольку «креативная онтология человека» всегда есть «космоэволюционная онтология мира» – «ноосферная онтология» человека.*

Такова пятая формула креативной онтологии мира и Ноосферизма.

- *Креативная онтология мира и креативная онтология человека – дуальна, биполярна, подчиняется циклически-волновому, пульсирующему движению, принимающему в прогрессивной эволюции характер сходящейся спирали. Этим обусловлена исключительная роль законов инвариантности и цикличности развития, дуальности управления и организации систем в креативной онтологии.*

Такова шестая формула креативной онтологии мира и Ноосферизма.

- *Творчество – главный закон жизни человека, эволюции Космоса и ноосферной эволюции. Креативная онтология человека определяет креативную онтологию языка, речи, мыследеятельности, мыслетворчества,*

психических процессов в человеке. Фундаментальное свойство креативности Бытия Мира делает его «живым». Живой Космос – это креативный Космос, эволюция которого определила появление «человека-творца», в становлении которого проявляется становление «космического Разума».

Такова *седьмая формула* креативной онтологии мира и Ноосферизма» [16, с. 633].

У П. Тейяра де Шардена есть метафора «эволюции, осознающей самоё себя». С позиций системогенетической парадигмы универсального эволюционизма, синтезирующей в себе дарвиновскую, кропоткинскую и берговскую парадигмы, эта метафора Тейяра де Шардена превращается в *метазакон интеллектуализации («оразумления») любой прогрессивной эволюции, сопровождающий метазакон сдвига от доминирования закона конкуренции и механизма отбора к доминированию закона кооперации и механизма интеллекта, как механизма опережающей обратной связи – управления будущим.*

Из этого метазакона вытекает вывод, что *появление человеческого Разума на Земле и вместе с этим появлением Ноосферный этап в глобальной эволюции Биосферы и планеты Земля являются закономерной, прогрессивно-эволюционной необходимостью.*

В этом «Манифесте» (1994 – 2009) я писал:

«Терпит онтологический крах вся система рыночно-капиталистической цивилизации, вся система капиталистической рационализации Бытия на основе рынка, института Частной Собственности, «финансовой пирамиды» власти и монетарных форм управления развитием мира, терпит онтологический крах вся идеология либерализма и эгоизированного гуманизма на основе культа свободы «сильного над слабым», культа богатства и наживы.

Сумеет ли распознать человечество наступивший крах? Сумеет ли оно преодолеть культ «мамоны», так ввевшийся в поры «исторического бессознательного»? Сумеет ли преодолеть синдром антикоммунизма – «тройского коня» мировой финансовой олигархии и мондиализма?

Ответ придет скоро. Или нас не будет, или придет осознание, что вне ноосферного сознания, ноосферного экологического духовного социализма, которые приобретают новые основания в новых парадигмах становящейся Неклассической науки, Неклассической культуры, Тотальной Неклассичности будущего бытия человечества, человечеству не быть.

Закон космического «оразумления» ставит человечество перед императивом самоопределения себя как космического разума, «разума-для-Биосферы, Земли-Геи, Космоса», в котором оно приобретает космическую ответственность перед «живым Космосом», культивируя в себе альтруистические, кооперативные, общинные начала.

Формой реализации этого императива является «цивилизация образовательного общества», обеспечивающая «простор» действию закона опережающего развития качества человека, качества образовательных систем в обществе и качества общественного интеллекта.

Таким образом, ноосферная философия мира есть ноосферная философия человека, поднимающегося на уровень понимания себя, как Со-Творца Природы-Творца, Природы-Пантакреатора, Самотворящей Природы, частью которой является он сам. Творчество при этом находится в коридоре процессов наследования в системной эволюции и призвано не конфликтовать с Онтологическим Творчеством Природы, а быть его неотъемлемой частью, стать позитивным фактором социоприродной эволюции на Земле и космической Эволюции в целом» [11, с 656; 657].

Таким образом, возникает пятое основание ноосферной культуры – ноосферная философия мира, в пространстве мировоззрения которой человеческий Разум появляется на Земле неслучайно, а как результат действия закона «оразумления» – ноосферизации глобальной эволюции Биосферы на Земле и Земли в целом.

Из этого вытекает шестое основание ноосферной культуры – ноосферная духовность и ноосферная нравственность. Этому основанию автор посвятил целую монографию «Доктрина духовно-нравственной системы ноосферного человека и ноосферного образования» (2008) [см.: 14]. Эта духовно-нравственная система базируется на «культе Правды» и отрицании лжи в любых ее проявлениях, и главное – отрицании «онтологической лжи», т.е. отрицании «кажущегося, мнимого фетишного, иллюзорного, т.е. кажимости» [14, с. 27], которой пропитано рыночно-капиталистическое бытие. По этому поводу И. А. Ефремов в романе-предупреждении «Час быка» предупреждал человечество: «Общество низшего, капиталистического типа не может обойтись безо лжи. Целенаправленная ложь тоже создает своих демонов, искажая все: прошлое, вернее, представление о нем, настоящее – в действиях, и будущее – в результатах этих действий. Ложь – главное бедствие, разъедающее человечность, честные устремления и светлые мечты» [4, с. 264].

Ноосферная духовность – система духовности, объединяющей идеей которой становится ноосферная идея – идея гармонического бытия человека в космической организованности жизни, метафизический коммунизм мироздания по С. Н. Булгакову, в котором человеческая мысль, интеллект, разум приобретают космо-ноосферный гармонизирующий масштаб.

Ноосферная нравственность есть развитие Живой Этики Русского Космизма. Это живое и духовное измерение ноосферы П. А. Флоренский назвал пневматосферой. Для него мир – живой, пневматосферен, т.е. пропитан духом творчества человека на Земле. Он писал: «...мои интересы органически срастались в единую картину мира и в смутном предчувствии мне виделся новый Космос, однако более организованный и более пронизанный сознанием единственной жизни природы, чем Гумбольдтов» [5, с. 240]. С этим перекликается принцип «Живой Этики» в изложении Елены Ивановны Рерих. «Жизнь во всем – так Братство учит», – отмечается в разделе «Живой Этики» «Братство» [18, с. 891].

В центре ноосферной нравственности – онтология Любви, как отражение МЫ-онтологии человечества, выражающей собою коллективистское, основанное на Любви, бытие человека.

Автор писал по этому поводу:

«... через возвышение личности к всеобщему, к «всечеловечности» [человек] «возвращается» к себе уже на высшем, социальном, осознанном уровне, когда личность, пройдя в онтогенезе этапы презентации (представления) себя-в-себе (осознание «Я» и отделение себя от матери в 1 – 3 года), себя-в-семье, себя-в-народе (в истории народа), себя-в-этнотипе, себя-в-человечестве (в мировой цивилизации, в мировой культуре), себя-на-Земле, себя-в-Космосе, «укореняясь» в родных культуре, Родине, истории, в предках, поднимается как «дерево», раскидывая «ветви» и охватывая этими «ветвями» всеобщее в своей ответственности за все живое на Земле, и «дальнее будущее» жизни на Земле, общества, человечества, Природы» [22, с 149].

Седьмое основание ноосферной культуры – это ноосферная единая наука, синтез которой осуществляется на основе Ноосферизма, как ноосферной научно-мировоззренческой системы и программы ноосферно-ориентированного синтеза наук, и ноосферной философии Мира, как ее ядра. Проблеме ноосферно-ориентированного синтеза наук в XXI веке, его методологическим основам автор посвятил в последние годы серию работ [см.: 18]. Наука – часть культуры в ее расширенном понимании, но такая ее часть, которая в своем развитии преобразует культуру.

Управление социоприродной эволюцией – это ноосферно-научное управление. И в этом контексте оно возвращает культуре в ее ноосферном бытии гомеостатическую функцию во взаимодействии человека и Природы, которую она выполняла на архаическом этапе своего развития и которую потеряла, когда произошло отчуждение человека от средств производства, от продуктов им производимых, и тем самым – от самого себя и от Природы. Первая фаза Глобальной Экологической Катастрофы и Эпоха Великого Эволюционного Перелома означают Экологическое Отрицание такого отчуждения, что обуславливает переход человечества к ноосферной культуре и к ноосферному экологическому духовному социализму, как социальному устройству, при котором такая ноосферная культура только и может быть.

Восьмое основание – это ноосферное образование, которое призвано осуществить ноосферное преобразование сознания, интеллекта, разума, гуманизма, мировоззрения и системы ценностей человека, чтобы поднять его на уровень космопланетарного пространства сознания, Любви к любой форме жизни на Земле и в Космосе и Ответственности за Будущее не только человечества, но и за Будущее всей Системы Жизни на Земле.

В. И. Вернадский так писал об этом императиве: «Мыслящий тростник» – создатель науки в биосфере здесь может и должен судить о геологическом ходе явлений по иному, ибо сейчас впервые он научно понял свое положение в организованности планеты» [13, с. 89]. Про «Систему Учитель» как главный

механизм перехода к Эпохе Ноосферы писал в 90-х годах XX века Н. Н. Моисеев. Он подчеркивал: «В системе «Учитель» центральной фигурой является сам учитель. В эпоху ноосферы его личность станет играть решающую роль» [9].

Речь идет о ноосферном гуманизме, который обретает характеристику основы ноосферного образования, начинающегося с ноосферно-человеческой революции в самом учительстве и в содержании образования.

В «Посвящении Учителю XXI века» я написал такие слова:

«В древнекитайской летописи записано, что мощь и благополучие государства определяется благополучием трех главных «фигур» общества – учителя, землепашца и воина. В начале XXI века эта формула требует расширения: будущее общества зависит от благополучия пяти главных «фигур» общества – Учителя, Ученого, Землепашца, Строителя и Воина. В начале XXI века фигура Учителя становится судьбоносной. Человечество оказалось в состоянии первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы. Спасти человечество от экологической гибели сможет только через переход к новой, ноосферной эпохе, в которой каждый человек и все соборно будут нести ответственность за развитие социоприродной гармонии. Спасти человечество сможет только через «ноосферу будущего», только спасая окружающую природу, ее разнообразие от хищнического истребления в результате слепого, неумного природопотребления. И в этой логике спасения первое слово за учителем, за «системой Учителя» в новом качестве – ноосферном, т.е. за Ноосферным образованием и Ноосферным учителем!» [11, с. 3].

Ноосферное образование, с одной стороны, – часть ноосферной культуры, а, с другой стороны, механизм реализации требований закона опережающего развития качества человека, качества общественного интеллекта и самих образовательных систем в обществе – основы устойчивого развития как управляемой социоприродной эволюции.

Девятое основание – это ноосферный человек, становление которого востребует ноосферную парадигму универсальности и рационализма.

Культура и человек едины. Ноосферная культура – это культурное пространство, в котором происходит становление и затем восходящее воспроизводство (опережающее развитие) качества ноосферного человека.

Само понятие ноосферного человека несет в себе смысл возвращения человеку его универсальности, что конечно означает преодоление отчуждения, «профессионального кретинизма», по К. Марксу. Принцип тождества Микрокосма и Макрокосма, который пронизывает Русский Космизм и закладывался в основу воспитания древнегреческой философией, обретает ноосферное измерение и служит в этом ноосферном измерении *основой ноосферной парадигмы универсальности.*

Что за смысл скрывается за этой парадигмой? – Преодоление кризиса неадекватности современного человека Миру, неадекватности, которая обрела содержание первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы, т. е. эколого-катастрофической неадекватности, которую я назвал «Глобальной

Интеллектуальной Черной Дырой». Глобальная Интеллектуальная Черная Дыра – это такое состояние, когда познающий мир человек отстает в своем познании от скорости тех антропогенных изменений в Природе, в Биосфере, причем экологически опасных для жизни самого человека, – и не осознает, что уже развиваются процессы, которые ведут к уничтожению «экологической ниши» жизни человечества, а значит – к его экологической гибели в XXI веке.

Один из неблагоприятных сценариев экологической гибели человечества, когда сработал вирусный механизм иммунной защиты Биосферы как суперорганизма, и анализ причин такой гибели, в том числе таящихся в культуре, сознании, науке, идеологии рыночно-капиталистического человека, который осуществляет оставшийся последний человек на Земле – Иван Александрович Муромцев, я разобрал в необычном научно-философском эссе «Исповедь последнего человека» (2011) [см.: 15].

Ноосферная универсальность меняет и сам образ рациональности. Расщепление в рыночно-капиталистическом мире «разума» на «Разум» и «Анти-Разум», культуры на «Культуру» и «Анти-Культуру», выражающее собой кризис, даже катастрофу, современного отчужденного, рыночно-капиталистического человека, расщепляет смыслы и самой рациональности.

Не могут считаться рациональными человек, культура, наука, социальный строй, которые, несмотря на безупречность своих логических построений в оправдании капиталорационализированного мира – строя капиталократии, обречены на экологическую гибель.

Эпоха Великого Эволюционного Перелома есть и эпоха смены парадигмы рациональности в познании мира человеком.

Это хорошо почувствовал Н. Н. Моисеев и дал свою интерпретацию становящейся, новой парадигме рациональности в монографии «Расставание с простотой» (1998). Он показал, что в основе кризиса сложившихся современных представлений о рационализме, особенно в блоке гуманитарных наук, лежит тяготение западной науки к простоте, абсолютизация атомистского взгляда на мир. Что это за рациональные познание и наука, культура, если они не сумели вооружить человеческий разум, человеческое общество необходимым мировоззрением («зрением») и уберечь их от глобального экологического кризиса? Н. Н. Моисеев так трактует кризис сложившейся (вернее – доминирующей) парадигмы рациональности в человеческом мировосприятии: «Сегодня мы постепенно начинаем понимать, что наши нравственные основы, духовный мир, тем более наше поведение в биосфере уже не соответствуют тем условиям жизни, в которые погружается общество, и наше понимание обстановки недостаточно для преодоления появляющихся трудностей его возможного развития. ...деятельность человека, основанная на выработанных цивилизационных парадигмах, ведет, вероятнее всего, к деградации биосферы и не способна гарантировать сохранение человека в своем составе (мое замечание: а это и есть «схлопывание» экологической ниши человечества, и соответственно окончание «беременности» Биосферы «человечеством» через рождение «мертворожденного человечества», С. А.). Вот почему реальность такова, что род людской сможет выжить лишь в

условиях жесточайшего самоограничения и коллективной дисциплины» [10, с. 13].

Разум, общественный интеллект, наука, культура в парадигме ноосферной – управляемой социоприродной – эволюции рациональны тогда и только тогда, когда они обеспечивают необходимое качество управление будущим, подчиняя свои управляющие воздействия законам-ограничениям гомеостатических механизмов Биосферы и Планеты Земля, в том числе с учетом системогенетических и циклических механизмов развития.

Категория рациональности, рационализма тестируется качеством управления социоприродной эволюцией.

Десятое основание ноосферной культуры – это ноосферный технологический базис.

Императив выживаемости ставит проблему ноосферизации технологического базиса человечества, решение которой тестируется наличием или отсутствием гармонии между развитием техносферы и эволюцией Биосферы. Речь идет о становлении ноосферного общественного способа воспроизводства на базе единства ноосферных производительных сил и ноосферных производственных отношений, о становлении ноосферной экономики и ноосферного социализма, которые из разрушителя структуры связей, трофических цепей, экологических ниш разных биологических видов, структур биогеоценозов превращаются в их охранителя, защитника. Ноосферная техносфера – это экофильная техносфера, когда каждая технология, техническая система удовлетворяет критериям эколого-ноосферной целесообразности (эффективности).

4. Ноосферная культура как результат Эпохи Великого Эволюционного Перелома

Подведу итоги. Ноосферная культура в своем становлении должна стать неким результатом всей Эпохи Великого Эволюционного Перелома, как смены качества основ бытия человечества и человека, и в первую очередь – ценностных оснований.

Н. Н. Моисеев справедливо замечает, что «человек эпохи Просвещения лишь посторонний наблюдатель того, что происходит во Вселенной. Он, в представлениях рационализма, отодвинут на периферию Универсума» [10, с. 27]. Но, при этом, утверждаясь в познании как посторонний наблюдатель, не отвечающий за ход эволюции, он, этот человек, одновременно, с позиций пользования ресурсами Природы, в условиях капитализма, поставил себя почти в центр мира, оставив выше себя только Бога, приписав себе права неограниченной эксплуатации природных систем (экосистем).

И вдруг Природа из некоего Пассивного Начала во взаимодействии с Хозяином Человеком на Земле, объекта познания и хозяйственного воздействия, неожиданно, по историческим временным оценкам – мгновенно, всего лишь за вторую половину XX века, превратилась в Активное, даже Творческое (в смысле Онтологического Творчества), Начало, которое на своем,

экологическом языке, предъявило Экологический Ультиматум человечеству, в виде первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы.

Наступила эпоха Ноосферного Прозрения человечества, «родов» человечества как Ноосферного, т.е. действительного, разума.

Что это означает?

1. *Возвращение культуре гомеостатической (или гармонической социоприродной) функции, которую она утратила за века истории эксплуататорских обществ, в том числе за последние 3 – 5 веков – рыночно-капиталистической цивилизации.*

2. *Возвращение культуре функции возвышения качества человека, быть Системой Учитель (в определении Н. Н. Моисеева).*

3. *Возвращение культуре миссии правды, которая в свою очередь предстает как синтез Истины, Красоты, Добра и Любви. Вне правдолюбия, правдоискательства нет ноосферной культуры, а значит культуры как таковой.*

4. *Соблюдение Закона опережающего развития качества человека, качества общественного интеллекта и качества образования в обществе.*

5. *Соблюдение Принципа Эколого-Антропного Дополнения, концепция которого была разработана автором в «Ноосферизме» (2001). Без решения проблем человека, без установления социального строя Правды и Социальной Справедливости, без опережающего развития самопознания человеком, как Наблюдателем, самого себя, т.е. развития наук о человеке, глобальные экологические проблемы не могут найти своего решения. В человеке – источник первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы, в человеке прячется и стратегия выхода из этого экологического тупика, которая и есть ноосферная человеческая революция или ноосферное преобразование человека, его культуры, всей системы ценностей и мотивации.*

6. *Переход человечества к доминанте коллективизма и Общего Дела, которое и заключается в становлении Ноосферы Будущего.*

7. *Превращение Живой Этики Русского Космизма в Ноосферную Этику.*

«Скрижали» ноосферной нравственности сводятся к двум максимам:

- *«Без-интеллектуальная нравственность безнравственна»;*
- *«Безнравственный интеллект без-интеллектен».*

Это означает, что «поле действия» нравственности включает в себя интеллект, управление будущим, что ноосферная нравственность осуждает профессиональные ошибки или ошибки по незнанию, ведущие к масштабным экологическим последствиям. Одновременно «безнравственный», бездуховный интеллект не может управлять будущим по критерию продолжения жизни и сохранения устойчивости Биосферы, а значит, он становится «анти-интеллектом», «анти-разумом», т.е. самоуничтожающимися экологически интеллект и разумом.

8. *Ноосферная культура аккумулирует в себе всю память о прошлом, память всего разнообразия культур всех народов и этносов на Земле, те достижения жизни в гармонии с «кормящими ландшафтами» (Л. Н. Гумилев), которые есть в культурах всех народов и племен на Земле.*

Ее становление означает одновременно переход к Планетарной Кооперации Народов-Этносов, т.е. к Новой Истории, в которой действует доминанта Закона Кооперации и Закона идеальной детерминации через общественный интеллект.

Из России звучит Манифест, обращенный ко всему человечеству, – Манифест ноосферного социализма, исходящего из императива выживаемости человечества на Земле и обращенного к возрождению на новой качественной основе человеческого в человеке – основе ноосферных, жизнестроительных труда и творчества в XXI веке. Других альтернатив Будущего, кроме экологической гибели, у человечества нет!

Список литературы

1. Бахтин М. М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники: Ежегодник. 1984 – 1985. – М.: Наука, 1986. – С. 80 – 160.
2. Булгаков С. Н. Философия хозяйства. – М.: Наука, 1990. – 412 с.
3. Ефремов И. А. Лезвие бритвы. – М.: Правда, 1986. – 672 с.
4. Ефремов И. А. Час быка. – Петрозаводск: Карелия, 1991. – 430 с.
5. Игумен Андроник (Трубачев). Священник Павел Флоренский – М.: Московский рабочий, 1992. – 559 с.
6. Клуге К. Коммунизм Христа: Анализ Нового Завета. – М.: Искусство, 1992. – 127 с.
7. Козырев Н. А. О воздействии времени на вещество // Физические проблемы современной астрономии. Серия «Проблемы исследования Вселенной», вып. 11. – Л.: АН СССР. – 1985. – С. 82 – 91.
8. Малов И. Ф., Фролов В. А. Космический меморандум организованности живого мироздания// «Дельфис». Журнал Благотворительного фонда «Дельфис». – 2006. – №4(48). – С. 65 – 75.
9. Моисеев Н. Н. Человек и ноосфера. – М.: Молодая гвардия, 1990. – 351 с.
10. Моисеев Н. Н. Расставание с простотой. – М.: АГРАФ, 1998 – 480 с.
11. Ноосферное образование в евразийском пространстве./ Под науч. ред. А. И. Субетто. – СПб.: Астерион; Изд-во КГУ им. Н. А. Некрасова, 2009. – 688 с.
12. Рерих Н. К. Держава света. Священный дозор. – Рига: ВИЕДА, 1992. – 285 с.
13. Субетто А. И. В. И. Вернадский: от начала ноосферно-ориентированного синтеза наук – к вернадскианской революции в системе научного мировоззрения в начале XXI века и к становлению ноосферизма / Серия: «Истоки ноосферизма». – Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2007. – 106 с.
14. Субетто А. И. Доктрина духовно-нравственной системы ноосферного человека и ноосферного образования. – СПб. – Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2008. – 98 с.

15. Субетто А. И. Исповедь последнего человека (Предупреждение из Будущего). Избранное (за 2011 год). – СПб. – Кострома: Астерион, КГУ им. Н. А. Некрасова, 2011. – 354 с.
16. Субетто А. И. Манифест ноосферной философии Мира // Ноосферной образование в евразийском пространстве / Под науч. ред. А. И. Субетто. – СПб.: Астерион, 2009. – 688 с.
17. Субетто А. И. Манифест системогенетического и циклического мировоззрения и Креативной Онтологии – Тольятти: МАБиБД, 1994. – 48 с.
18. Субетто А. И. Методологические основания ноосферно-ориентированного синтеза наук в XXI веке (научный доклад)/ Под научн. ред. В. Н. Бобкова. – СПб.: Астерион, 2013. – 48 с.
19. Субетто А. И. Ноосферизм. Том первый. Введение в ноосферизм. – СПб.: Астерион, 2001. – 537 с.
20. Субетто А. И. Ноосферное смысловедение/ Под науч. ред. Л. А. Зеленова – Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2012. – 260 с.
21. Субетто А. И. Ноосферный прорыв России в будущее в XXI веке. – СПб.: Астерион, 2010. – 544 с.
22. Субетто А. И. Онтология и феноменология педагогического мастерства. Книга первая. – Тольятти: Фонд «Развитие через образование», 1999. – 199 с.
23. Субетто А. И. Разум и Анти-Разум (Что день грядущий нам готовит?). – СПб. – Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2003. – 138 с.
24. Субетто А. И. Человековедческие основания российского образования и императива его гуманизации, или Неклассическое человековедение (Послесловие научного редактора) // Казначеев В. П. Проблемы человековедения / Под науч. ред. А. И. Субетто. – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 1997. – 360 с.
25. Учение живой этики (в трех томах). Том 3/ Сост. Г. Е. Черко. – СПб.: Просвещение, 1993. – 814 с.
26. Федотов А. П. Глобалистика: начала науки о современном мире. Курс лекций / А.П.Федотов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 224 с.

References

1. Bakhtin M. M. The Philosophy of Act [K filosofii postupka]. *Filosofiya i sotsiologiya nauki i tekhniki: Ezhegodnik* (Philosophy and Sociology of Science and Technology), 1984 – 1985, Moscow, Nauka, 1986, pp. 80 – 160.
2. Bulgakov S. N. The Philosophy of Economy [*Filosofiya khozyaystva*]. Moscow, Nauka, 1990, 412 p.
3. Efremov I. A. Razor's Edge [*Lezvie britvy*]. Moscow, Pravda, 1986, 672 p.
4. Efremov I. A. The Bull's Hour [*Chas byka*]. Petrozavodsk, Kareliya, 1991, 430 p.
5. Igumen Andronik (Trubachev). Priest Pavel Florenskiy [*Svyaschennik Pavel Florenskiy*]. Moscow, Moskovskiy rabochiy, 1992, 559 p.
6. Kluge K. Christ's Communism: Analysis of the New Testament [*Kommunizm Khrista: Analiz Novogo Zaveta*]. Moscow, Iskusstvo, 1992, 127 p.

7. Kozyrev N. A. The Influence of Time upon Matter [O vozdeystvii vremeni na veschestvo]. *Fizicheskie problemy sovremennoy astronomii. Seriya "Problemy issledovaniya Vselennoy"*, vyp. 11 (Physical Problems of Modern Astronomy. A Series «Problems of Research of the Universe». Issue 11), Leningrad, AN SSSR, 1985, pp. 82 – 91.
8. Malov I. F., Frolov V. A. Cosmic Memorandum of the Living Universe Organization [Kosmicheskoy memorandum organizovannosti zhivogo mirozdaniya]. "Delfis". *Zhurnal Blagotvoritel'nogo fonda "Delfis"* (Delfis. The Journal of the Charitable Foundation "Delfis"), 2006, №4(48), pp. 65 – 75.
9. Moiseev N. N. A Man and Noosphere [Chelovek i noosfera]. Moscow, Molodaya gvardiya, 1990, 351 p.
10. Moiseev N. N. Parting with Simplicity [Rasstavanie s prostotoy]. Moscow, AGRAF, 1998, 480 p.
11. Noosphere Education in Eurasian Space. Under the Editorship of A. I. Subetto [Noosfernoye obrazovanie v evraziyskom prostranstve. Pod nauch. red. A. I. Subetto]. Saint Petersburg, Asterion & Izd-vo KGU im. N. A. Nekrasova, 2009, 688 p.
12. Rerikh N. K. Realm of Light. Sacred Watch [Derzhava sveta. Svyaschennyy dozor]. Riga, VIEDA, 1992, 285 p.
13. Subetto A. I. V. I. Vernadskiy: from the Beginning of Noosphere-oriented Synthesis of Sciences to the Vernadsky's Revolution in the System of Scientific Worldview at the Beginning of the XXI Century and to the Formation of Noospherism [V. I. Vernadskiy: ot nachala noosferno-orientirovannogo sinteza nauk – k vernadskianskoy revolyutsii v sisteme nauchnogo mirovozzreniya v nachale XXI veka i k stanovleniyu noosferizma]. Kostroma, KGU im. N. A. Nekrasova, 2007, 106 p.
14. Subetto A. I. Doctrine of a Moral System of a Noospheric Man and Noospheric Education. [Doktrina dukhovno-nravstvennoy sistemy noosfernogo cheloveka i noosfernogo obrazovaniya]. Saint Petersburg & Kostroma, KGU im. N. A. Nekrasova, 2008, 98 p.
15. Subetto A. I. Last Man's Confession (Warning from the Future) [Ispoved poslednego cheloveka (Preduprezhdenie iz Buduschego)]. *Izbrannoe za 2011 god* (Selected Works of 2011 Year). Saint Petersburg & Kostroma, Asterion, KGU im. N. A. Nekrasova, 2011, 354 p.
16. Subetto A. I. Manifesto of Noospheric Philosophy of the World [Manifest noosfernoy filosofii Mira]. *Noosfernoye obrazovanie v evraziyskom prostranstve* (Noosphere Education in Eurasian Space). Saint Petersburg, Asterion, 2009, 688 p.
17. Subetto A. I. Manifesto of System-genetic and Cyclic Worldview and Creative Ontology [Manifest sistemogeneticheskogo i tsiklicheskogo mirovozzreniya i Kreativnoy Ontologii]. Tolyatti, MABiBD, 1994, 48 p.
18. Subetto A. I. Methodological Principles of Noosphere-oriented Synthesis of Sciences in the XXI Century [Metodologicheskie osnovaniya noosferno-orientirovannogo sinteza nauk v XXI veke]. Saint Petersburg, Asterion, 2013, 48 p.
19. Subetto A. I. Noospherism. Volume 1. Introduction to Noospherism [Noosferizm. Tom pervyy. Vvedenie v noosferizm]. Saint Petersburg, Asterion, 2001, 537 p.

-
20. Subetto A. I. Noospheric Meaning-study [*Noosfernoe smyslovedenie*]. Kostroma, KGU im. N. A. Nekrasova, 2012, 260 p.
21. Subetto A. I. Noospheric Breakthrough to the Future in Russia in the XXI Century [*Noosfernyy proryv Rossii v budushee v XXI veke*]. Saint Petersburg, Asterion, 2010, 544 p.
22. Subetto A. I. Ontology and Phenomenology of Pedagogical Skills. Book 1. [*Ontologiya i fenomenologiya pedagogicheskogo masterstva. Kniga pervaya*]. Tolyatti, Fond "Razvitie cherez obrazovanie", 1999, 199 p.
23. Subetto A. I. Reason and Antireason (the Day to Come, What Is It Bearing) [*Razum i Anti-Razum (Chto den gryaduschiy nam gotovit?)*]. Saint Petersburg, Kostroma, KGU im. N. A. Nekrasova, 2003, 138 p.
24. Subetto A. I., Kaznacheev V. P. Human-study Principles of Russian Education and its Humanization Imperative or Nonclassical Human-study [*Chelovekovedcheskie osnovaniya rossiyskogo obrazovaniya i imperativa ego gumanizatsii, ili Neklassicheskoe chelovekovedenie*]. *Problemy chelovekovedeniya* (Problems of Human-study). Moscow, Issledovatelskiy tsentr problem kachestva podgotovki spetsialistov, 1997, 360 p.
25. The Teaching of Living Ethics, Vol. 3 [*Uchenie zhivoy etiki, Tom 3*]. Saint Petersburg, Prosveschenie, 1993, 814 p.
26. Fedotov A. P. Globalistics: Beginnings of Science in the modern World. Lecture Course [*Globalistika: nachala nauki o sovremennom mire. Kurs lektsiy*]. Moscow, Aspekt Press, 2002, 224 p.

УДК 008

Культурологическая информация и культурологическое знание: методологический ракурс*

Манкевич Ирина Анатольевна – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения», кафедра рекламы и современных коммуникаций, профессор, доктор культурологии, доцент, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: iamankevich@yandex.ru

196135, Россия, Санкт-Петербург, ул. Гастелло, д. 15,

тел.: 8(812) 708-43-45.

Авторское резюме

Состояние вопроса: Объективно формированию концепта «культурологическая информация» как категории гуманитарного знания содействуют следующие факторы: активное вхождение в обиходный и научный лексикон второй половины XX века понятия «информация» и последующее осмысление его как феномена культуры и общенаучной категории; развитие когнитивно-информационного подхода, основанного на синтезе достижений современной теории информации, наук о человеческом мышлении и теоретическом источниковедении; активизация междисциплинарных взаимодействий в научно-образовательной сфере и становление культурологии как специализированной системы знаний о культуре.

Результаты: В качестве источника культурологической информации текст культуры может быть рассмотрен только при условии соотношения/взаимодействия его с другим текстом, т.е. в контексте той или иной коммуникационной ситуации. «Линия жизни» текста культуры включает в себе различные срезы функционирования культурологической информации: производители текстов культуры – тексты культуры – потребители текстов культуры (личность – социальная группа – массовая общность – историческое общество). В общем случае к культурологической информации следует отнести те сведения об объектах/субъектах культуры, которые были выявлены, проанализированы и обобщены с позиции системного культурологического подхода и избранного исследователем контекста (объект – текст – контекст – интерпретация).

Область применения результатов: Представлена концепция понятия «культурологическая информация» как научной категории. Цель ввода в научный оборот категории «культурологическая информация» – обогащение понятийного инструментария культурологического знания за счет собственных лингвистических ресурсов, не заимствованных из лексикона сопредельных

* © И. А. Манкевич, 2014.

областей знания. Исходная дефиниция: культурологическая информация – специализированная категория культурологического знания, разновидность научной информации о фактах и концепциях в истории и теории культуры, ориентированная на целевые профессиональные группы потребителей (в отличие от массовой информации, адресуемой широкой непрофессиональной аудитории). В данной дефиниции учтены два ключевых признака, идентифицирующих указанную разновидность научной информации:

1) сфера деятельности – научная деятельность в сфере гуманитарного/культурологического знания;

2) целевое назначение информации, то есть ее адресаты – профессиональная аудитория гуманитариев, генераторы культурологического знания, потребители и интерпретаторы текстов культуры как источников культурологической информации.

Выводы: Культурологическая информация – продукт культурологического мышления, категория культурологического метода – метода культурологического прочтения/интерпретации текстов разной природы как феноменов культуры, независимо от используемой знаковой системы. Культурологическое знание ориентировано не на поиск исторических “истин” и доказательств их достоверности или определение эстетической ценности художественного текста, а на выявление фактов культуры и их культурологическую интерпретацию.

Ключевые слова: культурологическое знание; культурологическая информация; социокультурные коммуникации; творчество; методология; тексты культуры; русская классическая литература.

The Information Relevant to Cultural Research and the Knowledge Gained from Cultural Research: Methodological Perspective

Mankevich Irina Anatolevna — Doctor of Cultural Research, Professor, St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, St. Petersburg, Russia.

e-mail: iamankevich@yandex.ru

15, Gastello st., St. Petersburg, Russia, 196135.

tel: +7 (812) 708-43-45

Abstract

The background of the issue: The concept of information relevant to cultural research as a category of research is based on the following grounds:

1) the growing popularity of the notion 'information' in sciences and humanities (as well as in the general everyday communication) that has been taking place since the second half of the 20th century along with the rethinking of the notion 'information' as a phenomenon of culture and a universal category of research;

2) the growth of the cognitive and information approach which is grounded in the synthesis of the achievements of the modern theory of information, the theories of human thinking and the theoretical source studies;

3) the proliferation of interdisciplinary connections in the academic sphere and the establishment of cultural research as a specialized system of knowledge about culture.

Results: The text of culture can only serve as a source of information relevant to cultural research in the condition of correlation/interaction of this text with another one, i.e. in the context of a communicative situation. The 'life cycle' of a text of culture provides various sections of the information relevant to cultural research: producers of texts of culture – texts of culture – consumers of texts of culture (individuals, social groups, big communities, society in given periods of history). Normally, the information relevant to cultural research comprises the data on cultural objects and subjects, both of which were identified, analyzed and summarized in the light of the systemic approach to culture and the context selected by the researcher (object – text – context – interpretation).

Areas of application of the results: The notion 'information relevant to cultural research' was conceptualized as a category of research in order to enforce the set of notions of cultural research without relying linguistically on resources which are external to this discipline. The definition of the notion: the information relevant to cultural research is a specialized category of knowledge gained from cultural research, a kind of research data about facts and concepts in history and theory of culture, addressed directly to the professional consumer groups (in contrast to mass information which is addressed to the general public). This definition takes into consideration two key features which identify this kind of research information:

1) the sphere of occupation – research activities in the field of humanities and cultural research;

2) the recipients (or addressees) – a professional community of researchers, consumers and interpreters of the texts of culture as the sources of information relevant to cultural research.

Conclusion: Information relevant to cultural research is produced by the analysis of culture, and so it is a methodological category used for cultural research – reading/interpreting various texts of culture independent from the sign systems utilized by them. The knowledge gained from cultural research is oriented neither to the search of historical 'truth', its verification, nor to the aesthetic evaluation of a fictional text, but rather to identification of the facts in culture and to their interpretation specific for cultural research.

Keywords: knowledge gained from cultural research; information relevant to cultural research; sociocultural communications; creativity; methodology; texts of culture; classical Russian literature.

Для отечественного образования культурология – единственная межнаучная область знания, способная заполнить пограничную зону между различными гуманитарными дисциплинами. Именно в ней скрещиваются и концентрируются потоки информации от всех других отраслей знания, формирующие, в свою очередь, культурологический вектор в исследованиях конкретных явлений различных культур. Междисциплинарные коммуникации

внутри самой культурологии превращает ее в испытательный полигон для проверки самых экстравагантных научных гипотез относительно тех культурных феноменов, природу порождения и траекторию функционирования которых не может “вычислить” ни одна другая наука.

«Поэзия, философия и вообще все, что люди привыкли называть культурой, является обобщением – может быть, и обобществлением, – чьих-то личных чувств. Внутри человеческой души чувства эти, однако, существуют в особой и загадочной форме. О ней можно догадываться лишь по делам культуры – по тому, что наносится кистью на полотно, рифмовано в стихах, звучит в молитвах, философских рассуждениях или политических речах... Ту же роль играют и тексты гуманитарной науки, столь же изменчивой, условной и непреодолимо субъективной» [18, с. 5]. А поскольку «культура всегда о себе что-то рассказывает», различные гуманитарные науки в силу специфики традиций, сложившихся внутри предметного поля каждой из них, интерпретируют тексты культуры по-своему. Философия культуры объясняет то, что «автор хотел сказать». Филология и искусствоведение – то, что «автор сумел сказать». А о том, что «автор сказал, сам того не желая», берет на себя смелость толковать культурология [2].

Активный рост межнаучных исследований, основанных на использовании методов смежных гуманитарных наук, актуализировал вопрос о культурологическом содержании текстов культуры разной семиотической и жанровой природы и необходимости изучения их как потенциальных источников культурологической информации. Последнее касается, в частности, богатейшего культурологического потенциала русской классической литературы, остающейся на сегодняшний день недостаточно востребованной в качестве потенциального источника культурологической информации о национальных моделях повседневного поведения и “жизнетворения” и генератора культурологического знания.

Литературоцентристское прошлое России, явившее миру непревзойденные шедевры литературной культуры, по сей день питающие интеллектуальный фундамент национального самосознания, дает богатейший материал для плодотворного взаимодействия филологического и культурологического знаний. Одним из перспективных направлений, характеризуемого гуманитариями в зависимости от идеологических пристрастий его приверженцев как «филологическая культурология» или «культурологическая филология», в рамках которого содружество этих наук могло бы дать позитивные результаты в научной и образовательной практике, является проблема функционирования текстов повседневности внелитературной и литературной реальности в пространстве социальных коммуникаций. В силу литературоцентричности русской культуры отечественная филология более других оказалась предрасположена к освоению культурологического подхода. Отсюда – и специфичность русской филологической школы, питавшейся “соками” разнородных, но взаимодействующих научных идей, на пересечении которых рождались труды М. М. Бахтина, Ю. М. Лотмана, В. Н. Топорова. Тем более, что принципиальных противоречий между культурологическими и

литературоведческими изысканиями нет, поскольку, с одной стороны, «литературовед не всегда имеет в виду концепцию литературного объекта, которую должен отвергнуть культуролог» [6, с. 54], а с другой – сама культурология изначально в своем развитии опиралась на технику литературоведческого анализа применительно к нелитературным объектам культуры. При этом культурные артефакты рассматриваются культурологией «как “тексты”, которые подлежат прочтению, а не простому учету» [6, с. 54]. И если литературоведы предпочитают руководствоваться оценочными методами, то культурология использует симптоматический анализ культурных объектов. И хотя оба метода вполне применимы как к литературным, так и к нелитературным текстам культуры, «тем не менее, внимательное чтение нехудожественных текстов не предполагает их эстетической оценки, а упор на “культурную репрезентативность” литературного произведения подразумевает, что мы оцениваем этот текст в первую очередь как документ эпохи» [6, с. 62]. И не случайно вся историческая биография русской литературы свидетельствует о постоянном ее стремлении вырваться за пределы своего природного художественно-эстетического и поэтического пространства и стать «больше, чем литература». О причинах последнего применительно к гениям русской литературы рассуждал В. Пьецух: «Как посмотришь из нашего угрюмого далека да сообразишься с каверзной правдой жизнью, так и выходит, что задумывали они одно, а на поверку получилось совсем другое. Тут одно из двух: либо создание отчего-то бывает много самовитее, независимей от создателя, либо бунт персонажей вообще в правилах нашей словесности» [12, с. 97].

Впервые вопрос о специфике функционирования художественного образа в пространстве культуры был поставлен в работе академика М. В. Нечкиной «Функция художественного образа в историческом процессе», отметившей, в частности, следующее: «Тема, избранная мною, расположена на границе двух наук — литературоведения и истории. Для ее постановки нужны не только опорные данные, почерпнутые из обеих наук. <...> Их, оказывается, недостаточно для решения вопроса. Как всегда, пограничный характер проблемы требует еще чего-то «третьего», порождаемого самой новизной предмета» [11, с. 61 – 63]. Этим «третьим», по всей видимости, и должен был стать системный культурологический метод, позволяющий осмыслить движение художественного смысла/образа/текста в пространстве социокультурных коммуникаций, как в синхроническом, так и диахроническом ракурсе.

Особую роль в культурологическом источниковедении конца XX– начала XXI века сыграл информационно-семиотический подход, представленный в трудах Ю.М. Лотмана и его последователей. В свете семиотического подхода снимается тезис о механическом отражении реальности в тексте. Культуролог рассматривает текст как объект реального мира, как феномен культуры, формирующий идеи и представления людей. Таким образом, речь идет о функционировании текста в контексте, о функции художественного образа в пространстве социокультурных коммуникаций. Семиотический подход

апеллирует к внутренней точке зрения писателя, его героев и читательской аудитории. Последнее обстоятельство способствует реконструкции моделей ценностных ориентаций всех названных субъектов в контексте культурных образцов своего времени независимо от того, имеет ли исследователь дело с высокой литературой или продуктом массового потребления. «С этой точки зрения малохудожественные, популярные произведения литературы представляют исключительно ценный источниковый материал для исследователя», являя собой свидетельство «широкой адаптации идей, превращения их в предмет "массового потребления"» [10, с. 14]. При этом самое искусство слова становится «особым способом узнавания» [3, с. 25].

Новая веха в эволюции источниковедческого образа художественной литературы связана с постструктуралистскими идеями прочтения текстов культуры. Введение Ю. Кристевой и Р. Бартом в широкий научный оборот понятия “интертекстуальность” по существу лишило литературный текст – «мозаику цитаций» «бессознательных и автоматических» – как реальных, так и виртуальных границ. Отрицая волю автора и утверждая свою, читательскую, постструктурализм разоблачил претензии языка на истинность в виду «иллюзорного характера любого высказывания». Так, “текст-письмо”, трансформируясь в “текст-чтение”, приобрел бесчисленное число вариаций, зависящих от вкусовых ассоциаций и тезауруса “читающего” [5, с. 4].

Постмодернистские тенденции в развитии мировой культуры XX века, повлекшие за собой кардинальный сдвиг в методологии гуманитарного знания, привели к осознанию непреодолимости извечного барьера в любых системах социальных коммуникаций, коим является человеческая субъективность. Обращение европейских гуманитариев нового поколения к культурно-антропологическому, социально-психологическому, лингвистическому измерению прошлого активизировало стремление отечественных историков к новому герменевтическому прочтению исторических текстов. Актуализация опыта французской школы «Анналов», ориентирующего на изучение исторической эпохи как истории ментальностей, стимулировала активное проникновение в отечественную науку методов психологической реконструкции субъективных моделей бытия – поведения, мышления, чувствований замечательных и незамечательных “творцов” истории. “Вживание” исследователя во внутренний мир создателей текстов истории способствовало, в свою очередь, формированию нового методологического кругозора в отношении источниковой базы исторических исследований и пересмотру исторически сложившегося в среде ученых пренебрежения информационным потенциалом субъективных продуктов художественного творчества. Анализ работ, посвященных источниковедческому потенциалу исторических и литературно-художественных текстов, позволяет сделать вывод о том, что представители различных гуманитарных дисциплин сближаются в оценке их информационного потенциала с культурологическим подходом [9]. И хотя по своей междисциплинарной природе культурология не следует единой системной методологии, она «не замутняет научные понятия и исторические контексты, а, наоборот, добавляет уровни саморефлексии» [1, с. 5].

Объективно формированию концепта “культурологическая информация” как категории гуманитарного знания содействуют следующие факторы: активное вхождение в обыденный и научный лексикон второй половины XX века понятия “информация” и последующее осмысление его как феномена культуры и общенаучной категории; развитие когнитивно-информационного подхода, основанного на синтезе достижений современной теории информации, наук о человеческом мышлении и теоретическом источниковедении; активизация междисциплинарных взаимодействий в научно-образовательной сфере и становление культурологии как специализированной системы знаний о культуре.

Родовое, по отношению к культурологической информации, понятие “информация”, получившее во второй половине прошлого века статус общенаучной категории, современная научная литература трактует как сведения и как сигналы, как количественную меру устранения неопределенности и как отражение разнообразия в объектах живой и неживой природы, как «инструментальное понятие информационного подхода, содержание и объем которого переменны и зависят от изучаемых коммуникационных и организационных явлений» [15, с. 247].

Известный российский исследователь, автор многочисленных трудов, посвященных проблемам информации и социальной коммуникации, профессор А. В. Соколов, проведя контент-анализ типичных контекстов, в которых используется слово “информация”, пришел к выводу, что понятия (категории) информации по своему содержанию делятся на пять групп: *абстрактная фикция*, элемент математической модели, создаваемой в процессе корректного информационного подхода (шенноновская трактовка информации); *биологический сигнал или материальное рабочее тело*», передаваемое по каналам связи в техносфере (сигнальная трактовка информации); *семантические явления* – сведения, смыслы, знания (семантическая информация); *метафорический оборот речи* – результат некорректного информационного подхода (атрибутивная трактовка информации); *мистический фантом* – «непременная субстанция живой материи, психики, сознания» [14, с. 111 – 112]. При этом исследователь справедливо полагает, что метафорические и мистические трактовки информации необоснованно претендуют на статус философской категории.

Весьма разнообразны и мало совместимы друг с другом и трактовки другого, родственного категории “информация” понятия – “*коммуникация*”. В научно-популярной литературе и СМИ наиболее распространенными являются такие толкования этого понятия как общение, средства связи, информационный обмен, общественные связи и т. п. В справочно-энциклопедических изданиях термин “коммуникация” обычно трактуется как опосредованное и целесообразное взаимодействие между субъектами, предполагающее наличие как минимум трех звеньев: передающего субъекта, передаваемого объекта, принимающего субъекта. В зависимости от идеологических симпатий исследователей понятие “коммуникация” зачастую выступает в союзе с близкими ему по духу, но, тем не менее, имеющими свои смысловые нюансы

вариациями. Так, широкое распространение в гуманитарной литературе получил термин «межкультурная коммуникация», трактуемый как «общение языковых личностей, принадлежащих различным лингвокультурным сообществам» [4, с. 10]. В культурологических изданиях приводится дефиниция «социокультурной коммуникации» как «процесса взаимодействия между субъектами социокультурной деятельности (индивидами, группами, организациями) с целью передачи или обмена информацией посредством принятых в данной культуре знаковых систем (языков), приемов и средств их использования» [17, с. 277 – 278].

Коммуникация и информация являют собой, по сути дела, две стороны одной медали – культуры, что и позволяет рассматривать последнюю (как в целом, так и в многообразии ее видовых, локальных/частных форм) как информационно-коммуникационную систему. Сущность и взаимосвязь *информации* и *коммуникации* как феноменов культуры проявляются в процессе их социального функционирования. *Информация*, будучи продуктом интеллектуальной деятельности людей, идеальна, абстрактна, вне сознания познающего субъекта не существует, обнаруживает себя в процессе коммуникационного взаимодействия субъектов культуры. *Коммуникация* – в функционировании смыслов-образов культуры, обретающих в процессе их освоения реципиентом статус информационного (коммуникационного) сообщения/текста. Информация – необходимая предпосылка формирования знания. Знание – результат обобществления индивидуальных образов и упорядоченная совокупность социализированных смыслов. При этом с одной стороны, знание об исторических (биографических) событиях Большой и малых жизней вполне конкретно в своей предметности. С другой – чувственные образы и эмоциональные переживания, не поддаваясь вербализации, остаются за пределами знания. С третьей стороны, научное творчество, равно как и художественное, невозможно вне субъективности индивидуального опыта познающего субъекта. И, наконец, с четвертой стороны – масштаб поиска научной истины обречен быть ограниченным методологической схемой и контекстом исследования. Закономерное следствие этого со-бытийного “четыреугольника” – существование вечной проблемы понимания смыслов/текстов – проблемы постижения чужой индивидуальности (автора, персонажа, читателя), в равной мере признаваемой как интуитивно чувствующими художниками, мыслящими образами изящной словесности – «Мысль изреченная есть ложь» (Ф. И. Тютчев), так и логически мыслящими учеными, оперирующими научными категориями – «<...> коммуникация двух разумных существ человеческого типа по сути своей есть обмен обманом» [13, с. 33].

Следует отметить, что широко практикуемое в СМИ толкование/интерпретация культурологической информации как совокупности знаний, сведений, данных, сообщений о культурной жизни и деятельности общества, его групп, отдельных личностей, культур, учреждений и организаций, не отражает специфику исследуемой проблемы. Более того, в обыденной практике и даже научных публикациях нередко употребляется

весьма некорректное по своей сути словосочетание “культурная информация”, предполагающее, очевидно, существование некой иной, “некультурной” субстанции. Однако информация, будучи продуктом интеллектуально-творческой деятельности человека, уже сама по себе есть феномен культуры. Не случайно в публикациях профессионалов словосочетание *культурологическая информация* используется в контексте социально-культурного опыта, накопленного поколениями за определенный исторический период [19, с. 26 – 27]. Цель ввода в научный оборот понятия «культурологическая информация» в качестве научной категории гуманитарного/культурологического знания – обогащение понятийного инструментария культурологии за счет собственных лингвистических ресурсов, не заимствованных из лексикона сопредельных областей знания. Культурологическая информация – продукт культурологического мышления, категория метода, в данном случае метода культурологического прочтения/интерпретации текстов разной природы, включая литературные. Если, конечно, согласиться с тем, что есть такая сфера гуманитарного знания как культурология, и есть такая “партия” – культурологи.

С позиции социальной (гуманитарной) информатики *культурологическая информация* может быть определена как научная (семантическая) информация о фактах культуры (события, явления, продукты, творцы и потребители культуры) и концепциях (идеях, теориях) в истории культуры, ориентированная на профессиональные группы потребителей (в отличие от массовой информации, адресуемой широкой непрофессиональной аудитории)» [16].

В данной дефиниции учтены два ключевых признака, идентифицирующих указанную разновидность научной информации, а именно: “*сфера деятельности*” (научная деятельность в сфере гуманитарного знания, включая, естественно, и культурологическое знание) и “*целевое назначение*” информации, то есть ее адресат (профессиональная аудитория гуманитариев – потенциальные потребители и интерпретаторы текстов культуры как источников культурологической информации и производителей культурологического знания).

Таким образом, в качестве потенциальных источников культурологической информации выступают любые социальные документы, независимо от своего происхождения и используемой знаковой системы. В общем случае к культурологической информации следует отнести те сведения об объектах/субъектах культуры, которые были выявлены, проанализированы и обобщены с позиции системного культурологического подхода. Важно отметить, что в качестве источника культурологической информации текст культуры может быть рассмотрен только при условии вхождения его в отношения с другим текстом, ибо «...сознание нуждается в сознании, текст – в тексте, культура – в культуре» [8, с. 429].

Потенциально “линия жизни” текста культуры заключает в себе различные срезы функционирования культурологической информации: производители текстов культуры – тексты культуры – потребители текстов культуры; тексты культуры – тексты культуры; тексты культуры – личность – социальная группа

– массовая общность – историческое общество, др. При таком подходе статус “культурологичности” в сознании познающего субъекта обретают любые реалии/тексты повседневной жизни, включая литературно-художественные.

В каждом литературном произведении неизбежно, по воле автора или вопреки ей, отражаются картинки из жизни эпохи. В этой связи художественную литературу можно рассматривать как носитель и источник объективной информации о внелитературной реальности. Однако реальная действительность, получившая отражение в литературном произведении, еще не отражает всех граней и уровней его информационного пространства. Информационный потенциал литературного текста оказывается в разной степени зависимым и от реалий повседневной жизни эпохи, и от реалий повседневной жизни самого автора и его потенциальной читательской аудитории. При этом для культуролога, в отличие от источниковедческих предпочтений историка, любой художественный текст независимо от времени его создания, а также авторской, мировоззренческой или жанровой принадлежности, потенциально информативен. Ибо междисциплинарное русло культурологического знания ориентировано не на поиск исторических истин и доказательств их достоверности, а на выявление фактов культуры и их культурологическую интерпретацию. Информация, заложенная автором в художественном произведении, гораздо обширнее, чем собственно его текст, что и обнаруживается в процессе межкультурной коммуникации как “диалога” сознаний и порождаемых ими текстов, принадлежащих разным культурам.

Литературно-художественный текст незримо вбирает в себя тот ментальный срез бытия человеческого, который, ускользая от вербализации, не способен быть зафиксированным ни одним историческим источником. В этом отношении произведения мировой классической литературы, чье текстовое пространство соткано из смыслов-образов разных культурных пластов, времен и народов, можно рассматривать как “романы культуры”, или как ее гипертексты. Эти тексты, понятные для образованного читателя своего времени, для читателя иных поколений превращаются в “архивированный файл”, хранящий “мегабайты” культурных смыслов, скрытых между строк в авторских ассоциациях, аллюзиях и аллегориях, равно как и в идеологических наслоениях, сопровождавших их “другую жизнь” в последующие эпохи. В руках исследователя художественный текст оказывается способным объективировать следы ментальности и пассионарности своей эпохи, благодаря чему он становится ключом к пониманию “культурного бессознательного”. Литературный текст, прочитанный на языке литературной культуры его производителя и/или потребителя в контексте избранной исследователем коммуникационной ситуации, обретает статус источника культурологической информации. При этом предметом культурологического анализа становятся информационно-коммуникационные (знаковые, символические) функции художественных образов, увиденные/прочитанные в контексте мысленной интеграции макро- и микроанализа литературного текста как феномена культуры и частного случая/разновидности текста культуры – информационно-

коммуникационной системы, ядро которой составляет коммуникационная триада: Автор – Текст – Читатель.

Сегодня, в условиях масштабной смены культурной парадигмы, многие смыслы из классического репертуара художественного наследия неизбежно исчезают с “реципиентного горизонта” срединного читателя. Свою лепту в “парадигмальный кризис” гуманитарного знания добавляет и молодое поколение потребителей культуры, стойко предпочитающее прогулки по Интернет-чатам поклонению высокой литературе. Современные сценические и кино-интерпретации классических произведений зачастую усиливают разрыв поколений и создают ложные представления о культуре и людях ушедших эпох. В этой связи актуализация культурологического потенциала русской литературы как «хранительницы высших смыслов отечественной культуры» [7,с.14], как этического и образно-эмоционального компонента национального наследия представляется не только перспективной сферой познания повседневной жизни как таковой, но и действенной стратегией самопознания человека.

В методологическом плане одним из самых сложных аспектов исследования информационного потенциала художественного текста как носителя культурологической информации становится проблема соотношения в его пространстве художественной и научной информации. Магия художественного образа программирует на эмоциональное восприятие литературного образа (деятельность чувств) и на оперирование эстетическими категориями ценности. Задачи научного познания ориентируют на логико-интеллектуальное понимание текста (деятельность мысли) и описание его посредством семантических категорий. Существование потенциально невербализуемых смыслов – причина объективно существующего противоречия между “логикой” чувств (чувственное познание смысла, данного в ощущениях) и логикой ума (логическое познание смысла, воплощенного в знаковой форме).

Есть и другой аспект этой проблемы. Так с позиции постструктуралистской теории «язык, вне зависимости от сферы своего применения, неизбежно художественен, т. е. всегда функционирует по законам риторики и метафоры...». Отсюда следует вывод, что и само мышление человека художественно (естественно, человека образованного и обладающего соответствующим уровнем литературной культуры), «и любое научное знание существует не в виде строго логического изложения-исследования своего предмета, а в виде полу- или целиком художественного произведения...», художественность которого может не ощущаться, не осознаваться, «но которая только одна и придает законченность знанию» [5, с. 4]. В идеале задача культурологического познания литературного текста требует от исследователя «равного умения охватить предмет мыслью и уловить чувством то, что еще не поддается мысли» [3, с. 6]. Именно благодаря взаимодействию логического и внелогического внутри системы культуры рождаются новые смыслы культуры, новая культурологическая информация.

Список литературы

1. Бойм С. Общие места: мифология повседневной жизни. – М.: Новое лит. обозрение, 2002. – 320 с. – (Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»).
2. Вавилон культур [CD-R] / Министерство культуры РФ, Российский институт культурологии. — М., 2008.
3. Гаспаров М. Л. Диалектика Лотмана // Ким Су Кван. Основные аспекты творческой эволюции Ю.М. Лотмана. – М.: Новое литературное обозрение, 2003. – С. 5 – 10.
4. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. – М.: Гнозис, 2003. – 288 с.
5. Ильин И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. – М.: Интрада, 1996. – 256 с.
6. Каллер Д. Теория литературы: краткое введение; [пер. с англ. А. Георгиева]. – М.: Астрель: АСТ, 2006. – 158 с.
7. Кантор В. К. Русская классика, или Бытие России. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005. – 768 с. – (Серия «Российские Пропилеи»).
8. Лотман Ю. М. Текст в тексте // Лотман Ю. М. Об искусстве. – СПб.: Искусство–СПБ, 1998. – С. 423 – 436.
9. Манкевич И.А. Литературно-художественное наследие как источник культурологической информации // Обсерватория культуры. – 2007. – № 5. – С. 17 – 23.
10. Могильнер М. Мифология «подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа. – М.: Новое лит. обозрение, 1999. – 208 с.
11. Нечкина М. В. Функция художественного образа в историческом процессе // Содружество наук и тайны творчества. – М.: Искусство, 1968. – С. 61 – 98.
12. Пьецух В. Русская тема. О нашей жизни и литературе – М.: Глобулус, Изд-во НЦ ЭНАС, 2005. – 224 с.
13. Секацкий А. К. Онтология лжи. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. – 120 с.
14. Соколов А. В. Информационное общество в виртуальной и социальной реальности. – СПб.: Алетейя, 2013. – 352 с.
15. Соколов А. В. Метатеория социальной коммуникации. – СПб.: Рос. нац. б-ка, 2001. – 352 с.
16. Соколов А. В., Манкевич А. И. Информатика в перспективе (к вопросу о классификации видов информации в системе наук коммуникационного цикла) // Науч.-техн. информ. Сер. 2. Информ. процессы и системы. – М., 1971. – № 10. – С. 5 – 9.
17. Флиер А. Я. Культурология для культурологов: Учебное пособие для магистрантов, аспирантов и соискателей. – М.: Согласие, 2010. – 672 с.
18. Эткинд А. М. Содом и Психея: очерки интеллект. истории Серебряного века. – М.: «ИЦ–Гарант», 1996. – 413 с.
19. Якимович А. К. Генрих Вёльфлин и другие // Вёльфлин Г. Ренессанс и барокко. – СПб.: Азбука-классика, 2004. – С. 9 – 47.

References

1. Boym S. Common Places: Mythologies of Everyday Life in Russia [*Obschie mesta: mifologiya povsednevnoy zhizni*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2002, 320 p.
2. Babylon of Cultures [Vavilon kultur]. CD-R. Moscow, Russian Institute for Cultural Research, 2008.
3. Gasparov M. L. Lotman's dialectics [Dialektika Lotmana]. In: Kim, Kwang-Su. *Osnovnye aspekty tvorcheskoy evolyutsii Yu. M. Lotmana* (Main Aspects of the Evolution of Yu. M. Lotman's Work). Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2003, pp. 5 – 10.
4. Gudkov D. B. Theory and Practice of Intercultural Communication [*Teoriya i praktika mezhkulturnoy kommunikatsii*]. Moscow, Gnozis, 2003, 288 p.
5. Ilyin I. P. Poststructuralism, Deconstructivism, Postmodernism [*Poststrukturalizm. Dekonstruktivizm. Postmodernizm*]. Moscow, Intrada, 1996, 256 p.
6. Culler J. Theory of literature: a very short introduction [*Teoriya literatury: kratkoe vvedenie*]. Moscow, Astrel, AST, 2006, 158 p.
7. Kantor V. K. Russian Classics or Being of Russia [*Russkaya klassika, ili Bytie Rossii*]. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2005, 768 p.
8. Lotman Y. M. Text in text [Tekst v tekste]. *Ob iskusstve* (On Art). St. Petersburg, Iskusstvo-SPb, 1998, pp. 423 – 436.
9. Mankevich I. A. Artistic Literary Heritage as a Source of Information Relevant for Cultural Research [Literaturno-khudozhestvennoe nasledie kak istochnik kulturologicheskoy informatsii]. *Observatoriya kultury* (Observatory of Culture), 2007, №5, pp. 17 – 23).
10. Mogilner M. The Mythology of an 'Underground Person': the Radical Micro-cosmos in Russia in the Beginning of the XX Century as an Object for Semiotic Analysis [*Mifologiya «podpolnogo cheloveka»: radikalnyy mikrokosm v Rossii nachala XX veka kak predmet semioticheskogo analiza*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 1999, 208 p.
11. Nechkina M. V. The Function of the Artistic Image in the Historical Process [Funktsiya khudozhestvennogo obraza v istoricheskom protsesse]. *Sodruzhestvo nauk i tayny tvorchestva* (The Brotherhood of Sciences and the Mysteries of Creativity). Moscow, Iskusstvo, 1968, pp. 61 – 98.
12. Petsukh V. Russian Theme: About Our Life in Literature [*Russkaya tema. O nashey zhizni i literature*]. Moscow, Globulus & ENAS, 2005, 224 p.
13. Sekatskiy A. K. The Ontology of Lies [*Ontologiya lzhi*]. St. Petersburg, Izdatelstvo SPbGU, 2000, 120 p.
14. Sokolov A. V. Information Society in the Virtual and Social Realities [Informatsionnoe obschestvo v virtualnoy i sotsialnoy realnosti]. St. Petersburg: Aleteyya, 2013, 352 p.
15. Sokolov A. V. Metatheory of Social Communication [*Metateoriya sotsialnoy kommunikatsii*]. St. Petersburg, Rossiyskaya natsionalnaya biblioteka, 2001, 352 p.

16. Sokolov A. V., Mankevich A. I. Perspectives of information science (the issue of classification of types of information in the system of sciences related to research into communication) [Informatika v perspektive (k voprosu o klassifikatsii vidov informatsii v sisteme nauk kommunikatsionnogo tsikla)]. *Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya, Seriya 2: Informatsionniye protsessy i sistemy*. (Science and Research Information. Series 2: Informational Processes and Systems), 1971, №10. pp. 5 – 9.

17. Flier A. Y. Culturology for Culturologists [*Kulturologiya dlya kulturologov*]. Moscow, Soglasie, 2010, 672 p.

18. Etkind A. M. Sodom and Psyche: Essays on Intellectual History of the Silver Age of Russian Culture [*Sodom i Psikheya: ocherki intellektualnoy istorii Serebryanogo veka*]. Moscow, IC-Garant, 1996, 413 p.

19. Yakimovich A. K. Heinrich Wölfflin and Others [Genrikh Velflin i drugie]. *Velflin G. Renessans i barokko* (H. Wölfflin. The Renaissance and Baroque]. St. Petersburg, Azbuka-klassika, 2004, pp. 9 – 47.

УДК 39:574(470.1/.2)(045); 316.728(470.1/.2)(045)

Экоцентрический фундамент традиционной культуры Севера: взгляд из современности*

Татаринцев Виктор Олегович – Некоммерческое партнерство «Центр социально-гуманитарных исследований», Председатель Совета, кандидат философских наук, Россия, г. Архангельск.

E-mail: infoconsultcentre@rambler.ru

163000, Россия, г. Архангельск, ул. Выучейского, д. 28,
тел.: +7 (905) 293-62-53

Авторское резюме

Состояние вопроса: В советской парадигме гуманитарных наук не нашлось места таким отраслям знания, как культурология (и, следовательно, культурная антропология) и религиоведение. Изучение духовных оснований традиционных культур осуществлялось либо в рамках этнографии, основной упор делающей, как известно, на исследовании материального быта народа, либо вовсе было оставлено без внимания. Предпринимается попытка исследования традиционных культур Северной Фиваиды в целостном, неразрывном комплексе духовных (символических) и материальных оснований.

Результаты: Традиции гармонического *со-жительства* с природой коренных народов Севера основаны на практике их векового одухотворения, почитания и уважения природы как «вездесущей Матери», дарующей жизнь и поддерживающей ее своим волеизъявлением.

Область применения результатов: Предлагается использовать духовные традиции автохтонов Севера (самодийцев, русских поморов, финно-угров) для разработки и/или внесения изменений (дополнений) в региональные варианты Концепции устойчивого развития, так как: 1) это оправдано экономически на территориях традиционного природопользования и особо охраняемых природных территориях; 2) не противоречит принципам учета не только материальной, но и символической (духовной) потребности в развитии современной холистической картины мира нынешнего и будущих поколений человечества.

Выводы: Духовно-экологический потенциал традиционных культур коренных народов Севера требуется привлекать для решения назревших социальных, экологических и иных глобальных и региональных проблем, разумеется, с учетом их творческой интерпретации к условиям современного постмодернистского (информационного) общества.

Ключевые слова: традиционная экологическая культура Севера; гармония в системе «человек – природа – культура»; современная экологическая парадигма; альтернативные теории общественного развития.

* © В. О. Татаринцев, 2014.

Ecocentric Basement of Traditional Culture of the North: a View from Nowadays

Tatarintsev Viktor Olegovich – Chairman of the Non-commercial Partnership «Centre for Social Studies», Ph. D. (philosophy), Russia, Arkhangelsk.

E-mail: infoconsultcentre@rambler.ru

28, Vyucheiskiy st., Arkhangelsk, Russia, 163000,

tel.: +7 (905) 293-62-53

Abstract

Background: There were no place for theory of culture and cultural anthropology and religion studies in the soviet paradigm of humanities. Therefore academic research of spiritual grounds of traditional cultures was conducted in the context of ethnography, not paying enough attention to the phenomenon of religion as such. The author attempts to study the traditional cultures of the Northern Fivaida in the integral, inseparable complex of spiritual (symbolic) and material foundations.

Results: The traditions of harmonious *co-existence* with the nature for indigenous peoples of the North are based on the practice of their spiritualizing the eternity, reverence and respect for nature as «ubiquitous Mother» giving and supporting life by her will.

Research implications: The use of spiritual traditions of northern indigenous peoples (the Samodians, Russian coast-dwellers, the Finno-Ugrians) for the development and/or introduction of amendments into the regional variants of the concept of sustainable development is proposed. 1). This policy is economically justified on the territories of traditional exploitation of resources and specially protected natural wilderness areas. 2). It does not contradict to the principles of emphasizing not only material, but also symbolic (spiritual) needs in the development of modern holistic world picture of the present and future generations.

Conclusions: Spiritual and ecological potential of the traditional cultures of indigenous peoples of the North is required for the solution of urgent social, ecological and other global and regional issues, taking into consideration their creative interpretations in the contemporary postmodern (information) society.

Keywords: traditional ecological culture of Russian North; harmony in the system «man – nature – culture»; modern ecological paradigm; alternative theories of social development.

Экологическая культура северных номадов формировалась на протяжении тысячелетий, в процессе освоения пространства Крайнего Севера, в первую очередь – в *символическом смысле*. Обживание бескрайних просторов Арктики «детьми земли» (автохтоны Российского Севера – В. Т.) не поддается объяснению с позиций неподготовленного массового сознания, стремящегося все интерпретировать в категориях *пользы, практичности, извлечения выгоды*. В мировоззрении и жизненном укладе традиционных этнокультурных сообществ все подчинено особому ритму «мудрости земли», воспетому в

старинных сказаниях и легендах. Картина мира любого представителя рода строится на основе особой *мифопоэтики*, связанной с *сакрализацией природы* и ее *духовным преображением*.

Поэтическое осмысление северной земли носит глубоко личностный, чувственно-переживаемый, интимный характер, сокрытый в глубине Духа Земли. Окружающий мир предстает в двух планах: космографии и космологии Земли и Неба и промежуточного Срединного мира, где обитают духи-покровители сакрального пространства Северной Фиваиды.

Традиционная экология Севера носит священный характер, все здесь имеет свой особый, «своеобычный» потаенный смысл, скрытый в недрах тундры, являющей собой средоточие самой жизненной силы. Земля предстает в виде «все рождающей великой Матери», прообразом Космоса, источником жизни и ее прародительницей.

Мифотворчество, устные предания и легенды дают нам представление о народных ценностях циркумполярной цивилизации, основанных на извечных общечеловеческих принципах добра, красоты, справедливости и свободы.

Опыт, накопленный за время существования экологической культуры северной цивилизации, являлся активным преобразующим началом в развитии традиционных культур. Экологические знания, представления, установки северных народов, способствующие формированию экологического сознания, выраженного в форме гармоничного сосуществования человека и природы, ее творческого преображения, передавались по наследству по разным «каналам трансляции».

Народные знания о природе проявлялись по-разному. Так, например, в названиях небесных светил и явлений у народа коми фигурируют промысловые птицы: созвездие плеяды – «Утка поз» («Утиное гнездо»), Млечный путь – «Дзодзӧг лэбзян туй» («Путь полета гусей»), и домашние животные: радуга – «Ен ӧш» (Небесный бык). Лес коми называли своим кормильцем и поильцем. Губить дерево понапрасну даже в глухой тайге считалось величайшим грехом [13, с. 11].

В мифологии хантов и манси космическая Обь воплощается в образе трех священных рек – небесной, земной и подземной, каждая из которых несет в себе черты единой мировой реки. Река течет в нижнем мире, куда культурный герой, сын творца Тарыг-пещ-нимал-сов (он же Мир-сусне-хум), проникает через отверстие в скале, которое символизирует сакральный центр мира – точку, в которой начинается путь во все сферы Вселенной. «На том месте, – говорится в мифе, – где небо свисает, скала с дырой обтянута семикратным железным перевесом (рыболовной сетью)» [20, с. 270]. Вход в нижний мир стерегут старик со старухой, хозяева железной сети, которые хотят убить героя. Но он сначала превращается в железного ястреба и прорывается через сеть, падает в священные воды нижней реки, превращаясь в железную щуку. Священная река проходит и через средний мир, и этот ее отрезок является началом пути мифических богатырей в другие сферы вселенной. Она существует и в небесном мире и тогда называется «священной семибездной рекой», дублируя этим эпитетом «семибездное небо» [20, с. 157].

Вода в мифологии кетов была связана с образом женщины. Вместе с основными стихиями природы (земля, огонь) она входила в класс матерей. Женское, материнское начало образа выражает название водной субстанции Улемам (ул' – «вода», ам' – «мать») [1, с. 71].

Н. П. Большакова отмечает, что единение с природой давало саамам ту свободу, которая делала их счастливее других [4, с. 211 – 212]. Неразрывная связь человека с окружающим его миром очень ярко передана в саамских сказках. Есть такая сказка «Сказание о Гирвасозере».

«Жил на берегу озера старик с сыновьями. Ловили они в озере рыбу и охотились на диких оленей.

Сказал старик своим сыновьям: «Вы будете охотиться и увидите стадо диких оленей, переплывающих через озеро. Вы можете стрелять всякого оленя, но не троньте передового хирваса (гирваса)».

Охотились братья-охотники и увидели, что через озеро плывет большое стадо диких оленей, а впереди них – хирвас, сильный, красивый, с большими ветвистыми рогами.

Очень уж понравился им хирвас, не могли они удержаться, не могли исполнить отцовского завета. «Убьем хирваса, – сказали они, – отец все равно не узнает об этом».

И пустили каждый из братьев в передового хирваса по стреле.

Пришли в дом. Взглянул старик на сыновей – и сразу узнал, что они убили передового хирваса: «Вы убили передового хирваса. Это нехорошо: дикири больше не будут приходить к нашему озеру».

Убитый хирвас окаменел в озере. С тех пор это озеро и называется Сэрвесьяур, а по-русски – Гирвасозеро» [26, с. 66 – 67].

Как отмечает Т. М. Красовская, основными путями передачи экологической культуры являются, прежде всего, историческая память и система традиционных знаний. Память, по словам Д.С. Лихачева, не просто сохранение прошлого, это – забота о вечности. Историческая память формирует чувство малой родины, которое должно заботливо взращиваться. Стремление сохранить сведения о порядке и традиционном мироустройстве фиксируется в первую очередь с помощью обычаев, ритуалов, календаря [14, с. 168].

Приобщение к миру природы начиналось с приобщения к труду, к традиционной хозяйственной деятельности. С точки зрения Т.М. Красовской, главной особенностью традиционного ведения хозяйства коренных жителей Арктики следует назвать «отсутствие корыстной мотивации труда». Дело в том, что по ее мнению, «целью эксплуатации природных ресурсов было удовлетворение насущных материальных потребностей, а не извлечение выгоды» [14, с. 168]. Здесь при внимательном прочтении угадывается та духовная взаимосвязь народа с родной природой, матерью-землей, отнять лишнее у которой означает лишить ее возможности заботиться о своих детях – народах Севера.

Поэтически это можно выразить словами саамского поэта Аскольда Бажанова:

От тундры мне немного надо:
Зимой – крутых морозных дней,
Весною – солнце мне награда,
А летом – светлый взгляд ночей [3, с. 134].

К. И. Шилин считает, что такое отношение к природе было связано с безоглядной любовью к ней северян. Любовью бескорыстной, самозабвенной, подобной любви младенца к матери, и матери – к нему. Любовью, способной творить невозможное, творить чудеса... Такую любовь невозможно понять с точки зрения европейского мышления, ориентирующегося на социально-экономический подход, сводящий природу к ресурсам. Вот что по этому поводу пишет известный северный поэт, мыслитель Ю. Шесталов: «Наверное, им, людям, вскормленным плодами европейской цивилизации, совсем непохожей на культуру человека северного сияния, нелегко проникнуть в смысл и принцип духа народов Сибири, их своеобразную культуру... Мне кажется, что я вполне современный человек, человек XX века. И все же я порою чувствую себя древним-древним. И просыпаются во мне сказки, видения веков являются...» [34, с. 53].

Еще один канал трансляции социально-экологического опыта поколений – знакомство детей с системой ритуалов, фольклором и мифологией северных народов. В частности, связанных с происхождением человека и животных, их роли и предназначении в обустройстве космического миропорядка. Известно, что мифологическая система северных народов наполнена образами животных, растений, Луны, Солнца, Неба и других природных объектов.

Так, в системе космологических представлений образ оленя занимал одно из важнейших мест, являясь воплощением солнечного божества и всего круга представлений, с ним связанных: смена дня и ночи, организация космического порядка, владения небесным огнем. Олень – постоянный участник разнообразных обрядов северных народов, в основном связанных с принесением жертвы духам-покровителям мест.

Н. Д. Конаков отмечает, что представления о Лосе-Солнце в прошлом были широко распространены среди различных народов Северной Евразии [12, с. 109]. У эвенков-орочонов в легенде о небесном лосе говорится, что однажды в осенний день лось похитил солнце. За ним побежала лосиха. На земле наступила ночь. Знаменитый охотник и силач Мани с собаками стал преследовать лосей, которые убегали от него по небу. Когда собаки догнали лося, он передал солнце лосихе. Мани застрелил сначала лося, потом лосиху и вернул солнце. Как только Мани отобрал солнце и вернул его людям, все участники космической охоты превратились в звезды. С тех пор проходит смена дня и ночи, и космическая охота повторяется [18, с. 9].

У обских угров во время зимнего солнцестояния начинались празднества, которые с перерывами продолжались три месяца и завершались около весеннего равноденствия. Один из заключительных актов этого празднества представляет собой «охоту на лося». За символическим убийством Небесного Лося следовало его чудесное оживление, а вместе с ним и оживление природы.

Наиболее архаичный пласт воззрений, связанных с образом медведя, проявляется в мифах эвенков о космической охоте, а также в мифологии хантов, где древнейшая ипостась прародительницы земли осмыслялась в образе медведицы [33, с. 36]. К исторически более поздним относятся представления о медведе как хозяине тайги, которые сохранялись у народов Сибири до конца девятнадцатого столетия. В указанный период культ медведя, воплощенный в сложном обрядовом комплексе, получившем название «медвежий праздник», наиболее полно сохранился у народов Амура и Сахалина (нивхов, орочей, нанайцев и айнов) [6, с. 78; 85].

У коми-зырян распространены многочисленные легенды о превращении медведя в человека и наоборот. Медведь, по представлениям зырян, обладает всеми качествами человека, ему приписываются человеческие чувства, эмоции и привычки. Существовал обычай, убив медведя, просить у него прощения. Интересный материал приводит К.Ф. Жаков о почитании медведя. Перед охотой на медведя охотники варили в котлах «юм» (сладкую кашу) и ставили ее перед «гомом» – охотничьей избушкой, чтобы угостить медведя, иначе охота будет неудачной. Убив медведя, с него снимают шкуру, вынимают сердце и крестообразно его разрезают, чтобы медведь не превратился в колдуна [27, с. 129].

Н. Н. Харузин пишет, что культ медведя распространен «почти у всех народов, в стране которых встречаются медведи» [31, с. 198]. А. В. Головнев упоминает, что в мифологии хантов медведь считается подобием человека (иночеловеком), сохозяином земли, сыном, братом или посланником бога Торума. Медведь именуется младшим братом человека и всех зверей. К кругу его ближайшей родни относятся змеи, ящерицы, лягушки, пчелы. Подчинены ему и верхние птицы: орел, коршун. Завершают родственную цепь природы старейший брат медведя бурундук. Считается, что в лице медведя природа заключила «договор» с человеком. Поэтому и выступает медведь судьей клятвопреступлений человека, дающего «медвежью присягу» на лапе или морде зверя (подобное значение имеет и клятва на щучьем носу) [7, с. 265].

В саамском фольклоре медвежья тема занимает едва ли не центральное место. Существует сказание, которое объясняет, почему медведь пользуется почетом. Однажды бог сошел на землю, чтобы узнать, все ли там в порядке. Во время путешествия по земле ему встретилось огромное болото, которое сам он перейти был не в состоянии. Проходившие мимо волк и олень отказались помочь ему, и лишь медведь сам вызвался перенести бога на другой берег. За это бог наградил его, позволив во время самых холодных месяцев зимы наслаждаться сном; волка он проклял и объявил свободным, а оленя осудил на самую трудную работу и отдал его на произвол человека [31, с. 199].

Образ птиц играл важную роль в идеологических представлениях народов Севера. Этот образ присутствует во всех архаических космологических системах, и символика его крайне многогранна. Наиболее ярко в древнейших мифах проявляется связь птицы с солнцем и верхней стихией – небом, она имеет прямое отношение к стихии огня. Мы можем наблюдать птицу на ветвях Мирового Древа. С птицей связано представление о душе, она принимает

участие в творении мира. Так, по представлениям ненцев, мир был сотворен при непосредственном участии гагары. В начале времен существовал только Мировой океан, по которому плавала птица гагара. Затем Бог приказал гагаре нырнуть на дно, чтобы достать оттуда ил. Птица пробыла под водой трое суток и, наконец, вынырнула. В клюве у нее была земля со дна океана, которая стала быстро расти, и вскоре превратилась в остров [9, с. 42].

Представления о том, что маленькие дети после смерти превращаются в птичек и улетают на небо или к матери-прародительнице, или к ветвям мирового древа, откуда они возвращаются на землю, в мир людей, существовали у нганасан, долган, нанайцев, нивхов, ульчей [21, с. 118; 24, с. 121; 35, с. 480; 29, с. 212; 28, с. 120].

Собака – животное, первым прирученное человеком. Собаке обские угры отводят роль посредника между Домом и Лесом. Она, как и медведь, считается бывшим человеком, также способна шаманить; во время охоты на медведя собаку называют не настоящим именем, а подставным.

Особое место в религиозных представлениях народов Севера занимал горноста́й. У коми мясо горноста́я считалось действенным предохранителем и лечебным средством. Его привязывали на шею заболевшей собаки; размельченное сушеное мясо горноста́я давали вместе с хлебом лошадям, заболевшим «шатуном». Высушенную тушку горноста́я в качестве оберега вешали над косяками дверей, посередине потолка или на косяке того окна, возле которого размещались на ночлег. Пахучие железы, вырезанные у добытого горноста́я, носили в повязках на поясах или привязывали их на шею домашних животных. Как пишет А. Ф. Анисимов, у эвенков горноста́й считался шаманским духом-помощником [2, с. 128]; шаманы у баргузинских эвенков нашивали шкурки горноста́я на тулью шапочки [22, с. 36]. У северных якутов-оленьеводов опушке из меха горноста́я придавалось лечебное значение (против туберкулеза). Существовало поверье, что горноста́я породила или перевоплотилась в него змея, и поэтому через его изображение можно было снестись с духом нижнего мира [8, с. 223 – 224].

Образ рыбы также эксплицирован в религиозных представлениях других северных народов, в частности финно-угорской группы: саамов, вепсов, карел.

И. Закриссон упоминает, о том, что рыба из так называемых «священных» озер лучше рыбы из других озер, а смазанный рыбьим жиром священный камень (сейд) на берегу делает рыбалку более удачной [11, с. 53].

И. С. Манюхин пишет, что после поедания жертвенного животного кости собирали и клали возле сейда. От птиц оставляли голову и крылья, от рыб – чешую и кишки. Считалось, что если все кости целы, то мясо легко нарастет. Обряд имел целью воспроизводство и приумножение животных, рыб и птиц [19, с. 133].

Образы флоры играли не менее важную роль в культуре народов Севера.

А. В. Головнев пишет, что в миропонимании ненцев явное первенство принадлежит лиственнице. Из лиственницы изготавливались священные предметы, в кронах живых деревьев гнездились орлы, а силуэты одиноко

растущих лиственниц служили путеводными знаками для тундровых кочевников [7, с. 22].

Образ ели (сосны, кедра, можжевельника, пихты) символизировал бессмертие, вечную жизнь, предков, служил вместилищем жизненной силы.

Сакрализация этого дерева – ели, его связь с миром мертвых и предков определили ее место и роль в похоронной, поминальной, свадебной обрядности, в образных представлениях народов о «том свете». Остроголовый человек-дерево – это первопредок, хозяин нижнего мира (праотец – энмиэдиэ – то есть «молодая лиственница»). Сакральное отношение к ели в значительной мере определяло ее место в обрядах и верованиях вепсов и карел. Интересно, что в пространственной модели мира карело-финского эпоса мифологический образ ели следует рассматривать не в качестве объекта, а скорее в качестве субъекта, наделенного способностью действовать, жизненной силой, волей. Ели создают локусы сакрального пространства – кладбища, священные рощи [10, с. 119; 121], таким образом, ели могут выступать символом связи между миром живых и миром мертвых.

В. В. Чарнолуский сообщает, что «лопари рубят лес на дрова не сплошь, а оставляют некоторые деревья неприкосновенными». Далее он отмечает, что «... эта выборочная система рубки леса находится в какой-нибудь связи с религиозными убеждениями лопарей ...» [32, с. 98]. Вообще, необходимо отметить, что религиозные представления лопарей тесно связаны с природой. Их религиозно-мифологическая система, по утверждению В. Львова, содержит и высших и низших богов. Верховное божество – Радиен-Атчие – безусловно напоминает верховного бога древнеримской и древнегреческой мифологии. Кроме того, как сообщает тот же Львов, их представление о высшем божестве и его душе – продукт отдаленного влияния христианства. Несмотря на признание верховного божества, лопари в то же время олицетворяли различные силы природы. Среди их высших богов встречаются бог Солнца, бог грома, бог охоты, было еще много второстепенных: духи, населявшие землю и воду, живущие в лесах и на горах, повелевающие ветрами и тучами [17, с. 64 – 65].

П. А. Сорокин указывает, что к деревьям, траве, животным, людям коми прибавляли слово «ловья», то есть с душой: «ловья ну» – дерево с душой, «ловья турун» – трава с душой, «ловья оли» – медведь с душой, «ловья морт» – человек с душой и т.д. Существовало, кроме того, название «ловтэм», то есть без души. Процесс умирания обозначали словом «ловиетэм», то есть «выход души» [27, с. 127].

Традиционное экологическое сознание (ТЭЗ) предполагает рассмотрение природы как объективной ценности, все элементы которой являют собой духовное осмысление мира, его творческое преображение, сакральное прообразование (вместо профанного преобразования).

Творческое преображение природы предполагает в каждом одухотворенном природопреобразовательном акте способность создать нечто качественно новое вместо тиражирования ранее изобретенного. В своем экологическом аспекте творческое преобразование есть такое, которое учитывает специфику преобразуемого ландшафта и нацелено на то, чтобы

гармонично вписать человеческую деятельность в данную природную среду. Конечно, не надо понимать так, чтобы буквально каждый преобразовательный акт не был похож на любой другой. Это невозможно. Нужно, чтобы творческим он был и в целостном замысле преобразования, и чтобы творческий характер имела сама цель преобразования.

Творческое преобразование природы должно сопровождаться заботливым, бережным отношением к природе, любовью к ней. Эти два момента – любовь к природе и ее творческое преобразование – позволяют гармонизировать взаимоотношения с ней.

Необходимо отметить, в частности, что в традиционной поморской культуре «гармония природы и произведений северного зодчества покоилась на единстве восприятия и природы и создаваемых форм как разных проявлений единого образа Божия – того сакрального животворящего архетипа, той истинной Меры и Красоты, у которой учились и которой подражали северные зодчие» [30, с. 46]. Поскольку природный (нижний) мир диалектически связан с верхним (божественным) миром, то освоение мира природы должно носить сакральный преобразовательный характер, основанный не на идее преобразования, а на идее Преображения. Природный мир – творение Божие, и вторжение в него приводит к искажению этого Первообраза, что является величайшим грехом [30, с. 48]. Таким образом, духовное преображение природы – это способ освоения географического пространства, укорененный в традиционном миропонимании русских поморов. Он заключался в следовании строгим канонам, традициям морского промысла, соблюдении принципа меры.

Говоря о сущности Преображения, Р. Кристиансен указывает, что оно подразумевает переход из внешнего пространства в пространство внутреннего бытия. Следует оговориться, что данный термин носит метафизический, иррациональный характер, поэтому не поддается системному анализу, как эмпирические данные естественных наук. Преображение возможно лишь в вечный момент «здесь и сейчас», где пространство и время смыкаются, образуя особый ландшафт духа, выступающий посредником между миром природным (тварным) и сферой духовного инобытия (сакральным пространством), опытом Божественного присутствия. О. Павел Флоренский описывает такое состояние, находясь в заключении на Севере, в стенах Соловецкого монастыря: «Здесь, на Священных островах, внешние пространства тесно связаны: Мир и внутреннее пространство Человека – его Душа. Идеальное место для Собора!» [15, с. 8].

«Дети земли» (представители традиционных культур, в том числе арктической зоны) всегда принадлежали определенному «месту», окружающему пространству, микрокосму. Мать впустила их сюда; она улучшила человеческую форму. Земля воспринималась как мать всего живого, и ее запрещалось тревожить понапрасну. Смоалла, пророк индейского племени уматилла, запрещал своим последователям копать землю, утверждая, что грешно наносить раны нашей всеобщей матери, резать, надирать или царапать ее работой. Он аргументировал свою антиземледельческую позицию следующим образом: «Вы предлагаете мне пахать землю? А могу ли я взять нож и вонзить его в грудь своей матери? Чтобы, когда я умру, она не смогла

прижать меня к груди и дать мне успокоение? Вы говорите: выкопай камень. А можно ли из-под кожи выкопать кости? Чтобы, когда я умру, она не смогла принять меня в свое тело и родить вновь? Вы просите меня косить траву, сушить сено и продавать его, чтобы стать богатым, как белые. Но разве могу я отрезать волосы у своей матери?!» [36, р. 721]. Некоторые финно-угорские народы также считали ужасным грехом вырывать траву, потому что земле это так же больно, как человеку, у которого вырывают волосы.

На поддержание и сохранение космического миропорядка была направлена система разнообразных ритуалов. Ритуалы – это драматические действия, элементы которых организовывались в соответствии с принципами соразмерности и гармонии. Единство с природой подразумевало и единство человека с землей, на которой он обитал. Все земное пространство казалось разделенным и закрепленным за отдельными кланами. «Северный аранда привязан к своей родной почве всеми фибрами своей души. Он всегда говорит о своем «месте рождения» с любовью и почитанием. И слезы наворачиваются ему на глаза, когда он упоминает о местонахождении предка, оскверненном, иногда непроизвольно, белым человеком» [16, с. 305].

Т. М. Красовская упоминает, что вся жизнь саами ориентирована на дикую природу. На вопрос: «Где твой дом?» саами отвечают: «Valkearaa», что довольно сложно перевести на русский язык, так как вся территория («дикая природа») – его дом [14, с. 162].

В метафизическом пространстве Севера человек, по выражению Р. Кристиансена, «наполняется глубоким чувством гармонии», он постигает глубокий союз земли и нас самих, для него постижение ландшафта становится постижением духовности, а «понимание значения и важности окружающей среды, и в естественной, и в сконструированной формах, помогает человеку лучше понять себя» [15, с. 7].

«Экологичность» жизненного пространства проявляется в том, что с самого раннего возраста жители Севера включены в реальную практику трудовой жизни. У них нет и доли той инфантильной беспечности, поверхностного восприятия окружающего мира, которая обычно присуща детям (а порой и взрослым) больших городов. Все окружающие явления в тундре для них жизненно важны, прихоти и произволу здесь попросту места нет, ведь в каждый момент времени их поведение связано с реальной угрозой для жизни. И. Рольник отмечает, что для северных людей характерна вдумчивость, которой они отличаются уже в раннем детстве. В каждом рисунке северян, подобно эпическим произведениям, вмещается целый мир. Житель Севера воспринимает природу целостно, как нечто неразрывное, единое, сам он часть ее и себя ей не противопоставляет. Космичность ощущения особенно подчеркивается тем, что в рисунках этих мы видим Землю как будто откуда-то сверху, широко, панорамно. Однако это происходит вовсе не потому, что создатель рисунка «увидел Землю с горы – гор там может и не быть, просто такова особенность видения, присущая северянам» [25, с. 79].

Сегодня, на фоне коренных преобразований социально-экономического характера, усиливающихся и обостряющихся противоречий глобального и

локального характера, традиция выступает как один из механизмов решения экологических проблем. С точки зрения Ю. В. Бромлея, «... в одних и тех же природных условиях отдельные этнические общности подчас по-разному используют «средства жизни». При этом обнаруживается весьма устойчивая связь производственных навыков с этносом» [5, с. 248 – 249].

Необходимо отметить, что попытки найти применение методам и приемам традиционного природопользования не подразумевают возврата к первобытному состоянию и использованию примитивных орудий труда, не подвергающих технологической нагрузке естественные ландшафты, а предполагают четко продуманную и взвешенную политику в области использования опыта и ценностных установок традиционных культур народов Севера как одного из ресурсов человечества в преодолении экологического кризиса. Тем более что в условиях Крайнего Севера возврат к традиционному природопользованию экономически оправдан.

Сегодня много пишут о проблематике альтернативного общественного развития, предполагающего ряд мер по спасению планеты от глобального экологического кризиса. В 70-80-х гг. прошлого столетия зарождается целое общественное движение, получившее название «альтернативного». Важнейшим направлением его развития является критика основ экономического развития «общества потребления» западного типа. Под эту критику «альтернативщики» подводят теоретико-концептуальную базу на основе изучения кризисов в различных областях (политике, экономике, общественных отношениях, культуре, экологии и т. п.).

«Альтернативное движение» использует в своей практике концептуальные положения, разработанные представителями «теории кризиса» (О. Тоффлер, О. Флетхайм, М. Маклюэн, П. Эрлих, Э. Шумахер, Р. Дюмон, Р. Хейлбронер и др.).

В чем же заключается актуальная и сегодня ценность традиционных экософских представлений северной цивилизации? Наиболее полно ответить на этот вопрос помогает нам система принципов и представлений коренных народов Севера.

Нижеследующая цитата из программного документа Всемирной комиссии по охраняемым территориям позволяет нам оценить всю значимость рассматриваемого вопроса. «Коренные и другие традиционные народы имеют давние связи с природой и ее глубокое понимание. Ими сделан важный вклад в сохранение и поддержание в естественном состоянии многих наиболее уязвимых экосистем путем практики неистощительного ресурсопользования и уважения к природе как основы их культуры. Поэтому не может быть изначального конфликта между целями особо охраняемых природных территорий и существованием коренных и других традиционных народов внутри и вокруг особо охраняемых природных территорий. Более того, они должны быть признаны как равные полноправные партнеры в развитии и внедрении природоохранных стратегий, затрагивающих их жизненное пространство. Особенно это важно при организации и управлении особо охраняемыми природными территориями» [23, с. 32].

Сегодня существуют вполне реальные возможности и ресурсы, чтобы реализовать стратегии одновременно и технологически оснащенного и при этом неразрушающего хозяйствования. Представляется совершенно очевидным тот факт, что опыт традиционного хозяйствования может быть вполне уместен и рационально использован для нужд современного общества.

Современное общество может и должно изменить вектор своего развития, это потребует во многом пересмотра устоявшихся ценностей, приоритетов и стратегий. Однако результат такой трансформации человеческого потенциала наверняка будет способствовать преобразованию жителей планеты, «детей Земли» в первую очередь в нравственном, духовном отношении, а это как раз одна из основных потребностей сегодняшнего уровня развития культуры.

Список литературы

1. Алексеенко Е. А. Речной компонент в культуре народов Енисейского бассейна // Реки и народы Сибири / Отв. ред. Л.Р. Павлинская. – СПб.: Наука, 2007. – с. 55 – 86.
2. Анисимов А. Ф. Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблемы происхождения первобытных верований. – М.: Изд-во АН СССР, 1965. – 235 с.
3. Бажанов А. А. Солнце над тундрой. – Мурманск: Книжное издательство, 1983. – 56 с.
4. Большакова Н. П. Жизнь, обычаи и мифы кольских саамов в прошлом и настоящем. – Мурманск: Книжное издательство, 2005. – 416 с.
5. Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории). – М.: Наука, 1981. – 390 с.
6. Васильев Б. А. Медвежий праздник // Советская этнография. – 1948. – № 4. – с. 78 – 104.
7. Головнев А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. – Екатеринбург: УрО РАН, 1995. – 606 с.
8. Гуревич И. С. Культура северных якутов-оленьеводов: К вопросу о поздних этапах формирования якутского народа. – М.: Наука, 1977. – 245 с.
9. Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. – СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1911. – 103 с.
10. Ершов В. П. Ель (хвойные) в образной характеристике «инога мира» (на материалах карельского фольклора) // Проблемы духовной культуры народов Европейского Севера и Сибири. – Петрозаводск, 2009. – с. 117 – 135.
11. Закриссон И. Саамские Сейды в Скандинавии – этнологические и археологические свидетельства // Культурное и природное наследие островов Белого моря. – Петрозаводск: Карельский НЦ РАН, 2002. – с. 51 – 55.
12. Конаков Н. Д. Промысловый календарь в мировоззрении древних коми // Мировоззрение финно-угорских народов. Сб. научных трудов. – Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1990. – с. 103 – 120.
13. Конаков Н. Д. Этническая экология и традиционная культура коми. – Сыктывкар, 1984. – 15 с.

14. Красовская Т. М. Экологическая рациональность мировоззрения коренных малочисленных народов Крайнего Севера России // Этноэкологические аспекты духовной культуры / Ред. В. И. Козлов, А. Н. Ямсков, Н. И. Григулевич. – М., 2005. – с. 154 – 168.
15. Кристиансен Р. Е. Сакральное пространство (теология места и сакрального пространства в русско-норвежском контексте) // Свеча-97: Сборник методологических и методических материалов по религиоведению и культурологии / Ред.-сост. Е. И. Аринин. – Архангельск, 1997. – с. 4 – 23.
16. Леви-Строс К. Первобытное мышление. – М.: Республика, 1999. – 382 с.
17. Львов В. Русская Лапландия и русские лопари. – М.: Нобель-Пресс, 1903. – 84 с.
18. Мазин А. И. Традиционные верования и обряды эвенков-орочонов. Конец XIX – нач. XX в. – Новосибирск: Наука, 1984. – 200 с.
19. Манюхин И. С. Культовые места саамов в Карелии // Прибалтийско-финские народы России / Отв. ред. Е. И. Клементьев, Н. В. Шлыгина. – М.: Наука, 2003. – с. 125 – 135.
20. Мифы, предания, сказки хантов и манси / Сост., предисл. и примеч. Н. В. Лукиной. – М., 1990. – 568 с.
21. Попов А. А. Душа и смерть по воззрениям нганасанов // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (Вторая половина XIX – начало XX в.). – Л.: Наука, 1976. – с. 31 – 43.
22. Прокофьева Е. Д. Шаманские костюмы народов Сибири // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX – нач. XX в. – Л.: Наука, 1971. – с. 5 – 100.
23. Принципы и правила взаимодействия коренных и традиционных народов и охраняемых территорий Всемирной комиссии по охраняемым территориям Международного союза по охране дикой природы // Живая Арктика. – 1999. – № 2. – 46 с.
24. Рейнсон-Правдин А. Н. Игры и игрушка народов Обского Севера // Советская этнография. – 1949. – № 3. – с. 109 – 132.
25. Рольник И. Биосферный характер культуры народов Севера // Культура и экология. Поиск путей становления новой этики / Ред.-сост. Е. Р. Мелкумова. – М.: Интеллект, 1996. – с. 71 – 86.
26. Саамские сказки / Сост. Е. Я. Пация. – Мурманск: Книжное издательство, 1980. – 320 с.
27. Савельева Э. А. Пермь вычегодская. – М.: Наука, 1971. – 224 с.
28. Смоляк А. В. Ульчи: хозяйство, культура и быт в прошлом и настоящем. – М.: Наука, 1966. – 290 с.
29. Таксами Ч. Н. Представления о природе и человеке у нивхов // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. – Л.: Наука, 1976. – с. 203 – 215.
30. Терехихин Н. М. Метафизика Севера. – Архангельск: Изд-во Поморского государственного университета имени М. В. Ломоносова, 2004. – 271 с.

31. Харузин Н. Н. Русские лопари // Известия Императорского общества любителей естествознания. – М.: Товарищество скоропечатни А. А. Левенсон, 1890. – Т. LXVI. – 472 с.
32. Чарнолуский В. В. Материалы по быту лопарей. – Л.: Карело-Мурманская комиссия РГО, 1930. – 136 с.
33. Чернецов В. Н. Фратриальное устройство обско-югорского общества // Советская этнография. – 1939. – № 2. – с. 20 – 42.
34. Шилин К. И. Экософия Северного сияния. – М.: Институт проблем малочисленных народов Севера СО РАН, 1998. – 333 с.
35. Штернберг Л. Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. – Хабаровск: Дальгиз, 1933. – 740 с.
36. Mooney J. The Ghost-Dance Religion and the Sioux Outbreak of 1890 // Annual Report of the Bureau of American Ethnology. – Washington, 1896. – vol. 14. – pp. 721 – 780.

References

1. Alexeenko E. A. River Component in a Culture of Yenisei River Basin People [Rechnoy komponent v kulture narodov Eniseyskogo basseyna]. *Reki i narody Sibiri* (Rivers and Peoples of Siberia). Executive Edited By L. R. Pavlinskaya. Saint Petersburg, Nauka, 2007, pp. 55 – 86.
2. Anisimov A. F. Religion of Evenks in Historical and Genetic Study and Problems of Genesis of Primitive Beliefs [*Religiya evenkov v istoriko-geneticheskom izuchenii i problemy proiskhozhdeniya pervobytnykh verovaniy*]. Moscow, Izdatelstvo Akademii Nauk SSSR, 1965, 235 p.
3. Bazhanov A. A. Sun over the Tundra [*Solntse nad tundroy*]. Murmansk, Knizhnoe izdatelstvo, 1983, 56 p.
4. Bolshakova N. P. Life, Rituals and Myths of Kola saami in Past and Present [*Zhizn, obychai i mify kolskikh saamov v proshlom i nastoyaschem*]. Murmansk, Knizhnoe izdatelstvo, 2005, 416 p.
5. Bromlei Yu. V. Modern Problems of Ethnography (Essays of Theory and History) [*Sovremennye problemy etnografii (oчерki teorii i istorii)*]. Moscow, Nauka, 1981, 390 p.
6. Vasilev B. A. Bear's Holiday [Medvezhiy prazdnik]. *Sovetskaya etnografiya* (Soviet Ethnography), 1948, № 4, pp. 78 – 104.
7. Golovnyov A. V. Speaking Cultures: Traditions of Samoyeds and Ugra [*Govoryaschie kultury: traditsii samodiytsev i ugrov*]. Ekaterinburg, UrO RAN, 1995, 606 p.
8. Gurevich I. S. Culture of Northern Yakuts-herders: On the Question about the Later Stages of the Formation of the Yakut people [*Kultura severnykh yakutov-olenevodov: K voprosu o pozdnykh etapakh formirovaniya yakutskogo naroda*]. Moscow, Nauka, 1977, 245 p.
9. Dunin-Gorkavich A. A. Tobolsk North [*Tobolskiy sever*]. Saint Petersburg, Tipografiya M. Stasyulevicha, 1911, 103 p.
10. Ershov V. P. Fur-tree (coniferous) in the Curve to the Other World (on the Materials of the Karelian Folklore) [El (khvoynye) v obraznoy kharakteristike «inogo

mira» (na materialakh karelskogo folklora)]. *Problemy dukhovnoy kultury narodov Evropeyskogo Severa i Sibiri* (Problems of the Spiritual Culture of the Peoples of the European North and Siberia). Petrozavodsk, 2009, pp. 117 – 135.

11. Zakrisson I. Sami Seids in Scandinavia – Ethnological and Archaeological Evidence [Saamskie Seydy v Skandinavii – etnologicheskie i arkheologicheskie svidetelstva]. *Kulturnoe i prirodnoe nasledie ostrovov Belogo morya* (Cultural and Natural Heritage of the Islands of the White Sea). Petrozavodsk, Karelskiy NTs RAN, 2002, pp. 51 – 55.

12. Konakov N. D. Fishing Calendar in the Worldview of the Ancient Komi [Promyslovyy kalendar v mirovozzrenii drevnikh komi]. *Mirovozzrenie finno-ugorskikh narodov. Sb. nauchnykh trudov* (Worldview of Finno-Ugric Peoples. Collection of Scientific Works). Novosibirsk, Nauka. Sibirskoe otделение, 1990, pp. 103 – 120.

13. Konakov N. D. Ethnic Ecology and Traditional Culture of the Komi [Etnicheskaya ekologiya i traditsionnaya kultura komi]. Syktyvkar, 1984, 15 p.

14. Krasovskaya T. M. Sustainability Worldview of the Indigenous Peoples of the Far North of Russia [Ekologicheskaya ratsionalnost mirovozzreniya korennykh malochislennykh narodov Kraynego Severa Rossii]. *Etnoekologicheskie aspekty dukhovnoy kultury* (Ethoecological Aspects of Spiritual Culture). Executive Edited By V. I. Kozlov, A. N. Yamskov, N. I. Grigulevich. Moscow, 2005, pp. 154 – 168.

15. Kristiansen R. E. Sacral Space (Theology Places and Sacred Space in the Russian-Norwegian Context) Sakralnoe prostranstvo (teologiya mesta i sakralnogo prostranstva v russko-norvezhskom kontekste)]. *Svecha-97: Sbornik metodologicheskikh i metodicheskikh materialov po religiovedeniyu i kulturologii* (Candle-97: Collection of Methodological and Methodical Materials for Religious Studies and Cultural Studies). Edited by E. I. Arinin. Arkhangelsk, 1997, pp. 4 – 23.

16. Levi-Stros K. Primitive Thought [Pervobytnoe myshlenie]. Moscow, Respublika, 1999, 382 p.

17. Lvov V. Russian Lapland and Russian Saami [Russkaya Laplandiya i russkie lopari]. Moscow, Nobel-Press, 1903, 84 p.

18. Mazin A. I. Traditional Beliefs and Rituals of Evenks-orochons. The End of XIX – the Beginning of XX Centuries [Traditsionnye verovaniya i obryady evenkov-orochonov. Konets XIX veka – nachalo XX veka]. Novosibirsk, Nauka, 1984, 200 p.

19. Manyukhin I. S. Places of Worship of the Saami in Karelia [Kultovye mesta saamov v Karelii]. *Pribaltiysko-finskie narody Rossii* (Finnic peoples of Russia). Edited by E. I. Klementev, N. V. Shlygina. Moscow, Nauka, 2003, pp. 125 – 135.

20. Myths, Legends, Khanty and Mansi Fairy Tales [Mify, predaniya, skazki khantov i mansi]. Compilation, preface and notes by N. V. Lukina. Moscow, 1990, 568 p.

21. Popov A. A. Soul and Death According to the Views of Nganasan [Dusha i smert po vozzreniyam nganasanov]. *Priroda i chelovek v religioznykh predstavleniyakh narodov Sibiri i Severa (Vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka)* (Nature and Man in the Religious Conceptions of the Peoples of Siberia and the North (Second Half of 19 – Beginning of 20 Century). Leningrad, Nauka, 1976, pp. 31 – 43.

22. Prokofeva E. D. Shaman Costumes of the Peoples of Siberia [Shamanskie kostyummy narodov Sibiri]. *Religioznye predstavleniya i obryady narodov Sibiri v XIX veke – nachale XX veka* (Religious views and the rituals of the peoples of Siberia in the XIX – early XX Century). Leningrad, Nauka, 1971, pp. 5 – 100.

23. Principles and Rules of Interaction of Indigenous and Traditional Peoples and Protected Areas of the World Commission on Protected Areas of the International Union for the Protection of the Wild Nature [Printsipy i pravila vzaimodeystviya korennykh i traditsionnykh narodov i okhranyaemykh territoriy Vsemirnoy komissii po okhranyaemym territoriyam Mezhdunarodnogo soyuza po okhrane dikoy prirody]. *Zhivaya Arktika* (Alive Arctic), 1999, № 2, 46 p.

24. Reinson-Pravdin A. N. Games and toy of the peoples of the Ob North [Iгры i igrushka narodov Obskogo Severa]. *Sovetskaya etnografiya* (Soviet Ethnography), 1949, № 3, pp. 109 – 132.

25. Rolnik I. Biosphere nature of culture of peoples of the North [Biosfernyy kharakter kultury narodov Severa]. *Kultura i ekologiya. Poisk putey stanovleniya novoy etiki* (Culture and ecology. Search of ways of formation of a new ethics). Edited by E. R. Melkumova. Moscow, Intellect, 1996, pp. 71 – 86.

26. Saami's Fairy-Tales [*Saamskie skazki*]. Edited by E. Y. Patsiya. Murmansk, Knizhnoe izdatelstvo, 1980, 320 p.

27. Saveleva E. A. Vychegda Perm [*Perm vychegodskaya*]. Moscow, Nauka, 1971, 224 p.

28. Smolyak A. V. Ulchi: the Economy, Culture and Everyday Life in the Past and Present [*Ulchi: khozyaystvo, kultura i byt v proshlom i nastoyaschem*]. Moscow, Nauka, 1966, 290 p.

29. Taxami Ch. N. View of the Nature of Man and the Nivkhs [Predstavleniya o prirode i cheloveke u nivkhov]. *Priroda i chelovek v religioznykh predstavleniyakh narodov Sibiri i Severa* (Nature and Man in the Religious Conceptions of the Peoples of Siberia and the North). Leningrad, Nauka, 1976, pp. 203 – 215.

30. Terebikhin N. M. Metaphysics North [*Metafizika Severa*]. Arkhangelsk, Izdatelstvo, Pomorskogo gosudarstvennogo universiteta imeni M. V. Lomonosova, 2004, 271 p.

31. Kharuzin N. N. Russian Saami [Russkie lopari]. *Izvestiya Imperatorskogo obschestva lyubiteley estestvoznaniya* (News of the Imperial society of Amateurs in natural history). Moscow, Tovarischestvo skoropechatni A. A. Levenson, 1890, vol. 66, 472 p.

32. Charnolusskii V. V. Materials on Household of the Lapps [*Materialy po bytu loparey*]. Leningrad, Karelo-murmanskaya komissiya russkogo geograficheskogo obschestva, 1930, 136 p.

33. Chernetsov V. N. Fraternal Device of Ob-Ugric society [Fraternalnoe ustroystvo obsko-yugorskogo obschestva]. *Sovetskaya etnografiya* (Soviet Ethnography), 1939, № 2, pp. 20 – 42.

34. Shilin K. I. Ecosophy of the Borealis [*Ekosofiya Severnogo siyaniya*]. Moscow, Institut problem malochislennykh narodov Severa SO RAN, 1998, 333 p.

35. Shternberg L. Ya. Gilyaks, Oroches, Goldes, Negidals, Ainu [*Gilyaki, orochoi, goldy, negidaltsy, ayny*]. Khabarovsk, Dalgiz, 1933, 740 p.

36. Mooney J. The Ghost-Dance Religion and the Sioux Outbreak of 1890. Annual Report of the Bureau of American Ethnology, Washington, 1896, vol. 14, pp. 721 – 780.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 316.6

Генерирование индивидуального виртуального пространства: психологический аспект^{*}

Пекарникова Маргарита Марковна – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения», кафедра рекламы и современных коммуникаций, доцент, кандидат экономических наук, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: margarita.pekarnikova@gmail.com.

196135, Россия, Санкт-Петербург, ул. Гастелло, д.15,
тел.: 8(812) 708-42-13

Авторское резюме

Состояние вопроса: Среди важнейших потребностей человека современные исследователи выделяют потребности в аффилиации (заводить дружбу, испытывать привязанность, сотрудничать), формировании индивидуального пространства, самопрезентации. Информационные технологии, используемые в Интернете, создали небывалые возможности удовлетворения этих потребностей посредством виртуальной реальности.

Результаты: Общение через Интернет позволяет компенсировать фрустрацию и недостижимость в реальной (оффлайновой) жизни важных для человека эмоций, выйти за пределы своей социальной идентичности, преодолеть дефицит общения. Так, ведение блога выбирают ради самоутверждения, самоуважения и создания желаемого образа в виртуальной реальности. Виртуальная коммуникация в социальных сетях проходит в специфическом пространственно-временном континууме, характеризующемся ограничением сенсорного переживания, анонимностью, уравниванием социальных статусов, эффектом вневременности, добровольностью контактов, предубежденным восприятием информации через фантомы виртуальных образов, формированием упрощенных стереотипов поведения. Особым средством самопрезентации выступают аватарки, принципы построения которых сильно зависят от гендерной принадлежности пользователя сети.

Область применения результатов: Понимание механизмов генерирования индивидуального виртуального пространства позволяет целенаправленно использовать его позитивные свойства и находить пути нейтрализации негативных воздействий в процессе работы с информационными сетями, при ведении рекламных кампаний и т. п.

^{*} © М. М. Пекарникова, 2014.

Выводы: В интернет-общении активно транслируются стандартные взгляды и цели, которые человек ставит перед собой. С одной стороны, такой способ существования помогает человеку перестать быть самим собой и избавиться от осознанного страха одиночества. С другой стороны, жизнь в режиме постоянного сравнения порождает неудовлетворенность существующей ситуацией.

Ключевые слова: социальная сеть; виртуальная реальность; виртуальное пространство; виртуальная личность; самопрезентация.

Generating Individual Virtual Space: the Psychological Aspect

Pekarnikova Margarita Markovna – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Department of advertisement and modern communication, associate professor, Ph.D. (economics), Saint Petersburg, Russia.

E-mail: margarita.pekarnikova@gmail.ru

15, Gastello st., Saint Petersburg, Russia, 196135,

tel: +7(812) 708-42-13.

Abstract

Background: Contemporary researchers consider the needs for affiliation (friendship, affection, cooperation), individual space generation and self-presentation to be among the most important human needs. The emergence of new technologies, the Internet in particular, has led to the creation of new ways to meet these needs.

Results: The communication via the Internet allows people to compensate their frustration and some important emotions which are impossible in real (offline) life, and to exceed the limits of their social identity and overcome relation deficit. Thus, blogging is chosen in sake of self-assertion, self-respect, and desired image formation in virtual reality. Virtual communication in social networks takes place in special spatial-temporal continuum characterized by sensitive experience limitation, anonymity, social status equality, extra temporariness effect, voluntary contacts, prejudiced information perception via phantoms of virtual images, simplified stereotypes of behavior. Avatars, the construction principles of which strongly depend on gender identification of the network user, are the particular means of self-presentation.

Research limitations: Understanding mechanisms of virtual space generating gives an opportunity to use its positive characteristics purposefully and to find some ways which can neutralize negative effects while operating with information networks, advertizing, etc.

Conclusions: Standard views and aims formulated by man are actively translated via Internet communication. On the one hand, this existence mode helps man not to keep within the limits of his personality and to get rid of the fear of solitude. On the other hand, a permanent comparison with others leads to dissatisfaction with any existing situation.

Key words: social network; virtual reality; virtual space; virtual personality; self-presentation.

Человеческая деятельность в значительной степени является социальной и, как правило, неразрывно связана с межличностной коммуникацией. В качестве базовой потребности многие ученые выделяют потребность в аффилиации («Заводить дружбу и испытывать привязанность. Радоваться другим людям и жить вместе с ними. Сотрудничать и общаться с ними. Любить. Присоединяться к группам» [11]). Появление новых технологий и изменение ритма жизни привело к формированию новых способов удовлетворения этой потребности. Сегодня пользователю Интернета предлагают различные виды виртуальной коммуникации, создающие удобную иллюзию совместного существования с другими пользователями. В настоящее время «Интернет стал той коммуникативной средой, где человек сам создает информацию и знание» [1]. Эволюция Интернета как среды общения – двусторонний процесс. С одной стороны, она обусловлена уровнем развития технологий, а с другой – развитием социальных потребностей пользователей в их новом качестве: не только потребителя, но и создателя того или иного контента.

Почему люди выбирают общение через Интернет? Можно выделить следующие причины:

1. недостаточно общения в реальных контактах;
2. возможность реализации качеств личности, проигрывание ролей, переживание эмоций, по тем или иным причинам фрустрированных в реальной жизни;
3. неудовлетворенность реальной социальной идентичностью и желание избавиться от нее;
4. переживание эмоций, по тем или иным причинам недостижимым в реальной (оффлайновой) жизни.

В настоящее время развитие веб-технологий и web 2.0 выводит Интернет-общение пользователей на качественно новый уровень. Появляются новые сервисы, расширяются возможности общения и совместной работы, создания своего пространства.

Одним из сервисов, позволяющих рассказывать о своей жизни и наблюдать за жизнями других людей, расслабиться и выплеснуть наружу накопившееся, поделиться своими соображениями и мыслями в разных сферах без боязни получить в ответ упрек или непонимание, является ведение блога.

Блоги – от англ. web blog «сетевой журнал», – это форма электронного ведения записей, интернет-дневник. Автор имеет возможность публиковать фото, видео и др. контент. Записи в блоге становятся доступными всем посетителям, которые могут общаться с автором посредством комментариев. В свою очередь автор может управлять степенью открытости записей, регулируя доступ к ним, определять круг своих интересов, общаться с другими авторами. Так создаются виртуальные клубы по интересам – сообщества, выбираются так называемые «френды» (полноценными друзьями они не являются, поэтому

обычно не рекомендуют переводить слово на русский язык), которые обмениваются записями на специальной странице — «френдоленте».

К настоящему моменту существует несколько моделей ведения дневников в ЖЖ:

- как дневник — использование «по прямому назначению». Автор публикует записи, касающиеся его собственной жизни, текущих событий и мыслей, без особой оглядки на реакцию аудитории, резонанс и обсуждение не являются самоцелью.

- форум: автор помещает свои записи как повод для общения и обсуждения. Записи, как правило, короткие, информативные, иногда провокационные. Часто они бывают адресованы конкретным лицам или группам лиц.

- как место публикаций. Данные сообщества используются как место для размещения своих произведений.

- как концептуальный проект: автор, как правило, анонимен или виртуален. Произведением в этом случае является «дневник» в целом.

- как рекламный носитель: «хозяин» такого дневника часто дает ссылки на какие-нибудь сайты, или рассказывает о магазинах, заведениях, кинотеатрах и проч.

- как сообщество, или форум — когда дневник ведут члены сообщества, а не один автор [3].

Мотивы для ведения блога могут быть весьма разнообразны:

- самоутверждение как психотерапевтическая функция (тренинг индивидуальности, возможность получить эмоциональную разрядку, так называемый катарсис);

- самовыражение и реализация своего творческого потенциала и креативности;

- создания желаемого образа в виртуальной реальности.

По мнению исследователей Интернет-пространства, конструирование виртуальной личности (англоязычный аналог данного понятия – *virtual identity*) является наиболее типичной стратегией саморепрезентации в сети. В реальном социальном взаимодействии человек более ограничен в возможностях управления информацией о себе рамками реально воспринимаемого собеседником пола, внешности, признаков социального статуса, профессии, национальности, возраста. В Интернете же, по словам самих пользователей, «все зависит от твоего умения быть разным, и от желания быть таковым». Невидимость означает возможность изменения внешнего облика, а также позволяет полностью редуцировать невербальные проявления.

Ещё одним сервисом, позволяющим создать свое индивидуальное пространство в Интернете, стали социальные сети.

Под социальной сетью понимают интерактивный многопользовательский сайт, контент которого наполняется посетителями. Это сайт с возможностью указания какой-либо информации об отдельном человеке, по которой аккаунт пользователя смогут найти другие участники сети. Одна из характерных особенностей социальных сетей – это система «друзей» и «групп». Как

правило, социальная сеть предлагает набор стандартных сервисов: хранение личной карточки с контактными данными, онлайн-адресная книга, онлайн-органайзер, который доступен с любого компьютера, хранилище мультимедийных данных пользователя, возможность ограничивать общение с нежелательными персонами и т. д. То есть человек получает как бы собственное «место жительства» в Интернете.

Термин **социальная сеть** был введен в 1954 году социологом из «Манчестерской школы» Джеймсом Барнсом в работе «Классы и собрания в норвежском островном приходе», вошедшую в сборник «Человеческие отношения». Он развил и дополнил изобретенный в 30-е годы подход к исследованию взаимосвязей между людьми с помощью социограмм, то есть визуальных диаграмм, в которых отдельные лица представлены в виде точек, а связи между ними – в виде линий [8].

Онлайновые социальные сети изменили природу Интернет-сообществ, добавив слой личной информации и взаимоотношений.

Для большинства пользователей Интернета посещение социальных сетей стало нормой, привычкой и обычным делом. Чаще всего целью является общение с родственниками, коллегами, единомышленниками, поиск утраченных контактов: одноклассников, старых знакомых, родственников, живущих далеко. Но не менее востребованы знакомства в сети, так как общение в Интернете снижает психологический барьер. Гораздо проще «добавить в друзья» или прокомментировать фотографию, нежели подойти на улице и познакомиться. К тому же информация на страничке сразу заменяет и даже отменяет этапы знакомства, так как сразу известны интересы, увлечения, место работы/учебы и т. д. И теперь первое впечатление о человеке складывается при просмотре страницы в социальной сети, информация на которой нередко бывает выдуманной.

Появление социальных сетей привело к значительному расширению дружеского круга (как минимум до трехсот человек), что, возможно, ведет за собой и некоторую трансформацию самого понятия «дружба». Из-за увеличения числа социальных связей время, уделяемое каждому конкретному другу, и содержательная наполненность коммуникации сокращается [2]. Возможно, скоро придется говорить о появлении новых форм дружеского общения, которые со временем могут изменить представление о дружбе в целом. Может ли быть человек одинок, когда в его социальную сеть входят более трехсот человек? Испытывает ли он избыток общения?

Г. Рейнголд описывает суть повседневной коммуникации в Сети следующим образом. В виртуальных сообществах люди делают то же самое, что делают в реальной жизни. Но при этом их тела находятся вне взаимодействия. В виртуальном пространстве физически нет того, кого можно поцеловать, и нет того, кто бьет вас кулаком в нос [9]. Как правило, пользователи сетей больше времени проводят в общении с людьми, которых знают по реальному оффлайновому миру, а многие новые знакомые – это друзья друзей или люди, входящие в сеть людей, которым они доверяют. Мерилом социального статуса в социальных сетях является количество друзей.

По мнению М. Маклюэна, предсказавшего наступление эры слуховизуального типа постписьменной культуры на основе телеэлектронной видеотехники, «визуальный человек» стремится к отдаленным целям, мечтая воплотить в жизнь по-энциклопедически усовершенствованные программы, в то время как новый «электронный человек» выбирает диалог и незамедлительную вовлеченность в общение [1].

Сайты социальных сетей организуют контекст не только для контента, но также и для людей, с которыми мы взаимодействуем онлайн. Сдвиг онлайн-поведения происходит от деятельности по интересам к действиям в сообществах. Участники социальных сетей регулярно заходят в сети не только общаться со знакомыми, но и для того, чтобы посетить группы по интересам. Можно выделить социальные сети делового общения (linkedin.com, moikrug.ru и др.) и личного общения (vkontakte.ru, facebook.com, odnoklassniki.ru, my.mail.ru и др.).

Следует отметить некоторые специфические характеристики виртуального пространства, определяющие психологические переживания «жителя» социальной реальности [6]:

- ограниченное сенсорное переживание (общение в Интернете это комбинация слуха и зрения);

- анонимность;

- уравнивание статусов (социальный статус, здоровье, расовая принадлежность – никак не влияют на успешность жизни в сети. Большее значение принимают коммуникативные способности);

- виртуальное время. При общении через Интернет партнеры имеют значительно больше времени для обдумывания и составления ответа. Обсуждению подлежат только актуальные в данный момент для собеседников вопросы и темы, а то, что являлось предметом дискуссии вчерашнего дня, не представляет для них интереса. Своевременный доступ к злободневной информации, незамедлительная реакция на происходящее и желание вынести на всеобщее обсуждение личные проблемы определяют характер взаимоотношений в новом коммуникативном пространстве;

- феномен «постоянной фиксации». Поскольку все сетевые интеракции запечатлеваются как документы, человек имеет возможность постоянно фиксировать весь ход диалога или монолога, возвращаясь к отдельным моментам, заново переживая то, что однажды испытал впервые. Таким образом, проявляется эффект «вневременности», или одновременного присутствия прошедшего и настоящего, что позволяет вернуться в любой фрагмент прошлого; можно сказать, что виртуальная реальность дана пользователю в ее целостности;

- постоянные ссылки на опубликованные материалы. Малоприметная, но очень важная особенность, благодаря которой существенно возрастает значение каждого действия и каждого слова, опубликованного в сети. Теперь мы всегда можем вернуться и посмотреть на действия, которые человек совершал в прошлом;

– добровольность, желательность контактов, возможность их прерывания в любой момент;

– виртуальное общение происходит в определенном пространственно-временном континууме. С одной стороны, географические расстояния не имеют значения для виртуальной коммуникации; окружающее пространство «сжимается» до размеров экрана монитора. С другой стороны, происходит расширение границ, возникает возможность перемещаться в виртуальном пространстве по всему миру. Наряду с этим имеет место феномен растяжения — конденсации времени. При общении «в реальном режиме» ситуативное время может растягиваться до бесконечности, переживаться как актуальное «здесь и сейчас». В ситуации общения off-line время также растягивается «от письма до ответа», воспринимаясь как один диалог;

– зависимость пользователя в процессе общения в сети Интернет от технических устройств может приводить к ощущению «черной дыры», которое часто сопровождается агрессией, беспокойством, тревогой. Сбои в электронике, неосознанно воспринимаемые как «неотвратимость судьбы», вызывают у пользователя чувство бессилия, невозможности полного контроля над ситуацией;

– в сетевых коммуникациях отсутствие визуального восприятия собеседника приводит к тому, что происходит предубежденное восприятие информации. В результате человек «слышит то, что хочет услышать» и оказывается окруженным фантомами виртуальных образов, являющихся, по сути, проекцией собственных чувств и мыслей. Как совершенно справедливо замечает В. В. Миронов, происходит общение ради общения: «Общение без насыщения смыслами. Гипотетично, в будущем — это общение со своим зеркальным отображением, причем по заданным стереотипам коммуникации. Царство мертвой тождественности при огромной внешней активности» [7]. Расширяется псевдокультурное поле коммуникаций, где господствуют упрощенные заранее заданные стереотипы поведения, которые делают общение общедоступным, удобным, но одновременно лишают диалог всякого значения, участие само по себе становится формой коммуникации без необходимости передачи какого-либо смысла. Виртуальная реальность коммуникации оказывается не чем иным, как замаскированным под диалог монологом, в котором два или несколько участников говорят сами с собой, полагая, что они избавлены таким образом от мучительного одиночества;

– появление кнопок Like («мне нравится») и Share («поделиться») привело к тому, что копировать чужие идеи стало настолько просто, что отпадает всякая необходимость придумывать свои. При живом общении, пересказывая чужую мысль, реплику, мы неизбежно слегка искажаем смысл, но при этом можем сделать мысль доходчивее и привнести свой оттенок смысла [12].

Следует отметить, что при создании своей виртуальной личности возникает парадоксальная ситуация – с одной стороны человек хочет влиться в виртуальное сообщество, а с другой стороны он боится, как бы его личная информация не была использована кем-то против него. Молодое поколение, в

отличие от старшего, не так строго относится к приватности и границам вокруг себя, предпочитает открытые способы коммуникации, включающие фото и пр.

Социальная сеть является областью, в которой происходит контролируемая и управляемая самопрезентация, позволяющая воплотить все недостижимые в реальности мечты о себе «хорошем» или «плохом». Под самопрезентацией обычно подразумевают поведенческое выражение эмоциональных и когнитивных элементов Я-концепции, сообщение во внешний мир какой-либо информации о себе осознанно или нет [4].

Долгое время считалось, что Интернет это место демонстрации своего идеального «Я», но современные исследования показывают, что люди удивительно честны при отображении в сети своей истинной личности [12].

Чаще всего пользователи социальных сетей опускают некую нежелательную информацию о себе, нежели искажают. Ощущение того, что большинство «жителей» сети представлены улучшенной версией себя настоящего, складывается из-за того, что люди показывают себя только в моменты успеха, а периоды неудач, как правило, не демонстрируются. Жизнь «в режиме сравнения», ориентация на самых успешных «друзей» приводит пользователей к бесконечному наращиванию имитационных успехов, социальному стрессу и невозможности принять свои результаты.

Особое место в самопрезентации в сети занимают аватарки пользователей. Очевидно, что существенное влияние на выбор аватарки оказывает пол пользователя. В погоне за красотой российские пользователи женского пола выбирают рекламные образцы гламурных красавиц. Девушки-пользователи сети выбирают сексуально-агрессивные аватарки, в том числе приуменьшая или преувеличивая свой возраст. Аватарки молодых пользователей Интернета могут быть рассмотрены как иллюстрация теории асинхронной эволюции полов В. А. Геодакяна: девушки стремятся приукрасить действительность, в том числе посредством аватарок, для юношей доминантное значение имеет соревновательность любого процесса, соперничество и желанная победа [5].

Люди в принципе склоны искать общества других людей. Раньше это позволяло выжить, а сейчас окружающие направляют жизнь человека, рассказывают о целях, которые человек должен себе ставить, что он должен хотеть, социальные сети активно помогают в трансляции стандартных целей. Это приводит к иллюзии, что человек знает, чего хочет, тогда как на самом деле он хочет того, чего должен хотеть в соответствии с общепринятым шаблоном, вызывают поиск таких связей с миром, которые уничтожат его индивидуальность: “Индивид перестает быть самим собой; он полностью усваивает тип личности, предлагаемый ему общепринятым шаблоном, и становится точно таким же, как все остальные... Исчезает различие между собственным Я и окружающим миром, а вместе с тем и осознанный страх перед одиночеством и бессилием” [10].

Список литературы

1. Асмус Н. Г. Интернет-дискурс в свете нового типа коммуникации – компьютерного общения // Слово, высказывание, текст в когнитивном,

прагматическом и культурологическом аспектах: тезисы международной научно-практической конференции. – Челябинск, 2001. – С. 74 – 75.

2. Влияние через социальные сети / под ред. Е. Г. Алексеевой. – М. ФОКУС-МЕДИА, 2010. – 200 с.

3. Выгонский С. И. Обратная сторона Интернета: психология работы с компьютером и сетью. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2010. – 316 с.

4. Жичкина А. Е. Самопрезентация в виртуальной реальности и особенности идентичности подростка-пользователя Интернета / Жичкина А. Е., Белинская Е. П. // Образование и информационная культура. – М. – 2000. – С. 431 – 460.

5. Затулий А. И., Бурнаева Е. М. Гендерные идеалы: особенности самопрезентации пользователей Интернета / А. И. Затулий, Е. М. Бурнаева // Вестник ТОГУ. – 2012. № 1 (24). – С. 297 – 304.

6. Миронов В. В. Современное коммуникационное пространство как фактор трансформации культуры и философии // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. – 2006. – № 4. – С. 34 – 48.

7. Сулер Дж. Люди превращаются в Электроников: Основные психологические характеристики виртуального пространства. // Психология из первых рук – [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.flogiston.ru/projects/translate/electronic.shtml> (дата обращения 20.03.2014).

8. Фриндте В., Келер Т. Публичное конструирование «Я» в опосредованном компьютерном общении / В. Фриндте, Т. Келер // Гуманитарные исследования в Интернете / под ред. А. Е. Войскунского. – М.: Можайск-Терра. – 2000. – С. 40 – 54.

9. Фромм Э. Бегство от свободы. – М.: АСТ, Астрель, 2011. – 288 с.

10. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. Т. 1. – М.: Педагогика, 1986. – 408 с.

11. Dean J. Can You Trust a Facebook Profile? // Psychology Studies Relevant to Everyday Life from PsyBlog – [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.spring.org.uk/2010/02/can-you-trust-a-facebook-profile.php> (дата обращения 20.03.2014).

12. Pagel M. Infinite stupidity. // Edge – [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.edge.org/conversation/infinite-stupidity-edge-conversation-with-mark-pagel> (дата обращения 20.03.2014).

References

1. Asmus N. G Internet Discourse in the Light of a New Type of Communication – Computer Communication [Internet-diskurs v svete novogo tipa kommunikatsii – kompyuternogo obscheniya]. *Slovo, vyskazyvanie, tekst v kognitivnom, pragmaticheskom i kulturologicheskom aspektakh: tezisy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* (Word, Utterance, the Text in the Cognitive, Pragmatic and Cultural Aspects: Theses of International Scientific and Practical Conference). Chelyabinsk, 2001. pp. 74 – 75.

2. Alekseeva E. G. Influence Through Social Networks. [*Vliyanie cherez sotsialnye seti*]. Moscow, Fokus-Media, 2010, 200 p.
3. Vygon'skiy S. I. The Reverse Side of the Internet: the Psychology of Work with Computer and Network. [*Obratnaya storona Interneta: psikhologiya raboty s kompyuterom i setyu*]. Rostov-na-Donu, Feniks, 2010, 316 p.
4. Zhichkina A. E. Self-presentation in Virtual Reality and Identity Features of a Teenage Internet User. [Samoprezentatsiya v virtualnoy realnosti i osobennosti identichnosti podrostka-polzovatelya Interneta]. *Obrazovanie i informatsionnaya kultura* (Education and Informational Culture), Moscow, 2000, pp. 431 – 460.
5. Zatulyiy A. I., Burnaeva E. M. Gender Ideals: Self-presentation Features of Internet Users. [Gendernye idealy: osobennosti samoprezentatsii polzovateley Interneta], *Vestnik TOGU*, 2012, № 1 (24), pp. 297 – 304.
6. Mironov V. V. Modern Communication Space as a Factor of Transformation of Culture and Philosophy. [Sovremennoe kommunikatsionnoe prostranstvo kak faktor transformatsii kultury i filosofii]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya* (The Moscow University Herald. Series 7. Philosophy), 2006, № 4. pp. 34 – 48.
7. Suler J. People Turn into Electronics: Basic Psychological Characteristics of the Virtual Space. [*Lyudi prevraschayutsya v Elektronikov: Osnovnye psikhologicheskie kharakteristiki virtualnogo prostranstva*]. Available at: <http://www.flogiston.ru/projects/translate/electronic.shtml> (accessed 20 March 2013).
8. Frindte V., Keler T. Public Construction of the 'I' in Computer-mediated Communication [Publichnoe konstruirovaniye "Ya" v oposredovannom kompyuternom obschenii]. *Gumanitarnye issledovaniya v Internete* (Humanitarian Research on Internet), Moscow, 2000, pp. 40 – 54.
9. Fromm E. Escape from Freedom. [*Begstvo ot svobody*]. Moscow, AST, Astrel, 2011, 288 p.
10. Hekhaufen. H. Motivation and Activities. Vol. 1 [Motivatsiya i deyatel'nost. T. 1]. Moscow, Pedagogika, 1986, 408 p.
11. Dean J. Can You Trust a Facebook Profile? Available at: <http://www.spring.org.uk/2010/02/can-you-trust-a-facebook-profile.php> (accessed 20 March 2013).
12. Pagel M. Infinite stupidity. Available at: <http://www.edge.org/conversation/infinite-stupidity-edge-conversation-with-mark-pagel> (accessed 20 March 2013).

УДК 159.956

Проблема интуиции в научном творчестве^{*}

Малькова Марина Владимировна – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения», кафедра истории и философии, старший преподаватель, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: malkovaguap@mail.ru

196135, Россия, Санкт-Петербург, ул. Гастелло, д.15,
тел.: 8(812) 494-70-61.

Авторское резюме

Состояние вопроса: Интуиция рассматривается многими науками. Вокруг нее образовался целый круговорот нередко исключаящих друг друга концепций. Интуиция рассматривается с точки зрения различных философских направлений (интуитивизма, материализма, рационализма). Она связана с малоосознанными процессами. Поэтому интуиция – неременная составляющая творческого процесса, в частности научного творчества.

Результаты: Интуиция (от лат. *intueri* – внимательно смотреть, исследовать) – способность не прибегая к развернутым рассуждениям находить ответы на вопросы. Она характеризуется внезапным озарением, догадкой, связана со способностью индивида к экстраполяции, переносу знаний в новые ситуации.

Область применения результатов: Рассмотрен подход к проблеме интуиции в научном творчестве как интеллектуальной интуиции, определены характерные черты научной интуиции.

Выводы: Интуитивное постижение возможно только на основе логического анализа. Необходимо предварительное накопление опыта и знаний до интуитивного озарения и логическое оформление результатов последнего в научном творчестве.

Ключевые слова: интуиция; самопознание; логика; научное творчество; чувственная интуиция; интеллектуальная интуиция; научная интуиция.

The Problem of Intuition in Scientific Creativity

Marina Vladimirovna Malkova – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Department of Philosophy and History, assistant professor, Saint Petersburg, Russia.

E-mail: malkovaguap@mail.ru

15, Gastello st., St. Petersburg, Russia, 196135,
tel: +7 (812) 494 70 61.

^{*} © М. В. Малькова, 2014.

Abstract

Background: Intuition is studied by many sciences. Around it a variety of often mutually exclusive concepts has been formed. Intuition is considered from the viewpoint of different philosophical trends, intuitional, materialistic, rational being included. It is associated with subconscious processes. So, intuition is an indispensable component of the creative process, scientific creativity in particular.

Results: Intuition (from lat. *intueri* – to look attentively, to study) is an ability to answer the questions without extended discussions. It is characterized by sudden insight, conjecture and is associated with the ability of the individual to extrapolation, knowledge transfer in a new situations.

Research implications: An approach to the problem of intuition in scientific creativity as intellectual intuition is considered. The characteristic features of scientific intuition are determined.

Conclusions: Intuitive comprehension is possible only on the basis of logical analysis. Preliminary accumulation of experience and knowledge prior to intuitive insight is necessary, the results of the former being constituted in scientific creativity.

Keywords: intuition; self-knowledge; logic; scientific creativity; sensory intuition; intellectual intuition; scientific intuition.

Проблема интуиции опирается на богатейшее философское наследие. Пожалуй, немногие философские проблемы в своем развитии претерпевали такие качественные изменения и подвергались анализу представителей самых различных областей знания. Вопрос об интуиции часто оказывался предметом острой борьбы между сторонниками материализма и идеализма. Вокруг него образовался целый круговорот нередко исключаящих друг друга концепций.

В истории философии понятие "интуиция" вследствие своей неопределенности часто обозначало вообще способность непосредственного постижения [1]. Непосредственное усмотрение истины с помощью органов чувств считалось ее первоначальной формой. Интуитивное знание непосредственно, то есть оно не требует доказательства; источником этого знания является чувственность (чувствительность) отражающая внешний и внутренний мир человека. Анри-Луи Бергсон (1859 – 1941 гг.), родоначальник философской школы "интуитивизма", признавал только чувственную интуицию (см.: "Время и свобода воли", "Материя и память", "Творческая эволюция"); он утверждал, что:

– разум, как продукт эволюции, способен познать неживую природу, но не жизнь; для познания эволюция дала человеку "интуицию" (или инстинкт), "сочувствие", или "вчувствование", "эстетическую интуицию", "симпатию";

– интеллект отражает не сущность, а только отношения между вещами. Если подойти к этой разновидности непосредственного знания научно, то оно есть не что иное, как восприятие, которое включает в себя элементарные мыслительные процессы (сравнение, анализ и синтез), которые совершаются посредством образа воспринимаемого предмета и представлений памяти, ассоциативно всплывающих в сфере сознания [2].

Впервые черты философской проблематики в вопросе об интуиции наметились в учениях Платона и Аристотеля. Именно здесь была отвергнута чувственная природа интуитивного познания. Интуиция была как бы перенесена в сферу абстрактного мышления. Они признавали только интуицию, дающую фундаментальные и самоочевидные истины (в естествознании и математике это – аксиомы) и не противопоставляли интуитивное мышление логическому. Интуиция рассматривалась ими как высший род знания, но знания все же интеллектуального.

Однако первостепенную значимость в качестве высшей способности к познавательной деятельности интуиция приобретает в философии нового времени. Френсис Бэкон – родоначальник английского материализма XVII в. – занимает в истории философии особое место. С его произведениями в науку пришли нерешенные проблемы познания и метода. Не решаясь использовать чувственную интуицию древних, он скептически относился и к интеллектуальной интуиции средневековья. Зато его разработка индуктивного метода была необходимой предпосылкой исторической эволюции проблемы интуиции.

В роли полноправной и полнокровной философской концепции интуитивное знание выступило в эпоху рационализма XVII в. От натурализма Ф. Бэкона материалистическая линия пройдет затем через Т. Гоббса к Б. Спинозе. Естествознание и математика XVII в. вступили в эпоху так называемого механистического естествознания с господствующим в нем метафизическим способом мышления.

Бурное развитие естествознания и математики в XVII в. выдвинуло перед наукой целый ряд гносеологических проблем: о переходе от единичных фактов к общим и необходимым положениям науки, о достоверности данных естественных наук и математики, о природе математических понятий и аксиом и т. д. Требовались новые методы в теории познания, которые позволяли бы определить источники необходимости и всеобщности выведенных наукой законов. В результате в философской науке интерес к методам научного исследования повысился и появились теории интеллектуальной интуиции.

Отправным пунктом рационалистической концепции было разграничение знания на опосредованное и непосредственное, т.е. интуитивное, являющееся необходимым моментом в процессе научного исследования. Появление такого рода знания, по мнению рационалистов, было обусловлено тем, что в научном познании (и особенно в математическом) можно натолкнуться на такие положения, которые не могут быть доказаны и принимаются без доказательств. Это прямое усмотрение истины вошло в историю философии как учение о существовании истин особого рода, достигаемых прямым, «интеллектуальным усмотрением» без помощи доказательств.

Различные трактовки и подходы к проблеме интуиции в истории философии начиная с XVII в. развивались в диалектической взаимосвязи с задачами, выдвигаемыми естественными науками и математикой. Новые открытия требовали от философии более строгой, научно обоснованной методологии и глубокого изучения способностей человеческого разума.

Прямого усмотрения сущности вещей с помощью интеллектуальной интуиции было явно недостаточно для естествознания, которое к XVIII в. перешло от простого собирания и описания фактов к опыту, эксперименту и научному доказательству.

С точки зрения материалистической диалектики интеллектуальная интуиция есть постижение ума, она не тождественна чувственному созерцанию (чувственной интуиции), поэтому ее название есть образное выражение. "Однако в этом выражении, – пишет В. Ф. Асмус, – кроется глубокий смысл: оно содержит, во-первых, мысль о происхождении абстракций и постижений ума из лежащих в их основе чувственных созерцаний; во-вторых, мысль о том, что в составе постижений ума имеются истины, которые ум признает не на основании доказательства, а просто усмотрением мыслимого в них содержания. Достаточно вникнуть в это содержание – и тотчас возникает непреложное сознание его истинности. Такие истины хотя и не созерцаются чувственным зрением, однако осознаются как истины, непосредственно отражающие действительность. От чувственных интуиций их отличает интеллектуальный характер постижения. Сближает их с чувственными интуициями непосредственность, с какой (в сознании современного человека) мыслится их содержание. Эта непосредственность, независимость содержания от доказательства придает интеллектуальному постижению характер максимальной очевидности"[3].

Значительный вклад в разработку диалектико-материалистической концепции интеллектуальной интуиции внес М. Бунге. Интеллектуальная интуиция подразделяется им на подвиды в зависимости от ее своеобразия в различных проблемных и интеллектуальных ситуациях.

С точки зрения философии и психологии одной из наиболее интересных является разновидность интеллектуальной интуиции, отождествляемой Бунге с "творческим воображением". "Его называют творческим, – пишет он, – ибо оно – способность творить понятия и системы понятий, которым может ничто не соответствовать в ощущениях, хотя бы даже они и соответствовали чему-нибудь в реальности, а также потому, что оно вызывает к жизни нешаблонные идеи" [4]. Эта творческая интуиция создает гипотезы, новые технические изобретения и пути экспериментального исследования.

Предчувствие, интуитивное "озарение" сознания, творческое воображение, инсайт или антиципация – все это один и тот же процесс синтеза нового знания, новой гипотетической идеи из материала прошлого опыта (своего или коллективного, как утверждает Юнг). М. Бунге различает еще ряд разновидностей интеллектуальной интуиции:

- интуиция как ускоренное умозаключение (интуиция Р. Декарта и других рационалистов);
- интуиция как способность к синтезу;
- интуиция как здравое суждение (fronesis).

При глубоком анализе таких явлений можно прийти к выводу, что они или стороны, грани эмоционально насыщенной интуиции как "озарения", сознания новой идеи, или же частные ее случаи, в которых отдельные стороны

(например, эмоциональность) сведены к минимуму, а другие (например, логическое содержание или степень осознанности) представлены более четко. Никакое научное открытие или техническое изобретение невозможно без предваряющего его знания и последующей логической обработки.

К характерным чертам научной интуиции относятся:

1. Принципиальная невозможность получения искомого результата посредством прямого логического вывода.
2. Принципиальная невозможность получения искомого результата посредством чувственного познания окружающего мира.
3. Безотчетная уверенность в абсолютной истинности результата (это никоим образом не снимает необходимости дальнейшей логической обработки и экспериментальной проверки).
4. Внезапность и неожиданность полученного результата.
5. Непосредственная очевидность результата.
6. Неосознанность механизмов творческого акта, путей и методов, приведших ученого от начальной постановки проблемы к готовому результату.
7. Необычайная легкость, невероятная простота и скорость пройденного пути от исходных посылок к открытию.
8. Ярко выраженное чувство самоудовлетворения от осуществления процесса интуиции и глубокого удовлетворения от полученного результата.

Итак, все, что совершается интуитивно, должно быть внезапно, неожиданно, непосредственно, очевидно, неосознанно, быстро, безотчетно, легко, вне логики и созерцания, и в то же время – само по себе логично и основано на предшествующем чувственном опыте.

Иногда сознательный поиск может быть тщетным и даже подавить интуицию; но само интуитивное постижение возможно только на основе логического анализа. Нужно их диалектическое единство.

Очень часто переход от уровня сознания на уровень самосознания может быть очень затяжным; это имеет место особенно у тех ученых, у которых "конструктивное мышление" преобладает над "критическим" (мысль А. Эйнштейна).

Практика решения задач и научных проблем показала, что многие идеи, составляющие суть данного открытия, или же идеи плана решения (как частный элемент озарения), являются новыми не вообще, а лишь в данных условиях, для данной конкретной проблемной ситуации.

Таким образом, можно предположить, что многие научные открытия совершаются путем переноса ранее известных идей, подходов, планов к решению новых проблем. Эти идеи, перевоплощаясь соответственно новым условиям и выражая новое предметное содержание, приобретают самостоятельное существование. Это одновременно обобщение того общего, что есть между обеими задачами.

Интуитивные компоненты в большей или меньшей степени присутствуют практически во всех видах научного творчества. Поэтому совершенно очевидно, что если интуиция помогает в получении нового знания, то, каким

бы таинственным и непостижимым ни казался этот механизм, им нужно пытаться управлять.

Любой ученый на начальном этапе своего научного становления пользуется трудами предшественников – логически выстроенными теориями, составляющими науку «сегодняшнего дня». Следует лишний раз подчеркнуть важность предварительного накопления опыта и знаний до интуитивного озарения и необходимость логического оформления результатов последнего в научном творчестве.

Список литературы

1. Сорокин Б. Ф. Философия и психология творчества: научно-методическое пособие для аспирантов и молодых преподавателей Орёл: Изд-во: Орловский государственный университет, 2000. – 104 с.
2. Бергсон А. Собрание сочинений; пер. с фр. М. Булгакова; перераб. Б. Бычковским. – Изд. 2-е. – Т. 1 Творческая эволюция. СПб: Изд. М. И. Семёнова – 1913. – 331 с.
3. Асмус В. Ф. Проблема интуиции в философии и математике. М.: Мысль, 1965. – 312с.
4. Бунге М. Интуиция и наука. М.: Прогресс, 1967. – 188 с.

References

1. Sorokin B. F. Philosophy and Psychology of Creativity [*Filosofiya i psikhologiya tvorchestva*]. Orel, Orlovskiy gosudarstvennyy universitet, 2000, 104 p.
2. Bergson A. Creative Evolution [*Tvorcheskaya evolyutsiya*]. *Sobranie sochineniy, Tom 1* (Collected Works, Vol. 1). Saint Petersburg, Izdatelstvo M. I. Semenova, 1913, 331 p.
3. Asmus V. F. The Problem of Intuition in Philosophy and Mathematics [*Problema intuitsii v filosofii i matematike*]. Moscow, Mysl, 1965, 312 p.
4. Bunge M. Intuition and science [*Intuitsiya i nauka*]. Moscow, Progress, 1967, 188 p.

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ

УДК 113; 141.2; 502.31

Дмитрий Иванович Менделеев – титан эпохи русского Возрождения^{*} (доклад)

Субетто Александр Иванович – Автономная некоммерческая организация высшего профессионального образования «Смольный институт Российской академии образования», проректор по качеству, доктор философских наук, доктор экономических наук, кандидат технических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Лауреат Премии Правительства РФ, Президент Ноосферной общественной академии наук, Санкт-Петербург, Россия.

Е-mail: subal1937@yandex.ru

195197, Россия, Санкт-Петербург, Полюстровский проспект, д. 59,
тел.: +7(812)541-11-11.

Авторское резюме

Состояние вопроса: Автором была выдвинута концепция, согласно которой Россия начиная с XVIII века переживает так называемую Эпоху Русского Возрождения. В отличие от западноевропейского Ренессанса, Эпоха Русского Возрождения делает ставку не на индивидуализм и «людское самообожание» (Д. И. Менделеев), а на космическое предназначение человека (например, русский космизм). Д. И. Менделеев является одной из главных фигур русского Возрождения, близкой по своему таланту и разносторонности к великим титанам итальянского Возрождения.

Результаты: Становление Д. И. Менделеева как ученого шло по пути энциклопедического охвата почти всех наук, направленного на приближение России и всего человечества к состоянию глобально-системной, или ноосферной, гармонии. Эта концепция стала фундаментом понятия ноосферы, разработанного В. И. Вернадским, и современной концепции Ноосферизма. Периодический закон, открытый Д. И. Менделеевым, в определенном смысле можно рассматривать как парадигмальную революцию в основаниях естествознания. Универсализм русского гения проявился в его мировоззренческих установках и направлениях деятельности, к которым относятся: преподавательская деятельность и концепция непрерывного образования; отстаивание взглядов на высокую роль науки как социального института и программа преобразования Академии наук; отстаивание стратегии развития метрологической системы России; проведение принципа протекционизма в развитии промышленности и хозяйства в целом; установка

^{*} © А. И. Субетто, 2014.

на познание России как самостоятельной целостности; постановка проблемы мира без войн; развитие народного просвещения во взаимосвязи с хозяйственным развитием России.

Область применения результатов: Творчество Д. И. Менделеева рассматривается как важная составная часть истории российской цивилизации в целом, необходимая для реконструкции объективной картины ее развития.

Выводы: В личности Д. И. Менделеева ярко проявился универсализм пушкинского цикла Эпохи Русского Возрождения, длившейся примерно с 1810 – 1820 гг. по 1910 – 1920 гг. Этот цикл породил из своих оснований следующий, вернадскианский цикл, который в начале XXI века подвигает Россию вместе со всем человечеством к ноосферному прорыву, к управляемой социоприродной эволюции на базе научно-образовательного общества и общественного интеллекта.

Ключевые слова: Дмитрий Иванович Менделеев; русское Возрождение; ноосферизм; русский космизм.

Dmitri Ivanovich Mendeleev – a Titan of the Russian Renaissance (report)

Aleksandr Ivanovich Subetto – Smolny Institute of the Russian Academy of Education, vice-director, Doctor of Philosophy, Doctor of Economics, Ph D. in Technology, Professor, St. Petersburg, Russia.

E-mail: subal1937@yandex.ru

59, Polustrovsky prospect, St. Petersburg, Russia, 195197,
tel: +7(812)541-11-11.

Abstract

Background: The author has proposed the conception according to which since the 18 century Russia has witnessed ‘the Renaissance epoch in Russia’. By contrast with the West Renaissance, the Russian Renaissance epoch demonstrates not individualism and “self-adoration” (D. I. Mendeleev) but the cosmic mission of man, e. g. Russian cosmism. D. I. Mendeleev is one of the main figures of the Russian Renaissance, being close to the great titans of the Italian Renaissance due to his talent and universal knowledge.

Results: The scope of Mendeleev’s interests included almost all sciences. His scientific thought was directed towards the approach of Russian civilization and humanity as a whole to the state of global system or noospheric harmony. This conception became the foundation of the noospheric idea developed by V. I. Vernadsky and the modern doctrine of Noospherism. The Periodic Law discovered by D. I. Mendeleev can be considered as a paradigm shift in natural sciences foundation. The universality of the Russian genius was manifested in his scientific orientations and public activity, for example, his teaching experience, the concept of lifelong education, his program of the Academy of Sciences reformation, the strategy of metrological system development in Russia, the protection of

industrial and agricultural development, his attitude to the cognition of Russia as an independent integrity, 'the world without war' problem statement, public education development in connection with economic development in Russia.

Research implications: Mendeleev's scientific work is considered to be an important part of the history of Russian civilization, which is essential for the reconstruction of the objective image of its development.

Conclusions: The universality of Pushkin's cycle in the epoch of the Russian Renaissance continued from 1810 – 1820 till 1910 – 1920 was manifested in Mendeleev's works. This cycle initiated the next, i. e. Vernadsky's, cycle, which at the beginning of the XXI century results in a noospheric breakthrough, regulated socionatural evolution on the basis of educated society and social intellect in Russia and in the whole world.

Keywords: Dmitri Ivanovich Mendeleev; the Russian Renaissance; noospherism; Russian cosmism.

Уважаемые коллеги!

- 1 -

Наш круглый стол «Значение идей Д. И. Менделеева для развития современной научной мысли в контексте государственных интересов России» посвящен Дню российской науки (8 февраля 2014 года) и 180-летию со дня рождения Д. И. Менделеева (27 января по старому стилю и 8 февраля по новому стилю). Как указано в программе круглого стола, его цель – «междисциплинарный анализ научных идей Д. И. Менделеева как концептуальной базы для современной “экономики знаний” в Санкт-Петербурге и России».

Мой доклад посвящается несколько необычной постановке проблемы оценки творчества Д. И. Менделеева, исходящей из положения, что *история России, начиная с XVIII века, подарила миру свою эпоху Возрождения*, противостоящую по своим ценностям и смыслу эпохе западноевропейского Возрождения, хотя она и начинается приблизительно на 300 лет позже, – эпоху русского Возрождения [8].

- 2 -

Эпоха русского Возрождения предлагает совершенно другую парадигму гуманизма и в целом систему представлений о смысле бытия человека на Земле и его предназначении, которую, с учетом уже происходящей «вернадскианской революции» в системе научного мировоззрения в конце XX и в начале XXI веков [1; 2; 3], можно было бы назвать *ноосферной или космо-ноосферной*. Если эпоха западноевропейского Возрождения сделала ставку на индивидуализм человека, на «людское самообожание» (по Д. И. Менделееву [5, с. 20]), на его свободу, за которой скрывалась свобода индивидуального обогащения, свобода потребительства, что и послужило ценностным основанием для появления капитализма и колониализма, то *эпоха русского*

Возрождения сделала ставку на другое – на космическое предназначение человека (этому, собственно говоря, и посвящен русский космизм как течение русской научно-философской и культурологической мысли), на его ответственность за все, что он творит на Земле, на фундаментальное значение коллективизма, общинности, соборности как базового измерения человеческого бытия.

По внутренней логике своего развития эпоха русского Возрождения разбивается на три цикла: петровско-ломоносовский (или «романтический»), пушкинский (или «универсалистский») и вернадскианский (или ноосферно-космический).

- 3 -

В контексте данного представления об эпохе русского Возрождения и выдвигается положение об оценке Дмитрия Ивановича Менделеева как Титана эпохи русского Возрождения – ученого-энциклопедиста, ярчайшего представителя русского космизма и универсализма, пушкинского цикла этой эпохи.

Сам облик Д. И. Менделеева поражал многих своим космическим величием. Академик-химик П. И. Вальден подчеркивал, что «красивей и выразительней головы не найти даже у Доре в его иллюстрациях», имея в виду рисунки Г. Доре к Библии [5, с. 5]. Известный современный ученый Р. К. Баландин, в своем предисловии к книге Д. И. Менделеева «К познанию России» [5, с. 5], писал: «В облике его было что-то от Бога-Творца, каким его обычно изображают живописцы».

Само величие красоты его внешности, лица, всей мощи фигуры сочеталось с величием его научного творчества, величием его духовной мощи, за которым нам были явлены гармония и универсализм его научно-духовного творчества, проникавшего своим дерзанием в разные области науки, экономики, культуры, истории России.

Дмитрий Иванович Менделеев перебрасывает нам, его потомкам, свою мысль как мысль ученого, пророка, мыслителя, духовного искателя:

«Я люблю свою страну, как мать, а свою науку, как дух, который благословляет, освещает и объединяет все народы для блага и мирного развития духовных и материальных богатств» [5, с. 5].

Уже в этой мысли великого русского ученого-мыслителя мы видим глубокое понимание единства науки и духовности, истины, добра и красоты, того единства, которое объединяется русским понятием «правда». И одновременно мы видим космо-ноосферную направленность всего научного поиска Менделеева, которая получила развитие у В. И. Вернадского, в его учении о биосфере и ноосфере. Р. К. Баландин замечает по поводу этой преемственности: «Впервые на лекциях Менделеева Вернадский осмыслил химию не как науку об абстрактных химических элементах и их сочетаниях, а как способ познания жизни Земли и Космоса, структуры и динамики Мироздания. А потому не случайно Вернадский стал одним из творцов науки XX века – геохимии, а в дальнейшем – создателем учения о биосфере, области

жизни. Таким оказался интеллектуальный потенциал, которым наделил Менделеев одного из своих многочисленных учеников, ставшего, по примеру Учителя, крупным организатором научных исследований, а также Комиссии по изучению естественных производительных сил России. На базе этой комиссии он предлагал в 1928 году организовать Менделеевский институт по изучению естественных производительных сил СССР. Надо заметить, что и учение о биосфере, ставшее венцом естествознания XX века, корнями своими уходит к воззрениям Менделеева по геохимической перестройке окружающей среды» [5, с. 20].

- 4 -

Д. И. Менделеев прожил почти 73 года, с 27 января 1834 года по 20 января 1907 года (по старому стилю). По отцовской линии его «корни» тянутся к семье священника Павла Максимовича Соколова, выходца из Тверской губернии, по материнской линии – к старинному купеческому роду Корнильевых (в ряде работ – упоминается именование «Корниловых»). Родился Д. И. Менделеев в Тобольске, 17-ым по счету ребенком. Уже в Тобольской гимназии рано проявились его способности к математике, физике и истории. Духовно-нравственная атмосфера его раннего становления была окрашена дружескими отношениями его семьи со ссыльными декабристами Фонвизиним, Муравьевым, Анненковым. Сам Дмитрий Иванович так заметил, вспоминая былое: «...семьи декабристов придавали тобольской жизни особый отпечаток. Их возвышенно благородное отношение к жизни содействовало духовному развитию молодежи, окружающей их» [9, с. 21; 22]. Нельзя не упомянуть о посещениях семьи Менделеевых Петром Павловичем Ершовым, автором известной сказки «Конек-Горбунок», который рассказывал в эти часы своих посещений о встречах с А. С. Пушкиным и В. А. Жуковским, о литературной жизни Санкт-Петербурга пушкинского времени. О том, что эта духовная связь Д. И. Менделеева с П. П. Ершовым, а через него – с гениальным русским поэтом А. С. Пушкиным, была дорога ему, свидетельствует тот факт, что все издания «Конька-Горбунка» он хранил в своей библиотеке и периодически читал своим детям, вспоминая вслух свои встречи с автором этой великой русской сказки.

В 1850 году Д. И. Менделеев поступил в Главный педагогический институт, ныне – РГПУ им. А. И. Герцена. При выпуске из института в 1855 году Менделеев под руководством профессора Воскресенского написал диссертацию *«Изоморфизм в связи с другими отношениями кристаллической формы при различии в составе»*, которая стала не только своеобразным стартом в становлении Менделеева как ученого-энциклопедиста, титана эпохи русского Возрождения, но и определила своеобразие его исследовательского поиска, в котором проявляются доминанты систематизации, обобщения, устремления к поиску признаков сходства в поведении различных химических элементов, которое через 15 лет и привело Менделеева к открытию Периодического закона и созданию знаменитой менделеевской таблицы химических элементов. В 1855 году Ученый совет присудил Менделееву титул «Старший учитель» и наградил

золотой медалью в связи с успешным окончанием физико-математического факультета Главного педагогического института.

Дальнейшая профессиональная деятельность Дмитрия Ивановича сложилась достаточно сложно, поражала любого исследователя его жизни разнообразием научных начинаний и дел, которые он выполнял, решал, утверждая тем самым в себе личность Ренессансного типа. Перечислю места его работы: Ришельевский лицей в Одессе (1855 – 1857); Петербургский университет (1857 – 1890), где с 1867 года руководил кафедрой общей химии физико-математического факультета; Петербургский государственный университет путей сообщения, тогда – Институт путей сообщения (1860 – 1872), в котором преподавал химию; 2-й Кадетский корпус (в 1861 году занимал должность преподавателя физической географии); Высшие женские (Бестужевские) курсы, на которых читал курс химии; Технологический институт (с 1864 года – профессор химии). После 1890 года занимал разные должности в министерстве финансов, занимаясь проектами новой тарифной системы, денежного обращения, сотрудничал с нефтяной и каменноугольной отраслями промышленности, с Морским министерством (в 1891 году был научным консультантом специальной Морской научно-технической лаборатории для изучения взрывчатых веществ), вникал в вопросы воздухоплавания, метеорологии, кораблестроения, освоения Арктики. Возглавил с 1890 года Депо образцовых мер и весов и стал руководителем разработки комплекса мероприятий по улучшению поверочного дела в стране и фактически создания метрологической базы российской экономики на рубеже XIX и XX веков.

- 5 -

Основные вехи становления Д. И. Менделеева, имея в виду его диссертации, ведущие работы и события-вехи:

- 1855 г. – диссертация «Изоморфизм в связи с другими отношениями кристаллической формы при различии в составе»;
- 1857 г. – диссертация «Удельные объемы» (диссертация стала дальнейшим развитием исследований по изоморфизму), после ее защиты он получил должность приват-доцента на физико-математическом факультете Петербургского университета;
- 1859/1860 гг. – заграничная командировка «для совершенствования в науке» [9, с. 28], изучение зависимости плотности от состава в спиртоводных растворах в университете в Гейдельберге (Германия); отметим, что в группу молодых русских ученых-химиков, кроме Менделеева, входили А. П. Бородин, будущий автор оперы «Князь Игорь», и не менее знаменитый химик П. Житинский, В. И. Олевинский;
- 1860/1861 гг. – написание учебника по органической химии, в котором впервые сформулировал важнейшую теоретическую закономерность в области органической химии – учение о пределе и систематизировал большое число органических соединений различных классов [9, с. 30];

- 1862 г. – присуждение Демидовской премии, считавшейся в ученом мире России того времени очень почетной, за учебник «Органическая химия»;
- 1865 г. – докторская диссертация «О соединении спирта с водой»; он выполнил исследование удельных весов спиртоводных растворов во всем интервале концентраций при нескольких температурах, составил уравнение, связывающее плотность спиртоводных растворов с концентрацией и температурой; в результате этих исследований к концу XIX века «русской», а точнее – «Московской», водкой стал считаться лишь продукт, который представлял собой зерновой (хлебный) спирт, разведенный по весу водой точно до 40°, этот менделеевский состав водки был запатентован в 1894 году правительством России как русская национальная водка «Московская особая»;
- 1867 г. – стал во главе кафедры общей химии в петербургском университете;
- 1869 г. – открытие «Периодического закона» и создание на его основе периодической таблицы химических элементов, отражающей этот закон (последовательное возрастание атомных весов элементов сопровождается периодическим изменением свойств), точная дата самого открытия была зафиксирована самим Менделеевым – 17 февраля 1869 года; периодический закон Менделеева определил новую эпоху в развитии всего естествознания;
- 1867 – 1871 гг. – создание учебника «Основы химии», в котором он впервые в мире осуществил систематизацию научных знаний в области химии как становящейся науки и представил химию как целостную науку со своей общей теорией и согласованностью всех своих основных частей; эта книга была переведена на английский и французский языки и стала учебником для нескольких поколений химиков не только России, но и стран мира;
- 1872 г. – издание результатов исследований в области упругости газов (работа «Об упругости газов»), которую академик РАН В. В. Окрепилов назвал «сокровищницей метрологических идей» [9, с. 55], он указал на то, что на основе идей этой работы была построена лаборатория для точнейших взвешиваний, лучшая в мире по оборудованию [6; 9];
- 1876 г. – избрание Д. И. Менделеева (30 ноября) член-корреспондентом Петербургской Академии наук;
- 1880 г. – участие в баллотировке в действительные члены Петербургской Академии наук; подготовка речи «Какая же нам нужна Академия?», в которой он ставил проблему, не потерявшую актуальности и спустя почти 130 лет, – проблему миссии Академии наук в России «быть главным экспертом в оценке эффективности и приоритетности тех или иных государственных проектов и программ» [9, с. 66]; к сожалению, при выборах в действительные члены Академии наук, состоявшихся 11 ноября 1880 года, Менделееву не хватило 4-х голосов, вместо него на вакантное место был избран Ф. Ф. Бейльштейн – автор обширного справочника по органической химии (это событие говорит о субъективности самих оценок и выборов при формировании членского состава Академии);

- 1882 г. – избрание почетным членом Лондонского королевского общества;
- 1882 г. – публикация труда «О сопровождении жидкостей и воздухоплавании», который Н. Е. Жуковский назвал «капитальной монографией по сопротивлению жидкостей, которая и теперь (1909 г.) может служить основным руководством для лиц, занимающихся кораблестроением, воздухоплаванием или баллистикой...» [9, с. 49];
- 1888 г. – избрание членом Эдинбургского королевского общества;
- 1891 г. – публикация результатов исследования и обобщения в области тарифно-таможенной политики в виде книги «Толковый тариф, или Исследование о развитии промышленности России в связи с ее общим таможенным тарифом 1891 года»;
- 1892 г. – Менделеев принимает предложение возглавить Депо образцовых мер и весов, т. е. метрологическую службу России, которой он руководил до конца жизни;
- 1893 г. – разработка Программы переустройства государственной службы мер и весов, в которой предусматривались: (1) создание центрального научного метрологического учреждения России – Главной палаты мер и весов, (2) разработка национальной системы эталонов, воплощающей в себе высший, мировой уровень развития науки и техники, в том числе метрологии, и отвечающей требованиям развития российской промышленности, (3) создание в городах России сети поверочных учреждений нового типа, (4) переход на десятичную (метрическую) систему мер [9, с. 57];
- 1899 г. – одобрение законопроекта «Положение о мерах и весах» на Общем собрании Государственного совета; в результате Главной палате мер и весов было придано значение центрального поверочного учреждения России, в которой Д. И. Менделеев принял пост управляющего [9, с. 58];
- 1905; 1906; 1907 гг. – выдвижение на Нобелевскую премию, но каждый раз возникали какие-то препятствия при окончательном решении Нобелевского Комитета (в 1905 году отдали предпочтение А. Байеру, в 1906 году – А. Муассану, что говорит только об одном – об осторожности Нобелевского Комитета по отношению к русским гениям).

- 6 -

Уже из этого перечня видно, что *само становление Д. И. Менделеева как ученого проходило по пути энциклопедического охвата почти всех наук, направленного на приближение жизни и российского общества и человечества к состоянию глобально-системной или ноосферной, если воспользоваться уже понятием учения о ноосфере В. И. Вернадского и его современным развитием в форме Ноосферизма, гармонии между ними – Россией и человечеством – и живой Землей.*

В «Учении о промышленности» Д. И. Менделеев, обсуждая проблему взаимодействия промышленности с природными условиями ее функционирования и развития, замечает: «...Земля... живет своей особой

жизнью, что представляет такую же научную истину, как и понятие о движении земного шара в пространстве. Эта жизнь всей Земли оказывает прямое влияние и на промышленную деятельность...» [5, с. 457].

В настоящее время, в условиях состоявшейся первой фазы Глобальной экологической катастрофы, климато-географические основания воспроизводства жизни общества, экономик стран мира, введения учета разнообразия природных условий воспроизводства жизни человека и общества в теоретический контекст экономической науки и практики ведения хозяйства в разных регионах Земли, на что обращал внимание Д. И. Менделеев в своем учении о промышленности, становится частью императива экологического выживания человечества в XXI веке. Прислушаемся к голосу Д. И. Менделеева: «Земля сама по себе, т. е. почва с климатом, по самой очевидности, не может быть вровень распределена для всех людей ни в качественном, ни в количественном отношении; страны всегда будут сильно отличаться между собой в этом смысле, а внутри стран различий будет не менее того, хотя «солнце всем светит одинаково» [5, с. 456].

- 7 -

Менделеев – титан эпохи русского Возрождения, выдающийся ученый, один из самых ярких представителей не только русской, но и мировой науки XIX века. Академик РАН В. В. Окрепилов отмечал в своем докладе на расширенном заседании Президиума Санкт-Петербургского научного центра РАН, посвященном 175-летию со дня рождения великого русского ученого в 2009 году, что при опросе общественного мнения на тему «Самый выдающийся ученый», который был проведен в 2006 году в Москве некоммерческим партнерством «Мир науки», «Д. И. Менделеев занял третью позицию после Исаака Ньютона и Альберта Эйнштейна, обойдя не менее великого Ломоносова». При ответах на вопрос «Кто является символом науки?» «имя Дмитрия Ивановича Менделеева вошло в первую пятерку, наряду с Ломоносовым, Леонардо да Винчи, Исааком Ньютоном и Альбертом Эйнштейном» [9, с. 16; 17], а при опросе «в проекте “Имя России” Д. И. Менделеев был единственным представителем науки среди 12-ти имен, из которых делался выбор» [9, с. 17]. Это уже говорит об огромном авторитете имени Менделеева в рефлексии как российского общества, так и мировой научной общественности.

- 8 -

Самое большое открытие, делающее славу не только самому Менделееву, но и в целом русской науке, пытливого мысли русского человека, всей России, – это открытие Периодического закона в организации «мира» химических элементов, т. е. атомов, из которых складываются молекулы, вещество, живые системы и космические тела в нашей Вселенной.

Здесь проявился особый склад интеллекта Менделеева – гениальная способность к систематизации и обобщению, благодаря которым и познается Космос как Порядок и Гармония нашей Вселенной и всего Универсума, тот

«энциклопедический компендиум» эпохи (по выражению Карла Маркса) [4, с. 27], который присутствовал в «голове» Менделеева как благодаря российской системе воспитания и образования, так и благодаря особенностям склада ума и мировоззрения, которые он воспринял от своих предков, от «глубин» интеллектуально-ценностного генома русского народа.

В монографии Э. Н. Елисеева, Ю. В. Сачкова и Н. В. Белова «Потоки идей и закономерности развития естествознания» подчеркивалось, что «фундаментально новые идеи выступают как более обобщенные», и что «выработка более обобщенных знаний означает также проникновение в более глубокую сущность действительности, отображение сущности высших порядков» [4, с. 19].

Таким обобщением, проникающим в более глубокую сущность мира атомов и молекул, который стал предметом химии как науки, и явился Периодический закон Д. И. Менделеева, фактически определивший как пересмотр всех оснований научного мировоззрения на рубеже XIX и XX веков, так и смену парадигм естествознания. Можно говорить с определенной относительностью о менделеевской парадигмальной революции в основаниях естествознания, порожденной Периодическим законом.

«Периодический закон» был открыт Дмитрием Ивановичем в процессе работы над теоретическим обобщением основ общей химии как науки в феврале 1869 года. Работая над 2-й частью «Основ», Менделеев подошел вплотную к проблеме «группировки элементов по валентности к их расположению по сходству свойств и атомному весу» [9, с. 31]. 17 февраля у него произошел творческий прорыв, когда интуиция гения вдруг осветила своим светом истину (вначале «во сне», а затем – «наяву»): *последовательное возрастание атомных весов элементов сопровождается периодическим изменением их свойств.* Возникла знаменитая таблица химических элементов Менделеева, опубликованная в окончательном виде в начале 1871 года в последнем выпуске первого издания «Основ химии».

Особенность открытия Менделеева состояла в том, что это был открыт особый закон, описываемый не математической формулой (уравнением), как принято в физике, а на особом языке – языке своеобразной классификационной (или таксономической) матрицы, где название элемента указывало на класс (таксон) химических элементов (типов атомов), а возникающая координатная сетка <«номер группы – номер ряда»> раскрывала этот закон в форме объединения в «столбцы» – «группы» – по сходству (по валентности) химических элементов (их возможного замещения в классах веществ), а в «ряды» – по их периодическим изменениям.

Гениальность Менделеева проявилось в том, что он свободно оставил пустые клетки для пока несуществующих элементов, которые еще не были открыты наукой, но должны существовать в мире в соответствии с открытым Периодическим законом. Так, Менделеев предсказал химические и физические свойства элементов «экабора» и «экаалюминия», которые будут открыты в ближайшем будущем.

Открытие галлия («экаалюминия») в 1875 году во Франции и в 1879 году «скандия» («экабора») в Швеции замечательно подтвердили прогнозы Менделеева и заставили научное сообщество мира взглянуть на форму систематики элементов, которую представил Менделеев в виде Периодического закона, именно как на закон.

В 1889 году по приглашению Британского химического общества Менделеев принял участие в очередных «Фарадеевских чтениях» и выступил с докладом о периодической системе элементов, после чего популярность Менделеева в мире и в России резко возросла.

Академик РАН Г. Ф. Терещенко по поводу менделеевского открытия в 2009 году при праздновании 175-летнего юбилея Менделеева сказал так: «Через все творчество Менделеева прослеживается стремление ответить на вопрос: какова связь между составом и свойством. Удивительно, что этот вопрос мучает многих исследователей и до сих пор. Мне представляется, что этот великий человек, гений, сделал так много, по крайней мере, в химии, что все мы, наверное, можем считать себя в определенной мере продолжателями его учения. *Трудно найти пример, по своей грандиозности сравнимый с периодическим законом Менделеева. 140 лет Таблица не подвергалась каким-то принципиальным изменениям. Это лучшее подтверждение гениальности Менделеева, и, наверное, мы должны гордиться, что он наш земляк, живший и творивший, образно говоря, в этих стенах*» [9, с. 89] (выделено мною, С. А.).

- 9 -

Что скрывается за Периодическим законом Д. И. Менделеева? – Спираль атомной эволюции и, следовательно, атомной эволюции вещества. Выполненные мною в рамках развития системогенетики как науки о законах и механизмах наследования (преемственности) в эволюции разных системных миров системные обобщения привели к *открытию Закона спиральной фрактальности системного времени, представляющего собой системное (космологическое) обобщение аналогов принципа Геккеля по отношению к разным предметным средам – «онтогенез повторяет филогенез»*. В соответствии с этим законом спираль «конуса» любой прогрессивной эволюции (ведущей к росту сложности, кооперативности структур эволюционирующих систем) отображается на спираль онтогенеза (жизненного цикла) этой системы. Имеется много примеров, подтверждающих гипотезу о существовании такого закона. В частности, ее подтверждают исследования Д. Б. Архангельского, Г. Г. Дзяпина. Если эта гипотеза справедлива, то тогда можно *говорить о существовании аналогов Периодического закона Менделеева применительно к разным «системным мирам»*. Г. Г. Дзяпин открыл аналог такого Закона по отношению к алфавитам языков разных народов. Д. Б. Архангельский открыл существование периодической таблицы цветковых растений, в которой закодирована спираль эволюции цветковых растений, отраженная в изменениях форм частиц пыльцы. Мною в 1993 выдвинута гипотеза о существовании периодической системы антропотипов человека.

Если принять гипотезу существования Закона спиральной фрактальности системного времени, то открытие Д. И. Менделеева, вполне возможно, является первой ступенью на пути открытия фрактально-спирально-симметричной картины мира, сопряженной с системогенетической парадигмой универсального эволюционизма [7], утверждающего неслучайность появления человека на Земле, в том числе и гения Д. И. Менделеева, открывшего Периодический закон элементов.

- 10 -

Трудно найти область научных знаний, или человеческой практики, в которую не заглянул бы пытливый взгляд титана эпохи русского Возрождения – Дмитрия Ивановича Менделеева. Список его научных результатов, концепций, технологий, которые он внедрял в практику российской промышленности, огромен. По масштабу универсальности и разнообразию своей деятельности как ученого, мыслителя, философа, инженера, экономиста, я думаю, он не уступает Ломоносову, стоящему наряду с Петром Великим у истоков эпохи русского Возрождения. И по этому своему «измерению» Д. И. Менделеев может быть назван «Ломоносовым» XIX века.

Сам Менделеев незадолго до своей кончины так оценил самого себя в своем дневнике: *«Всего более четыре предмета составили моё имя: периодический закон, исследование упругости газов, понимание растворов как ассоциаций и “Основы химии”»* [9, с. 18].

Однако универсализм Менделеева далеко выходит за рамки этих 4-х научных результатов. Выделим следующие его результаты и мировоззренческие установки:

- *преподавательская деятельность, причем активный взгляд ученого на образование как предмет научного исследования, выдвижение императива непрерывного образования (образования через всю жизнь человека), борьба за высокий уровень естественнонаучной фундаментальной подготовки по всем направлениям высшего образования;*
- *отстаивание взгляда на высокую роль науки как социального института в развитии общества, экономики, технологий; особенно эта установка проявилась в менделеевской программе преобразования Академии наук через превращение ее в главный научный центр России и в главного эксперта проектов и программ социально-экономического и технологического развития России, которые рождаются в апартаментах власти;*
- *отстаивание принципа «Точная наука немыслима без меры», который в жизни Менделеева стал принципом его стратегии развития метрологической системы России на рубеже XIX и XX веков;*
- *отстаивание протекционизма в развитии промышленности и в целом хозяйства России (которое проявилось в целой системе проектов и работ Менделеева по тарифной и таможенной политике России, создании дешевой транспортной инфраструктуры (транспортных систем) экономики России, в проекте золотого рубля и др.);*

- *установка на познание России как самостоятельной целостности*, которая им была раскрыта уже в начале XX века, в книгах «Заветные мысли» и «Познание России». Фактически им в этих работах был совершен синтез проблем демографии, хозяйственного развития с проблемами физической, экономической и этнографической географии России, со статистическим анализом данных переписи населения России 1897 года, с проблемой сохранения лесов России, уже поставленной в свои времена Петром Великим и Александром III; в этом блоке исследований Д. И. Менделеева просматривается установка, сформулированная В. И. Вернадским, по изучению естественных производительных сил России и воплотившаяся в работе Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС); нужно отметить, что именно Д. И. Менделеевым осуществлена постановка проблемы становления математической географии, географического районирования с учетом кривизны земной поверхности, неоднородности ландшафтов (на современном языке – биогеоценозов) и неоднородности населенности территории [5, с. 172 – 177] (следует заметить, что эта менделеевская постановка актуализируется в начале XXI века как момент становления ноосферной географии);

- *постановка проблемы мира без войн, которую он связывал с понятием «о свободе труда», благодаря которому можно будет избежать кризис «тесноты Земли»* [5, с. 228; 229];

- *постановка проблемы народного просвещения*, в котором он выступил продолжателем социально-педагогической линии, восходящей к работам Н. И. Пирогова; он указал на связь задач народного просвещения и хозяйственного (промышленного) развития России.

- 11 -

Д. И. Менделеев в 1890 году изобрел «бездымный порох». Он заменил метательный заряд, «черный порох», на бездымный или пироколлодиевый, который был им создан. Сразу же дальность стрельбы и убойная сила снарядов возросли. Но, как отметил А. С. Дудырев [9, с. 111], в силу жуткой отсталости химической промышленности России, в Русско-Японской войне, в знаменитом Цусимском сражении, при защите Порт-Артура применялось традиционное взрывчатое вещество под названием «черный порох», и это стало одной из причин и гибели Российского флота и потери Порт-Артура. Если бы менделеевское изобретение вошло в основу технологий изготовления снарядов для флота, картина была бы другой. Потому что японцы использовали секретное, более мощное взрывчатое вещество – «шимозу», которое было ничем иным, как пикриновой кислотой или тринитрофенолом, которое и было открыто Менделеевым за 15 лет до этого, в 1890 году. *Такова трагедия взаимодействия русского ученого и российского государства, когда наука не востребована ни государством, ни экономикой, которая периодически повторяется по сей день.*

- 12 -

Все, кто учился у Менделеева, подчеркивали «философскую основу его научных мировоззрений, которая сквозила в широко объемлющих формулах и глубоких анализах» (Б. П. Вейнберг). Будучи ученым и мыслителем универсалистского типа, он пытался такую же широту научного мировоззрения передать своим ученикам. Б. П. Вейнберг вспоминал: «...Экскурсы в область механики, физики, астрономии, астрофизики, космогонии, метеорологии, геологии, физиологии животных и растений, агрономии, а также в сторону различных видов техники до воздухоплавания и артиллерии включительно, – были части в его лекциях» [9, с. 117]. В. Е. Грум-Гржимайло отмечал, что в лекциях Менделеев «передавал своим ученикам свое умение наблюдать и мыслить, что не дает ни одна книга... Педагоги, делающие из инженеров коробочку с двадцатью местами ручного багажа, боятся чего-нибудь не досказать студенту.. недодать ему рецептов на всю жизнь... Когда Д. И. Менделеев учил химически думать, он делал не только свою работу, не только работу всего цикла химических наук, но работу всего естественного факультета» [9, с. 118].

- 13 -

Менделеев был и великим ученым, и великим учителем, и великим гражданином России своей эпохи.

В Менделееве, на мой взгляд, запечатлелся универсализм пушкинского цикла эпохи великого русского Возрождения, который приблизительно охватывает время с ~ 1810 – 1820 гг. по 1910 – 1920 гг.

Этот универсалистский цикл породил, кроме универсального гения А. С. Пушкина, такие не менее универсальные умы, каковыми являются Ф. М. Достоевский, Н. Ф. Федоров, Л. Н. Толстой, Н. Е. Жуковский, К. Э. Циолковский, В. С. Соловьев, Ф. И. Тютчев и другие. И этот цикл породил из своих оснований вернадскианский цикл, который в начале XXI века подвигает Россию вместе с человечеством к ноосферному прорыву, к управляемой социоприродной эволюции на базе научно-образовательного общества и общественного интеллекта.

Многие идеи, которые входят в учение о ноосфере В. И. Вернадского и ноосферизм как научно-мировоззренческую систему и программу ноосферно-ориентированного синтеза наук в XXI веке, имеются в той или иной форме представления уже у Д. И. Менделеева.

Вот как писал Д. И. Менделеев, подчеркивая связь науки и тех процессов, которые определяются гомеостатическими механизмами биосферы и планеты Земля как суперорганизмов:

«Развитие метеорологических наблюдений в Европе и Северной Америке дало возможность доказать, что вихри существуют постоянно и в наших широтах, и если они здесь не достигают такой силы, как под тропиками, то здесь охватывают они несравненно больше, чем там, пространство. Вихри, достигающие к нам, обыкновенно направляются из океана, следуют в нем по берегу той реки в океане, которую называют Гольфстримом, и двигаются чаще

всего с запада на восток. Прохождение вихря в данной местности, с несомненностью, определяет многие перемены в состоянии погоды этого места... Естествоиспытатели не пророки, а науку пытаются сделать пророческующей» [5, с. 551; 552].

Д. И. Менделеев всегда подчеркивал необходимость тесного союза науки как производительной силы и силы управления и общественного развития. А этот союз и лежит в основе модели «Ноосферы Будущего» как управляемой социоприродной эволюции – как императива выживаемости человечества в XXI веке. Менделеев подчеркивал – «общее совершенствование посредством блага отдельных лиц, семей, народов и государств» [5, с. 473], что и есть ноосферная гармония на языке ноосферного учения.

С. Цвейг как-то сказал о Д. И. Менделееве как о «гении одной ночи». Красивый, броский образ, слегка ироничный, и неверный.

«Одна ночь» открытия Периодического закона гением Менделеева 17 февраля 1869 года была подготовлена все эволюцией сознания и бессознательного Менделеева, в которых отпечатались не только творческая жизнь автора закона, его исследовательского поиска, но и «генетика» всех предыдущих поколений, социогенетика культуры и науки России и мира.

В одном мгновении Эволюции отпечатывается, в соответствии с Законом спиральной фрактальности системного времени, вся предшествующая Эволюция.

Гений Д. И. Менделеева останется навсегда в истории человеческой мысли, пока будет живо человечество, потому что Периодический закон бытия мира атомов – химических элементов – это закон бытия Вселенной, открытый человеческим Разумом в лице Менделеева.

Дмитрий Иванович Менделеев – титан эпохи русского Возрождения. Его творчество – это великое Слово этой Эпохи всему миру человечества. Следующим Словом будет Космо-Ноосферный прорыв человечества, вне которого ни у России, ни у творчества нет будущего [7].

Собрание сочинений Д. И. Менделеева имеет 24 тома, из них только один том посвящен теме Периодической системы элементов. Все это свидетельствует об огромном богатстве творческого наследия Менделеева, которое еще ждет своего познания и своей актуализации через призму задач современного развития мира и России.

В 2009 году председатель Санкт-Петербургского Научного центра РАН лауреат Нобелевской премии академик Жорес Иванович Алферов предложил присвоить Санкт-Петербургскому университету имя Дмитрия Ивановича Менделеева. Предложение остается. Ведь носит МГУ имя М. В. Ломоносова. Разве Санкт-Петербургский университет не достоин имени титана эпохи русского Возрождения Д. И. Менделеева, великого ученого-энциклопедиста, русского космиста-мыслителя? – Конечно, достоин. Осталось только осознать такую необходимость, а за этим осознанием будет стоять осознание нашим научным и академическим сообществом действительного значения Дмитрия Ивановича Менделеева для нашей жизни и нашего будущего.

Список литературы

1. В. И. Вернадский и ноосферная парадигма развития общества, науки, культуры, образования и экономики в XXI веке: коллективная монография / Под науч. ред. А. И. Субетто и В. А. Шамахова. В 3-х томах. – СПб.: Астерион, 2013. – 1742 с.
2. Вернадскианская революция в научно-образовательном пространстве России: коллективная монография / Под науч. ред. А. И. Субетто и В. А. Шамахова. – СПб.: Астерион, 2013. – 404 с.
3. Вернадскианская революция в системе научного мировоззрения – поиск ноосферной модели будущего человечества в XXI века / Под науч. ред. А. И. Субетто. – СПб.: Астерион, 2003. – 598 с.
4. Елисеев Э. Н., Сачков Ю. В., Белов Н. В. Потоки идей и закономерности в развитии естествознания. – Л.: Наука, ЛО, 1982. – 300 с.
5. Менделеев Д. И. К познанию России. – М.: Айрис Пресс, 2002. – 576 с.
6. Менделеев Д. И. Основатель государственной метрологической службы России: Материалы международной научно-технической конференции, посвященной 175-летию со дня рождения Д. И. Менделеева / Под общ. ред. В. В. Окрепилова. – СПб.: Легаси, 2009. – 112 с.
7. Субетто А. И. Зов будущего: мир, человечество и Россия на пути к ноосферной гармонии. – СПб.: Астерион, 2014. – 632 с.
8. Субетто А. И. Эпоха Русского Возрождения в персоналиях. I том. Титаны Русского Возрождения. – СПб. – Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2008. – 500 с.
9. Юбилей Д. И. Менделеева. Материалы расширенного заседания Президиума Санкт-Петербургского научного центра РАН / Под общ. ред. В. В. Окрепилова. – СПб.: Наука, 2009. – 208 с.

References

1. Subetto A. I., Shamakhov V. A. V. I. Vernadskiy and Noospheric Paradigm of Development of Society, Science, Culture, Education and Economy in the XXI Century [*V. I. Vernadskiy i noosfernaya paradigma razvitiya obschestva, nauki, kultury, obrazovaniya i ekonomiki v XXI veke*]. Saint Petersburg, Asterion, 2013, 1742 p.
2. Subetto A. I., Shamakhov V. A. Vernadskiy's Revolution in Scientific and Educational Space of Russia [*Vernadskianskaya revolyutsiya v nauchno-obrazovatel'nom prostranstve Rossii*]. Saint Petersburg, Asterion, 2013, 404 p.
3. Subetto A. I. Vernadskiy's Revolution in the System of Scientific Worldview – Search of Noospheric Model of Human Future in the XXI Century [*Vernadskianskaya revolyutsiya v sisteme nauchnogo mirovozzreniya – poisk noosfernoy modeli buduschego chelovechestva v XXI veka*]. Saint Petersburg, Asterion, 2003, 598 p.
4. Eliseev E. N., Sachkov Yu. V., Belov N. V. Flows of Ideas and Patterns in the Development of Science [*Potoki idey i zakonomernosti v razvitii estestvoznaniya*]. Leningrad, Nauka, LO, 1982, 300 p.

-
5. Mendeleev D. I. Toward Knowledge of Russia [*K poznaniyu Rossii*]. Moscow, Ayris Press, 2002, 576 p.
 6. Okrepilov V. V. Mendeleev D. I. – the Founder of the State Metrological Service of Russia [Mendeleev D. I. Osnovatel gosudarstvennoy metrologicheskoy sluzhby Rossii]. *Materialy mezhdunarodnoy nauchno-tekhnicheskoy konferentsii, posvyaschennoy 175-letiyu so dnya rozhdeniya D. I. Mendeleeva* (Materials of International Scientific and Technical Conference Dedicated to the 175th Anniversary of D. I. Mendeleev). Saint Petersburg, Legasi, 2009, 112 p.
 7. Subetto A. I. Call of Future: the World, Humanity and Russia on the Way to Noospheric Harmony [*Zov buduschego: mir, chelovechestvo i Rossiya na puti k noosfernoy garmonii*]. Saint Petersburg, Asterion, 2014, 632 p.
 8. Subetto A. I. The Epoch of Russian Renaissance in Personalities. Vol. 1. The Titans of Russian Renaissance [*Epokha Russkogo Vozrozhdeniya v personaliyakh. I tom. Titany Russkogo Vozrozhdeniya*]. Saint Petersburg – Kostroma, KGU im. N. A. Nekrasova, 2008, 500 p.
 9. Okrepilov V. V. Jubilee of D. I. Mendeleev [Yubiley D. I. Mendeleeva]. *Materialy rasshirennogo zasedaniya Prezidiuma Sankt-Peterburgskogo nauchnogo tsentra RAN* (Materials of the Extended Meeting of the Presidium of the St. Petersburg Scientific Center RAS). Saint Petersburg, Nauka, 2009, 208 p.

УДК 612.821; 159.91

Психофизиологическая проблема – сквозная в творчестве В. С. Дерябина*

Забродин Олег Николаевич – Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный медицинский университет имени академика И. П. Павлова Министерства здравоохранения Российской Федерации», кафедра анестезиологии и реаниматологии, старший научный сотрудник, доктор медицинских наук, Россия, Санкт-Петербург.

E-mail: ozabrodin@yandex.ru

193232, Россия, Санкт-Петербург, ул. Льва Толстого, 6-8,

тел.: +7(812) 585-60-13.

Авторское резюме

Предмет исследования: Анализ становления и развития взглядов физиолога и психиатра, ученика Э. Крепелина и И. П. Павлова профессора В. С. Дерябина на психофизиологическую проблему в аспекте его представлений о роли потребностей и аффективности (чувств, влечений и эмоций) в психической деятельности и поведении человека.

Результаты: Анализ показал, что приверженность В. С. Дерябина изучению психофизиологической проблемы определила не только содержание его научных исследований, но и характер жизненных устремлений. Такая приверженность определила выбор медицинской специальности – психиатрии, работу в лабораториях И. П. Павлова в качестве соискателя, последующие исследования у психических больных с органическими повреждениями головного мозга и, наконец, возвращение к работе в области физиологии высшей нервной деятельности. К изучению психофизиологической проблемы В. С. Дерябин подходил с позиций материалистического монизма. Ключом к решению психофизиологической проблемы ученый считал изучение роли аффективности в психической деятельности и поведении животных и человека. Этому посвящены работы В. С. Дерябина: монография «Чувства, влечения и эмоции», в которой он обосновал основные положения учения о физиологических основах аффективности, и психофизиологические очерки «О сознании», «О Я», «О счастье», «О гордости».

Выводы: В своих исследованиях аффективности как явления психофизиологического В. С. Дерябин преодолел дуализм в изучении человека – существа биологического и социального, и выявил зависимость психических процессов от потребностей и сигнализирующих о них чувств, влечений и эмоций.

Ключевые слова: психофизиологическая проблема; аффективность;

* © О. Н. Забродин, 2014.

чувства; влечения; эмоции.

Psycho-physiological Problem is a Fundamental Problem in V. S. Deryabin's Works

Zabrodin Oleg Nikolaevich – St. Petersburg State Medical University Named after Academician Pavlov, Ministry of Public Health of Russian Federation, Anesthesiology and Resuscitation Department, senior research worker, Doctor of Medical Sciences. St. Petersburg, Russia.

E-mail: ozabrodin@yandex.ru

6-8 Lew Tolstoy st., St. Petersburg, Russia, 197022,

tel: 8(812) 585-60-13.

Abstract

Purpose: The analysis of view formation and development of professor V. S. Deryabin, a physiologist and psychiatrist, E. Krepelin's and I. P. Pavlov's follower, on a psychophysiological problem including his ideas of the role of needs and affectivity (feelings, inclinations and emotions) in man's mental activity and behavior.

Results: The analysis has shown that V. S. Deryabin's devotion to studying the psychophysiological problem defined not only the content of his scientific research, but also the nature of vital aspirations. Such devotion determined his choice of medical sphere, i.e. psychiatry, his work in I.P. Pavlov's laboratories, the research of mental patients with organic brain injuries, and, at last his return to the field of physiology of higher nervous activity. V. S. Deryabin studied the psychophysiological problem on the basis of materialistic monism. The scientist considered the study of the role of affectivity in animal and human mental activity and behavior to be a key to the solution of the psychophysiological problem. The following V. S. Deryabin's works, namely, his monograph "Feelings, Inclinations and Emotions", in which he formulated the main principles of his doctrine of physiological affectivity bases, and psychophysiological essays "About Consciousness", "About Ego", "About Happiness", "About Pride" are devoted to this problem.

Conclusions: In his research of affectivity as psycho-physiological phenomenon V.S. Deryabin overcame dualism in man's studying as biological and social being and revealed the dependence of mental processes on needs as well as feelings, inclinations and emotions based on them.

Keywords: psycho physiological problem; affectivity; feelings, inclinations, emotions.

Приступая к написанию статьи, натолкнулся на высказывание Анатоля Франса. В 1914 г в романе «Восстание ангелов» он писал: «Но что такое дух и что такое материя? Раньше их противопоставляли друг другу. Теперь же... человеческая наука старается объединить их как два аспекта одной и той же

сущности» [42, с. 250]. Это глубокое замечание известного писателя и мыслителя было созвучно устремлению И. П. Павлова наложить на физиологическую канву субъективные явления человека.

Соотношение духовного и материального, психического и физиологического в человеке с юношеских лет занимало внимание Викторина Сергеевича Дерябина (1875 – 1955) – физиолога и психиатра, ученика и последователя Ивана Петровича Павлова [24; 25; 28]. По этому поводу он в «Письме внуку» писал следующее: «Когда-то я думал, что человек – существо разумное, одаренное свободной волею, но вот перед моими глазами прошла жизнь многих людей, и я понял, что все не так просто, как прежде казалось, что я, в сущности, не знаю, что такое человек... Человек знает себя со стороны чувств, желаний, надежд, опасений, симпатий и антипатий, мыслей и намерений, но не знает, как и почему они возникают, не знает их материальной, физиологической и социальной обусловленности. Из этого незнания вытекает масса самообманов, иллюзий, заблуждений, о которых человек не подозревает. Он очень часто не сознает, что чувства, желания, эгоизм, честолюбие и т. д. управляют его разумом. Когда я разглядел все это, передо мною встал вопрос: что такое человек с его «свободной волей» и его поступками? Тогда-то я и стал психиатром, изучал психологию и физиологию центральной нервной системы, и это определило направление всей моей работы, стало делом жизни» [16, с. 60 – 61].

На выбор специальности оказал влияние известный немецкий психиатр Эмиль Крепелин, лекции которого В. С. Дерябин слушал во время учебы в Мюнхенском университете. Стремление к выяснению материальной, физиологической основы психической деятельности привело его в лаборатории И. П. Павлова при Императорских Институте экспериментальной медицины (ИИЭМ) и Военно-медицинской академии (ИВМА). Здесь он под руководством И. П. Павлова с 1912 по 1914 гг. выполняет диссертационную работу. По свидетельству А.Г.Иванова-Смоленского [26], В. С. Дерябин был первым психиатром, работавшим у И. П. Павлова в качестве соискателя. В марте 1917 г. в ИВМА он защищает докторскую диссертацию на тему: «Дальнейшие материалы к физиологии времени как условного возбудителя слюнных желез» [2]. Работа В. С. Дерябина находилась в ряду работ, которые И. П. Павлов приводит в своем обобщающем труде «Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных» [35, с. 359], и явилась одним из кирпичиков, из которых И. П. Павлов создавал стройное здание учения о высшей нервной деятельности (ВНД).

Работу в качестве психиатра В. С. Дерябин продолжил в 1920 г. в Сибирской областной психиатрической лечебнице в г. Томске. Интерес к психофизиологической проблеме отражает его доклад «К истории психологии», сделанный на конференции врачей в 1922 г. [3]. В докладе-статье автор приводит подробный обзор взглядов философов на эту проблему. В частности, он подробно останавливается на представлениях известного немецкого физика Эрнста Маха, который выдвинул монистический вариант психофизиологической проблемы. Э. Мах сделал попытку вывести все явления

душевной жизни из ощущений, проследив влияние ощущений, как основы, при всяком усложнении в развитии психики, включая до высших проявлений интеллекта. Ощущение есть одновременно субъективное, психическое явление, и, вместе с тем, оно может быть изучено объективно физическими методами (например, слух, зрение). Значительное место в этой статье В. С. Дерябин уделяет изложению учения И. П. Павлова о ВНД, которое составляет физиологическую основу психических процессов. Статью автор завершает убежденностью в том, что «в сравнительно недалеком будущем выяснением физической стороны психических процессов и установлением функциональных отношений ее к явлениям субъективным будет выяснена объективная обусловленность психических процессов и их взаимная связь» [3, с. 20].

Знакомство с докладом, сделанным В. С. Дерябиным в 1922 г, показывает, что уже в это время у него начали складываться представления, легшие в основу учения о физиологических основах аффективности, изложенных им в последующей монографии «Чувства, влечения и эмоции».

Важным этапом в формировании взглядов В. С. Дерябина на психофизиологическую проблему явилось изучение им психических нарушений у больных в исходных состояниях эпидемического энцефалита [4; 6; 23]. На основании выполненных исследований в обобщающей статье «О закономерности психических явлений» [5; 17] В. С. Дерябин приходит к выводу: «Изучение эпидемического энцефалита показало, что эмоционально-волевая сфера связана со стволом мозга, с образованиями, которые в ходе развития организмов появляются ранее, чем полушария мозга с корой. Мозговая кора и связанные с ней интеллектуальные процессы в филогенезе появляются позднее. Следует полагать, что установленная психологическим исследованием зависимость интеллекта от эмоциональной сферы связана с анатомической организацией мозга» [17, с. 1318 – 1319].

В указанной статье ученый намечает пути изучения психики человека с позиций учения И. П. Павлова о ВНД и учения А. А. Ухтомского о доминанте. Главные положения статьи легли в основу монографии «Чувства, влечения и эмоции», первый вариант которой был написан в 1928 – 1929 гг. По представлениям В. С. Дерябина, ключ к решению психофизиологической проблемы лежит в изучении чувств, влечений и эмоций. В них физиологическое и психическое находятся в неразрывном единстве. И в наше время эмоции зачастую не относят к явлениям психическим. Это находит выражение в широко принятом термине «психоэмоциональный».

В статье «О закономерности психических явлений» В. С. Дерябин впервые выдвинул положение о «единой психофизиологической доминанте» при влечениях (ныне – мотивациях). На примере голода ученый показал, что ощущения голода и психические переживания при нем находятся в неразрывном единстве, подчиняясь закону доминанты А. А. Ухтомского [41]. Как подчеркивал В. С. Дерябин, все психические функции (восприятие, внимание, отбор ассоциаций, мышление) и двигательная активность подчинены единой цели – поискам путей к удовлетворению господствующего влечения к пище и лежащей в его основе доминирующей потребности организма в

поддержании химического и физико-химического постоянства внутренней среды организма (гомеостаза). В субъективном сознании это проявляется в стремлении прекратить неприятные ощущения с их негативной эмоциональной окраской, связанные с «голодными сокращениями» желудка.

В афористичной форме В. С. Дерябин [14, с. 102] это выразил словами: «Подхлестывая страданием и маня удовольствием, организм создает субъективные методы действий, направляя работу психики к удовлетворению своих очередных потребностей». При этом автор отрицает психофизиологический параллелизм В. Вундта, находясь на позициях материалистического монизма.

1927 – 1933 гг. были для В. С. Дерябина периодом интенсивной организационной деятельности. В это время он организует первую в Восточной Сибири кафедру психиатрии; будучи деканом медицинского факультета Иркутского госуниверситета, он принимает активное участие в создании Восточно-Сибирского медицинского института и Восточно-Сибирского краевого научно-медицинского общества [7]. Клиническая работа того времени была далека от научных устремлений ученого. Итогом ее явился сборник трудов Восточно-Сибирского медицинского института «Сифилис при душевных болезнях. Под общ. ред. проф. В. С. Дерябина» [40]. Между тем, положение, сложившееся в психиатрии к началу 30-х гг., глубоко не удовлетворяло В. С. Дерябина и как психиатра и как физиолога. Об этом он писал в «Автобиографии». «Работая по психиатрии, пришел к заключению, что, руководясь клинико-психологическим методом исследования, психиатрия после установления основных нозологических единиц зашла в тупик, что выяснение патологической сущности психических заболеваний может дать лишь материалистическое исследование, и в первую очередь физиология и патофизиология нервной системы» [28, с. 98].

Сказанное заставило его в 1933 г. вернуться к работе в области физиологии. После переезда в Ленинград он по рекомендации И. П. Павлова работает в руководимом Л. А. Орбели отделе специальной и эволюционной физиологии Всесоюзного института экспериментальной медицины, а после его реорганизации – в Институте эволюционной физиологии и патологии высшей нервной деятельности.

В предвоенные годы психофизиологическая проблема интересует В. С. Дерябина в аспекте корково-подкорковых взаимоотношений. В 1930 г. появляется работа И. П. Павлова «Физиология и патология высшей нервной деятельности», в которой он пишет следующее. «Высшая нервная деятельность складывается из деятельности больших полушарий и ближайших подкорковых узлов, представляя собой объединённую деятельность этих двух важнейших отделов центральной нервной системы.... В подкорковых центрах заключён фонд основных жизнедеятельностей организма ... подкорка оказывает положительное влияние на кору больших полушарий, выступая в качестве источника их силы» [33, с. 402 – 403].

Эти представления И. П. Павлова были созвучны выполненным В. С. Дерябиным клиническим наблюдениям психических нарушений у

больных эпидемическим энцефалитом. Прямым продолжением их представляются экспериментальные исследования, предпринятые им после переезда в Ленинград. Первым из них явилось изучение влияния повреждения таламуса и гипоталамической области у собак на ВНД. Повреждение указанных образований головного мозга привело к глубокому нарушению ВНД. Оно состояло в резком понижении интенсивности процессов условного возбуждения и ослаблении тормозных процессов, с изменением соотношения этих процессов в сторону преобладания торможения. При этом наступало понижение общей активности собак, нарушение функций зрительного и тактильного анализаторов, а также ослабление реакций на слабые раздражители при сохранении активно-оборонительных реакций на более сильные. Автор отмечает, что подобные нарушения оказались наиболее сходными с изменениями ВНД, отмеченными исследователями у старых собак, у собак с удаленной щитовидной железой или верхними симпатическими ганглиями. Во всех этих трех случаях усматривается ослабление или выключение активирующих симпатических влияний на ЦНС. Отсюда автор делает вывод о том, что «причину понижения возбудимости коры головного мозга следует видеть в повреждении вегетативных центров гипоталамической области» [10]. Такой вывод вполне согласуется с заключением В. С. Дерябина о том, что ослабление психических процессов у больных эпидемическим энцефалитом связано с повреждением патологическим процессом вегетативных подкорковых центров [6]. Все полученные факты свидетельствовали об ослаблении активирующего влияния на кору головного мозга его подкорковых образований.

Второе направление исследований состояло в изучении влияния на ВНД психотропного средства бульбокапнина, вызывающего у собак развитие кататонии, подобной той, которая имеет место у больных шизофренией. В этой работе сказался интерес психиатра к выяснению патофизиологических механизмов кататонического синдрома [11]. Исходным пунктом этого исследования послужила статья И. П. Павлова «Пробная экскурсия физиолога в область психиатрии», в которой он даёт углублённое изложение своих взглядов на кататонию. Согласно им, кататонические симптомы при гипнозе и при шизофрении возникают вследствие распространения торможения по различным отделам коры больших полушарий и различным отделам головного мозга, «в силу чего ближайшая подкорка ... освобождается от постоянного контроля, постоянного торможения со стороны полушарий...» [32, с. 130].

В статье «Об экспериментальной бульбокапниновой кататонии у собак» В. С. Дерябин [11] отмечает возникновение под влиянием подкожного введения возрастающих доз бульбокапнина последовательного торможения коры головного мозга и подкорковых образований собак, выражающегося в ослаблении выработанных условных (пищевых, кислотных, двигательных) рефлексов. Отмеченное торможение проявлялось также в развитии каталепсии, достигающей степени восковой гибкости скелетных мышц конечностей, в возникновении негативизма – безусловного рефлекса, который автор назвал «рефлексом сохранения позы», а также активнооборонительных реакций.

Таким образом, исследование В. С. Дерябиным бульбокапниновой кататонии у собак выявило значительное сходство её симптомов с кататоническими симптомами у людей в состоянии гипноза и у больных шизофренией, подтвердив предположение И. П. Павлова о том, что в основе этого явления лежит своеобразное разлитое торможение коры головного мозга и близлежащей подкорки. Вместе с тем, эту работу уместно отнести к первым психофармакологическим исследованиям.

Психофизиологический метод исследования нашел продолжение в работах В. С. Дерябина 30 – 40-х гг., посвященных кардинальным проблемам психологии: «О сознании», «О Я», «О счастье». Недаром он назвал перечисленные работы психофизиологическими очерками [15].

В середине 30-х гг. им написан очерк «О счастье» – по сути, монография, в которой нашли отражение физиологический, психологический, философский, социологический, эволюционный, онтогенетический, возрастной, психофизиологический, неврологический, психиатрический и даже психофармакологический аспекты этого психического переживания и социального явления.

Задачу исследования ученый сформулировал так: «Психофизиологическое изучение имеет объектом исследования ряд реакций положительного чувственного тона, наблюдающихся у здорового человека, а также при патологических состояниях организма и психофармакологических воздействиях» [15, с. 177]. Заканчивая очерк вопроса о счастье, автор пишет: «При психофизиологическом исследовании здесь установлены проявления общих принципов деятельности нервной системы: закона временной связи, закона адаптации и индукции, принципа доминанты, установлены проявления в психической области общих закономерностей во взаимоотношениях подкорковых образований и коры головного мозга и др.; установлена связь психических реакций с функционированием определенного анатомо-физиологического субстрата (роль зрительного бугра и гипоталамуса при переживаниях положительного чувственного тона, роль вегетативно-эндокринного аппарата и др.). Изучение вопроса с психофизиологической точки зрения несомненно имеет очень большое значение» [15, с. 181 – 182].

Занимаясь научным исследованием психофизиологической проблемы, В. С. Дерябин одновременно являлся ее популяризатором. Примером служит его статья «Душа и мозг», опубликованная в журнале «Наука и жизнь» в 1940 г [8]. Статья начинается разделом «Зависимость душевных явлений от мозга». По-видимому, ученый использует архаичный термин «душевные явления» вместо «психические явления», полемизируя с религиозными воззрениями. В этом разделе приводятся накопившиеся к тому моменту факты зависимости психики от различных воздействий на мозг (травма, нарушение мозгового кровообращения, различные заболевания, лихорадка, нарушения химического состава крови при голоде, воздействие алкоголя, наркотических и психофармакологических средств и т. п.).

В качестве примера сильного психотического средства автор приводит мескалин, вызывающий у людей яркие зрительные переживания, достигающие

степени галлюцинаций. В качестве примера единства физиологических и психических процессов В. С. Дерябин приводит зависимость развития психики от развития отделов головного мозга. Зависимость высших психических функций от коры головного мозга автор иллюстрирует результатами экспериментов на собаках с удаленной корой головного мозга. У таких животных сохраняются реакции на раздражение органов чувств, однако исчезает ориентировка во внешней среде, а также реакции, связанные с накопленным жизненным опытом.

На рисунке извилин левого полушария головного мозга человека автор иллюстрирует зависимость нарушения психических функций от поражения патологическим процессом различных отделов головного мозга. При этом он подчеркивает, что протекание психических процессов в нем происходит путем согласованной деятельности его отделов и всего мозга в целом.

В небольшой по объему научно-популярной статье от описания приуроченности психических функций к нервным структурам автор переходит к психологическому понятию «личность» и ее нарушениям при органических повреждениях головного мозга.

Психофизиологический подход нашел отражение и в статье «Эмоции как источник силы» [9]. В ней ученый приводит примеры «динамогенного действия эмоций», вплоть до социальных, когда чувство патриотизма, проявляемое нашими войнами во время Великой Отечественной войны, давало образцы беспримерной физической и психической выносливости. В основе этого феномена, как показал В. С. Дерябин, лежит усиление адаптационно-трофической функции симпатической нервной системы, проявляемой в отношении органов чувств, скелетных мышц и центральной нервной системы [30].

В 1944 г. В. С. Дерябин возвращается в Ленинград из Свердловска, где он работал врачом-невропатологом в клинике нервных болезней Свердловского медицинского института, занимаясь лечением воинов с ранениями головного и спинного мозга. В это время его экспериментальные исследования продолжились в Институте физиологии им. И. П. Павлова АН СССР и были посвящены выяснению влияния децентрализации – перерезки спинного мозга и биологически активных веществ (ацетилхолин, адреналин) на рефлекторную возбудимость задних конечностей собак.

Несмотря на повседневную занятость экспериментальной работой, Викторин Сергеевич не оставлял изучения психофизиологической проблемы.

В очерках «О сознании» и «О Я», написанных во второй половине 40-х гг., психофизиологический метод был применен В. С. Дерябиным с целью изучения психологических проблем сознания и самосознания. Как упоминалось, оба очерка вошли в монографию «Психология личности и высшая нервная деятельность». С психофизиологических позиций сознание рассматривается автором как функция мозга, непосредственно связанная с его механизмами, в первую очередь – с ВНД. При этом автор подчеркивает, что сознания как особой психической функции, отдельной от других психических функций, нет. Эти высказывания автора нашли подтверждение в данных

психопатологии [29], которые свидетельствуют о том, что ослабление, нарушение или выключение отдельных или нескольких психических функций, связанных с повреждением отделов головного мозга, вызывают те или иные нарушения сознания.

В психофизиологическом очерке «О Я» монографии «Психология личности и высшая нервная деятельность» В. С. Дерябин [15] приводит уровни интеграции соматических и психических процессов в организме, вершиной которых является переживание собственного «я». По В.С. Дерябину, эти уровни в процессе усложнения таковы: от интеграции соматических процессов в организме, через соматопсихическую интеграцию к высшей психофизиологической интеграции.

В работе «О Я» В. С. Дерябин отмечает, что «я» нельзя связать с каким-нибудь одним отделом головного мозга. «Я есть словесное обозначение индивидом своего организма как целого, в его психофизиологическом единстве. К я относится мое тело, мои чувствования, мои желания: я думаю, я решаю, я действую. Это я с его телом, с его чувствами, мыслями, стремлениями и действиями противостоит внешнему миру и находится с ним в постоянных и многообразных отношениях» [15, с. 63].

Таким образом, в своих психофизиологических исследованиях кардинальных проблем психологии (сознание, самосознание, социальные чувства и др.) В. С. Дерябин ведущее место отводил аффективности, которая интегрирует психические процессы (внимание, восприятие, мышление, активность) с целью добиться удовлетворения актуализированной потребности. Эти взгляды нашли подтверждение и развитие в представлениях современных авторов [27; 38; 39; и др.]. Так, согласно К. Изарду [27, с. 27], «эмоция – это нечто, что переживается как чувство (feeling), которое мотивирует, организует и направляет восприятие, мышление и действия».

В 1949 г. в связи со 100-летием со дня рождения И. П. Павлова В. С. Дерябин пишет три статьи, в которых применяет психофизиологический метод исследования. Первой была статья, посвященная воспоминаниям об учителе – Иване Петровиче Павлове [22]. В «Воспоминаниях» В. С. Дерябин дает анализ творческой личности И. П. Павлова и вместе с тем обосновывает принципы анализа личности выдающихся ученых, включающие их *психофизические конституции* (разрядка моя – О. 3), которые могут быть применены при написании их биографий и исследовании научного творчества. Ученый остается верен психофизиологическому подходу, включающему освещение роли наследственных факторов, конституции, темперамента, типа ВНД, соотношения процессов возбуждения и торможения. Там же в качестве задатков будущей творческой активности И. П. Павлова В. С. Дерябин отмечает присущее ему с детства упорство в преследовании поставленной цели, какой бы она ни была. Состязательность, стремление побеждать в детских играх (городки) сохранялись у него до глубокой старости. Любовь к физическому труду на открытом воздухе («копаться в огороде»), в чем он находил «мышечную радость», чувство от удачно выполненной физической работы были у него даже значительно ярче удовольствия от решения каких

удовно умственных задач [22, с. 141]. Далее В. С. Дерябин отмечает энергетически насыщенный темперамент И. П. Павлова, который «вызывал чрезвычайную страстность ко всякому делу, но эта страстность всегда сдерживалась и контролировалась» [22, с. 141]. В этом, по мнению В. С. Дерябина, проявлялся сильный уравновешенный тип ВНД по классификации самого И. П. Павлова [22].

Тогда же В. С. Дерябиным была написана статья «Психофизиологическая проблема и учение И. П. Павлова о «слитии» субъективного с объективным» [19]. Можно предположить, что неопубликование статьи в свое время могло быть связано с междисциплинарным, в значительной степени – философским, ее характером. В 40-х гг. философские проблемы, в частности, – соотношения материального и идеального, находились под жестким контролем партийных идеологов: идеальное (психическое) ни в коем случае недопустимо было сводить к материальному, как это делали французские энциклопедисты, в частности, – Ж. Ламетри и их последователи, – «вульгарные материалисты» (Л. Бюхнер, К. Фохт, Я. Молешотт).

В статье В. С. Дерябин последовательно рассматривает формирование и развитие взглядов И. П. Павлова по вопросу «слития» субъективного с объективным. Важными этапами на этом пути явилась книга И. М. Сеченова «Рефлексы головного мозга» (1863) и создание И. П. Павловым метода исследования функций больших полушарий головного мозга – метода условных рефлексов. Хотя исследования И. П. Павлова строго ограничивались областью физиологии, но цель его стояла дальше: «... наши исследования... должны впоследствии составить основной фундамент психологического знания» [31].

Для достижения возможности переноса объективных знаний на субъективный мир потребовалось три десятка лет упорной, широко организованной работы коллектива научных сотрудников под руководством И. П. Павлова. В 1933 г в предисловии к книге А. Г. Иванова-Смоленского «Основные проблемы высшей нервной деятельности» И. П. Павлов писал, что с установлением основных правил высшей нервной деятельности «открывалась все большая и большая возможность накладывать явления нашего субъективного мира на физиологические нервные отношения, иначе сказать, сливать те и другие... Наступает и наступит, осуществится естественное и неизбежное сближение и, наконец, слитие психологического с физиологическим, субъективного с объективным... И всяческое дальнейшее содействие этому слитию есть *большая задача ближайшего будущего науки*» [34, с. 151 – 152] – разрядка В. С. Дерябина. При этом В. С. Дерябин [19, с. 2203] подчеркивает, что слова – «слитие субъективного с объективным» И. П. Павлов, конечно, не понимал, подобно В. Вундту, как образование из двух явлений какого-то третьего... И. П. Павлов говорил о приведении физиологической работы высшего отдела головного мозга животного «... в естественную и непосредственную связь с явлениями нашего субъективного мира на многих его пунктах» [35, с. 334].

Уверенность И. П. Павлова в том, что нет психического без физиологической основы, В. С. Дерябин [19, с. 2204] подкрепляет, последовательно сопоставляя установленные И. П. Павловым законы высшей нервной деятельности с соответствующими психическими явлениями. И. П. Павлов показал, что закон образования временных связей проявляется в законе образования ассоциаций, так как «временная нервная связь есть универсальнейшее физиологическое явление... вместе с тем оно же и психическое - то, что психологи называют ассоциацией...» [35, с. 325]. При этом он подчеркивал, что в основе ассоциации по одновременности лежит условная связь, а в основе ассоциации по сходству – генерализация условных рефлексов [35, с.335].

Завершает статью В. С. Дерябин следующими словами. «Установив основные законы высшей нервной деятельности и показав путем «слития» субъективного с объективным, что они являются физиологической основой психической деятельности, он внес ценнейший в истории человеческой мысли вклад в проблему отношения психического к физиологическому в аспекте диалектического материализма: существуют не две субстанции – «дух» и тело, а единая движущаяся материя, которая в ходе эволюции создала человека с его головным мозгом, функцией которого является психика» [19, с. 2207].

Третьей статьей, представляющей творческое развитие учения И. П. Павлова, явилась статья В. С. Дерябина «Замечания по поводу брошюры академика И. С. Беритова «Об основных формах нервной и психонервной деятельности» [18]. Статья явилась ответом на отрицание И. С. Беритовым результатов исследований И. П. Павлова и его школы, выразившееся в выводе о том, что «попытка проникнуть в динамику психических явлений с точки зрения физиологических закономерностей всегда будет обеспечена на неудачу» [1].

В статье, методологической по содержанию, В. С. Дерябин выдвигает положение о том, что движущей силой поведения животных и человека являются потребности, точнее – чувства, влечения и эмоции, которые сигнализируют о потребностях и побуждают психику и поведение к их удовлетворению. Возражая против представлений И. С. Беритова о якобы спонтанной деятельности головного мозга, В. С. Дерябин [18] приводит примеры нервных, гуморальных и гормональных эндогенных влияний, активирующих психическую деятельность коры головного мозга.

В 1950 г. состоялась печально известная Объединенная сессия Академии наук СССР и Академии медицинских наук СССР, посвященная научному наследию И. П. Павлова. На ней и после ее окончания развернулась пристрастная и необъективная критика учеников И. П. Павлова, которой подвергся и И. С. Беритов. По-видимому, нежеланием участвовать в такой критике объясняется отказ В. С. Дерябина от публикации статьи.

В 1951 г. после указанной Объединённой сессии в ведущих физиологических журналах появляются две статьи В. С. Дерябина: «Аффективность и закономерности высшей нервной деятельности» [12] и «О путях развития учения И. П. Павлова о высшей нервной деятельности» [13]. В них он, опираясь на известные положения И. П. Павлова о корково-

подкорковых взаимоотношениях, концентрирует внимание физиологов на изучении чувств, влечений и эмоций и их субстрата – «базальных ганглиев» – глубоких структур головного мозга.

В 1951 г. В. С. Дерябин вышел на пенсию, оставаясь штатным сотрудником Индивидуальной группы академика Л. А. Орбели АН СССР. По-видимому, главной причиной этого шага явилось желание посвятить оставшиеся годы обобщающим трудам, посвященным психофизиологическому подходу к вопросу о передаче социальных влияний на психику и поведение людей. Такой системный подход уместно назвать социопсихофизиологическим. Именно в период с 1951 г. по 1954 г. им были написаны работы «Об эмоциях, связанных со становлением в социальной среде», «О потребностях и классовой психологии», «О некоторых законах диалектического материализма в психологии». Эти работы не были опубликованы при жизни автора.

Работа «О потребностях и классовой психологии» [20] состоит из двух глав: «Об органических потребностях» и «Классовая психология». Объединение двух глав в одном произведении было обусловлено, по-видимому, стремлением автора поставить потребности человека в качестве основы развития его психики и поведения – от биологических до потребностей развития – социальных. Вторая глава этой работы – «Классовая психология» вошла в виде раздела в подготовленную к печати к 1936 г. монографию «Чувства, влечения и эмоции», что само по себе говорит о приоритетности подхода В. С. Дерябина к изучению социальной психологии. Со стороны физиолога, разрабатывавшего психофизиологический подход к изучению важнейших проблем психологии (детерминизм человеческого поведения, анатомио-физиологический подход к изучению психических функций и др.), такой подход представляется достаточно смелым. Дело осложнялось и тем, что автор предлагал эту монографию «как пособие для студентов медиков при прохождении курса психиатрии».

За основу второй статьи – «О некоторых законах диалектического материализма в психологии», В. С. Дерябин [21] взял «закон единства и борьбы противоположностей» в его интерпретации, данной В. И. Лениным в работе «К вопросу о диалектике». В первой части этой большой статьи В. С. Дерябин рассматривает проявление закона единства и борьбы противоположностей во взаимодействии человека с природой, что представляется ранним этапом в развитии человека как природного существа. При этом он подчеркивает роль высшей нервной деятельности – безусловных и условных рефлексов в адаптации животных и человека к неблагоприятным условиям среды, отмечая коренные отличия человека от животных: развитие второй сигнальной системы, абстрактного мышления, воли, внимания и аффективности. Дальнейшее развитие человека в обществе автор рассматривает в связи с возникновением высших психических и физиологических функций головного мозга, во взаимодействии с развитием способов добывания средств к жизни. В этом аспекте он видит борьбу антагонистических классов, связанных в единое целое в экономической структуре общества.

Второй раздел работы носит название «Самодвижение организма и развитие психики». В. С. Дерябин заключает ее словами: «Только изучение физиологического субстрата познавательных и аффективных процессов в их совместном действии выяснит материальную основу влияния общественного бытия на сознание человека и вместе с тем установит факторы, определяющие направление его самодвижения в условиях социальной среды».

Таким образом, изучение проблемы соотношения душевного и материального, психического и физиологического проходит красной нитью через всю научную жизнь Викторина Сергеевича Дерябина, которого по праву следует назвать не только учеником и последователем своего учителя – Ивана Петровича Павлова, но и истинным продолжателем его дела.

Список литературы

1. Беритов И. С. Об основных формах нервной и психонервной деятельности. – М.: Изд. АН СССР, 1947. – 116 с.
2. Дерябин В. С. Дальнейшие материалы к физиологии времени как условного возбудителя слюнных желез: Диссертация на степень доктора медицины. – Петроград, 1916. – 159 с.
3. Дерябин В. С. К истории психологии // Известия Томского государственного университета – 1925. – Т.76. – С. 1 – 20.
4. Дерябин В. С. К вопросу о состоянии вегетативной нервной системы при исходных состояниях эпидемического энцефалита // Медико-биологический журнал – 1926. – №3 – С. 41 – 52.
5. Дерябин В. С. О закономерности психических явлений // Иркутский медицинский журнал – 1927. – Т.5, №6. – С.1 – 14.
6. Дерябин В. С. Эпидемический энцефалит в психопатологическом отношении // Сибирский архив теоретической и клинической медицины. – 1928. – Т.3, кн. 4. – С. 317 – 323.
7. Дерябин В. С. Задачи Восточно-Сибирского краевого научно-медицинского общества // Сов. мед. Вост. Сибири. – 1931. – №4. – С. 3 – 7.
8. Дерябин В. С. Душа и мозг // Наука и жизнь. – 1940 – № 3. – С. 9 – 12.
9. Дерябин В. С. Эмоции как источник силы // Наука и жизнь. – 1944. – № 10. – С. 21 – 25.
10. Дерябин В. С. Влияние повреждения thalami optici и гипоталамической области на высшую нервную деятельность // Физиол. журн. СССР. – 1946. – Т. 32, вып. 5. – С. 533 – 548.
11. Дерябин В. С. Об экспериментальной бульбокапниновой кататонии у собак // Журн. высш. нервн. деятельности. – 1951. – Т.1, вып. 4. – С. 469 – 478.
12. Дерябин В. С. Аффективность и закономерности высшей нервной деятельности. // Журн. высш. нервн. деятельности. – 1951. – Т.1, вып. 6. – С. 889 – 901.
13. Дерябин В. С. О путях развития учения И. П. Павлова о высшей нервной деятельности // Физиол. журн. СССР. – 1951в. – Т. 37, вып. 2. – С.140 – 144.

14. Дерябин В. С. Чувства, влечения и эмоции: О психологии, психопатологии и физиологии эмоций. Изд. 1-е. – Л.: Наука. – 1974. – Изд. 3-е. – М.: Изд. ЛКИ. – 2013. – 224 с.
15. Дерябин В. С. Психология личности и высшая нервная деятельность. (Психофизиологические очерки «О сознании», «О Я», «О счастье»). Изд. 1-е. – Л.: Наука. – 1980. – 199 с. Изд. 2-е, доп. – М.: Изд. ЛКИ. – 2010. – 202 с.
16. Дерябин В. С. Письмо внуку // Folia Otorhinolaryngologiae. – 2005. – Vol. 11, № 3 – 4. – pp. 57 – 78.
17. Дерябин В. С. О закономерности психических явлений (публичная вступительная лекция) // Психофармакол. биол. наркол. – 2006. – Т. 6, В. 3. – С. 1315 – 1321.
18. Дерябин В. С. Замечания по поводу брошюры академика И. С. Беритова «Об основных формах нервной и психонервной деятельности» // Психофармакол. биол. наркол. – 2006. – Т. 6, В. 4. – С. 1397 – 1403.
19. Дерябин В. С. Психофизиологическая проблема и учение И. П. Павлова о «слитии» субъективного с объективным // Психофармакол. биол. наркол. – 2007. – Т. 7, В. 3 – 4. – С. 2002 – 2007.
20. Дерябин В. С. О потребностях и классовой психологии – Философия и гуманитарные науки в информационном обществе, 2013. – № 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.fikio.ru.
21. Дерябин В. С. О некоторых законах диалектического материализма в психологии // Вестник Петровской Академии наук и искусств. – 2013. – № 2. С. 74 – 85.
22. Забродин О. Н. Воспоминания В. С. Дерябина об И. П. Павлове. Опыт психофизиологического анализа творческой личности учёного // Физиол. журн. – 1994. – Т. 80, N8. – С. 139 – 143.
23. Забродин О. Н. Вклад В. С. Дерябина в исследование психических нарушений у больных эпидемическим энцефалитом. 2012. Т. 112, №3. С. 72 – 75.
24. Забродин О. Н., Дерябин Л. Н. О жизни и научных трудах В. С. Дерябина (К 120 –летию со дня рождения) // Журн. эвол. биох. и физиол. – 1998. – Т. 34, N1. – С. 122 – 128.
25. Забродин О. Н., Дерябин Л. Н. К истории создания В. С. Дерябиным и опубликования монографии «Чувства, влечения и эмоции». Психофармакол. и биол. наркол. – 2010. – Т. 10, В. 1. – С. 2605 – 2610.
26. Иванов – Смоленский А. Г. Пути взаимодействия экспериментальной и клинической патофизиологии головного мозга. – М.: Медицина, 1965. – 495 с.
27. Изард К.. Эмоции человека. Доп. и переработ. СПб. 2000.
28. Квасов Д. Г., Фёдорова–Грот А. К. Физиологическая школа И. П. Павлова. – Л.: Наука, 1967. – 300 с.
29. Меграбян А. А. Учение о «схеме тела» и синдром отчуждения // Тр. Ростовск. мед. ин-та. — Сб. 7. — 1940. — С. 393 – 399.
30. Орбели Л. А. О некоторых достижениях советской физиологии. — Избр. труды. Т2. Изд. АН СССР. 1962. – С. 587 – 606.

31. Павлов И. П. Дальнейшие шаги объективного анализа сложно-нервных явлений в сопоставлении с субъективным пониманием тех же явлений (1909 – 1910). Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных. – Полн. собр. соч. – Т.3, кн.1. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – С.92 – 106.
32. Павлов И. П. Пробная экскурсия физиолога в область психиатрии (1930). Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных. – Полн. собр. соч. – Т.3, кн.2. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – С.126 – 132.
33. Павлов И. П. Физиология и патология высшей нервной деятельности (1930). Полн. собр. соч. – Т.3, кн.2. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – С. 383 – 408.
34. Павлов И. П. О возможности слияния субъективного с объективным (1933). Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных. – Полн. собр. соч. – Т.3, кн.2. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – С. 151 – 152.
35. Павлов И. П. Условный рефлекс (1936). – Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных. – Полн. собр. соч. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – С. 320 – 343.
36. Павлов И. П. Список печатных трудов сотрудников автора. – Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных. – Полн. собр. соч. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – С. 359.
37. Сеченов И. М. Рефлексы головного мозга. – Избр. произв. Т.1. – М.: Изд-во АН СССР, 1952. – С.7 – 121.
38. Симонов П. В. Эмоциональный мозг. — М.: Наука, 1981. — 215 с.
39. Симонов П. В. Мотивированный мозг. — М.: Наука, 1987. — 238 с.
40. Сифилис при душевных болезнях. Под общ. ред. проф. В. С. Дерябина. – Тр. Вост.-Сиб. мед. инст. – М. – Иркутск, 1934. – 112 с.
41. Ухтомский А. А. Принцип доминанты. — Собр. соч. Т. 1. – Л., 1950. – С. 197 – 201.
42. Франс А. Остров пингвинов. Восстание ангелов. – М.: Художественная литература, 1978. – 384 с.
43. Энгельс. Ф. Похороны Карла Маркса. – Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.19. – С.350 – 354.
44. Derjabin V.S. Zur Kenntnis der malignen Nebennierentumoren. Dissert. München. – 1908. – 76 p.

References

1. Beritov I. S. About the Main Forms of Nervous and Psycho Nervous Activity [*Ob osnovnyh formah nervnoy i psihonervnoy deyatel'nosti*]. Moskow, Izdatelstvo AN SSSR, 1947, 116 p.
2. Deryabin V. S. Further Materials to Time Physiology as Conditional Activator of Salivary Glands [*Dalneyshie materialy k fiziologii vremeni kak uslovnogo vzbuditelya slyunnykh zhelez*]. Dissertatsyya. Petrograd, 1916, 159 p.

3. Deryabin V. S. To Psychology History [K istorii psichologii]. *Izdatelstvo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. Tom 76, 1925, pp. 1 – 20.

4. Deryabin V. S. To Question of Condition of Vegetative Nervous System at Residual Conditions of Epidemical Encephalitis [K voprosy sostoyaniya vegetativnoy nervnoy sistemy pri ishodnykh sostoyaniyakh epidemicheskogo entsefalita]. *Medico- biologicheskiy zhurnal* (Medical Biological J.), 1926, № 3, pp. 41 – 52.

5. Deryabin V. S. About Regularity of the Mental Phenomena [O zakonomernosti psichicheskikh yavleniy]. *Irkutskiy Medicinskiy Zhurnal* (Irkutsk. Med. J.). 1927, Vol. 5, № 6, pp. 1 – 14.

6. Deryabin V. S. Epidemical Encephalitis in the Psychopathological Relation [Epidemicheskii encefalit v psichopatologicheskom otnoshenii]. *Sibirskiy Archiv teoreticheskoy i sudebnoy mediciny* (Siberian Archiv of theoretical and legal medicine), 1928, Vol. 3, book 4, pp. 317 – 323.

7. Deryabin V. S. Problems of the East Siberian Regional Scientific and Medical Society [Problemy vostochno-sibirskogo nauchno-meditsinskogo obschestva]. *Sovetskaya medicina Vostochnoy Sibiri* (Soviet Medicine of Western Siberia), 1931, № 4, pp. 3 – 7.

8. Deryabin V. S. Soul and Brain [Dusha i mozg]. *Nauka i zhizn* (Science and life), 1940, № 3, pp. 9 – 12.

9. Deryabin V. S. Emotions as Power Source [Emotsii kak istochnik sily]. *Nauka i zhizn* (Science and life), 1944, № 10, pp. 21 – 25.

10. Deryabin V. S. Influence of Damage of Thalami Optici and Hypothalamic Area on Higher Nervous Activity [Vliyanie povrezhdeniya thalami optici i gipotalamicheskoy oblasti na vysshuyu nervnuyu deyatel'nost']. *Fiziologicheskiy Zhurnal USSR* (Physiological J. USSR), 1946, Vol. 32, № 5, pp. 533 – 548.

11. Deryabin V. S. About an Experimental Catatonia, Provoked by Bulbocapnine at Dogs [Ob experimentalnoy katatonii vysvannoy bulbokapninom u sobak]. *Zhurnal of vysshey nervnoy deyatel'nosti* (J. of higher nervous activity), 1951, Vol.1, №. 4, pp. 469 – 478.

12. Deryabin V. S. Affektivitet and Regularities of Higher Nervous Activity [Affektivnost i zakonomernosti vysshey nervnoy deyatel'nosti]. *Zhurnal vysshey nervnoy deyatel'nosti* (J. of Higher Nervous Activity), 1951, Vol.1, №. 6, pp.889 – 901.

13. Deryabin V. S. About Ways of Development of the Doctrine of I. P. Pavlov about Higher Nervous Activity [O putyakh razvitiya ucheniya o vysshey nervnoy deyatel'nosti]. *Fiziologicheskiy zhurnal USSR* (Physiological J. USSR), 1951, Vol. 37, №. 2, pp. 140 – 144.

14. Deryabin V. S. Feelings, Inclinations and Emotions: About Psychology, Psychopathology and Physiology of Emotions [*Chuvstva, vlecheniya, emotsii. O psichologii, psichopatologii i fiziologii emotsiy*]. Ed. the 1st. Leningrad, Nauka, 1974. Ed. the 3rd. Moskow. Ed. LKI. 2013. 224 p.

15. Deryabin V. S. Psychology of the Personality and Higher Nervous Activity (Psycho physiological essays "About consciousness", "About I", "About happiness") [Psichologiya lichnosti i vysshaya nervnaya deyatel'nost (Psichofiziologicheskie

ocherki «O soznanii», «O Ya», «O schastii»). Ed. the 1st. Leningrad. Nauka. 1980. 199 p. Ed. the 2nd, additional. Moskow. Ed. LKI, 2010, 202 p.

16. Deryabin V. S. Letter to the Grandson [*Pismo vnuku*]. *Folia Otorhinolaryngologiae*, 2005. Vol. 11, № 3 – 4. pp. 57 – 78.

17. Deryabin V. S. About Regularity of the Mental Phenomena (public introductory lecture) [O zakonornosti psichicheskikh yavleniy (publichnaya vstupitel'naya lektsiya)]. *Psihofarmakologiya i biologicheskaya narkologiya* (Psychopharmacology and Biological Narcology), 2006, Vol. 6, №. 3, pp. 1315 – 1321.

18. Deryabin V. S. Remarks concerning the brochure of the academician I. S. Beritov "About the main forms of nervous and psychonervous activity" [Zamechaniya po povodu broshyry akademika I. S. Beritova «Ob osnovnykh formakh nervnoy i psichonervnoy deyatel'nosti»]. *Psihofarmakologiya i biologicheskaya narkologiya* (Psychopharmacology and biological narcology), 2006, Vol. 6, №. 4. pp. 1397 – 1403.

19. Deryabin V. S. Psychophysiological Problem and I. P. Pavlov's Doctrine about "Conjointery" Subjective with Objective [Psihofiziologicheskaya problema i uchenie I.P.Pavlova o «slitii» subektivnogo s obektivnym]. *Psihofarmakologiya i biologicheskaya narkologiya* (Psychopharmacology and Biological Narcology), 2007. Vol. 7, №. 3 – 4. pp. 2002 – 2007.

20. Deryabin V. S. About Needs and Class Psychology [O potrebnostyakh i klassovoy psikhologii. Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa (Access mode): www.fikio.ru.

21. Deryabin V. S. About Some Laws of Dialectic Materialism in Psychology [O nekotorykh zakonakh dialekticheskogo materializma v psikhologii]. *Vestnik Petrovskoy Akademii nauk i iskusstv* (Messenger of Petrovsky Academy of Sciences and Arts), 2013, № 2, pp. 74 – 85.

22. Zabrodin O. N. V. S. Deryabin's Memories of I. P. Pavlov. Experience of the Psychophysiological Analysis of the Creative Person of the Scientist [Vospominaniya V. S. Deryabina ob I. P. Pavlove. Opyt psichofiziologicheskogo analiza tvorcheskoy lichnosti uchonogo]. *Fiziologicheskii zhurnal imeni I.M.Sechenova* (Sechenov's Fiziological J.), 1994, T.80, № 8, pp. 139 – 143.

23. Zabrodin O. N. Investment of V. S. Deryabin in research of mental violations at patients with epidemic encephalitis [Vklad V. S. Deryabina v issledovanie psichicheskikh narusheniy u bolnykh epidemicheskim encefalitom]. *Zhurnal nevrologii i psichiatrii imeni S. S. Korsakova* (Korsakov's J. of Neurology and Psychiatry), 2012, Vol. 112, No. 3, pp. 72 – 75.

24. Zabrodin O. N., Deryabin L. N. About V. S. Deryabin's Life and Scientific Works (To 120 Anniversary since Birth) [O zhizni i nauchnykh trudakh V. S. Deryabina (K 120–letiyu so dnya rozhdeniya)]. *Zhurnal evolyutsionnoy biohimii i fiziologii* (J. of evolutionary biochemistry and physiology), 1998, Vol.34, № 1, pp.122 – 128.

25. Zabrodin O. N., Deryabin L. N. To History of Creation by V. S. Deryabin and Publications of the Monograph "Feelings, Inclinations and Emotions" [K istorii sozdaniya V. S. Deryabinym i opublikovaniya monografii «Chuvstva, vlecheniya i

emocii»]. *Psihofarmakologiya i Biologicheskaya arkologiya* (Psychopharmacology and biological Narcology), 2010, Vol.10, №.1, pp. 2605 – 2610.

26. Ivanov-Smolenskiy A. G. The Ways of Interaction of an Experimental and Clinical Path Physiology of a Brain [*Puti vzaimodeystviya eksperimental'noy i klinicheskoy patofiziologii golovnog mozga*]. Moskva. Medicine, 1965. 495 p.

27. Izard K. Emotions of the Person. Additional and Reworks [*Emocii cheloveka. Izdanie dolnennoe i pererabotannoe*]. Sankt-Peterburg, 2000.

28. Kvasov D. G., Fedorova-Grot A. K. I. P. Pavlov's Phisiological School [*Fiziologicheskaya shkola I.P.Pavlova*]. Leningrad. Nauka, 1967. 300 p.

29. Megrabyan A. A. The Doctrine about "the body scheme" and an Alienation Syndrome [Uchenie o «scheme tela» i sindrom otchuzhdeniya]. *Trudy Rostovskogo med. instituta*, T. 7. (Works of Rostov medical institutes, Vol. 7), Rostov, 1940, pp. 393 – 399.

30. Orbeli L. A. About some Achievements of the Soviet Physiology [O nekotorykh dostizheniyah sovetskoy fiziologii]. *Izbrannye trudy* (Selected works), T 2 (Works, Vol. 2). Moscow, Izdatelstvo AN SSSR, 1962, pp. 587 – 606.

31. Pavlov I. P. Further Steps of the Objective Analysis of the Difficult and Nervous Phenomena in Comparison to Subjective Understanding of the same Phenomena (1909 – 1910). Twenty Year Experience of Objective Studying of Higher Nervous Activity (behavior) of Aanimals. [Dalneyshie shagi obektivnogo analiza slozhno-nervnykh yavleniy v sopostavlenii s subektivnym ponimaniem teh zhe yavleniy (1909 – 1910). Dvadcatiletniy opyt obektivnogo izucheniya vysshey nervnoy deyatel'nosti (povedeniya) zhivotnykh]. *Polnoe sobranie sochineniy*, T. III, Kn. 1 (Complete Works, vol. III, book 1). Moscow – Leningrad, Izdatelstvo AN SSSR, 1951, pp. 92 – 106.

32. Pavlov I. P. Trial Excursion of the Physiologist in Area of Psychiatry (1930). Twenty Year Experience of Objective Studying of Higher Nervous Activity (behavior) of Aanimals [Probnaya ekskursiya fiziologa v oblast psihiatrii (1930). Dvadcatiletniy opyt obektivnogo izucheniya vysshey nervnoy deyatel'nosti (povedeniya) zhivotnykh]. *Polnoe sobranie sochineniy*, T. III. Kn 2. (Complete Works, vol. III, book 2.). Moscow – Leningrad, Izdatelstvo AN SSSR, 1951, pp.126 – 132.

33. Pavlov I. P. Physiology and Pathology of Higher Nervous Activity. Twenty Year Experience of Objective Studying of Higher Nervous Activity (behavior) of Animals (1930). [Fiziologiya i patologiya vysshey nervnoy deyatel'nosti]. *Polnoe sobranie sochineniy*, T. III. Kn 2 (Complete Works, vol. III, book 2.). Moscow – Leningrad, Izdatelstvo AN SSSR, 1951, pp. 383 – 408.

34. Pavlov I. P. About opportunity a conjointing subjective with objective (1933). Twenty Year Experience of Objective Studying of Higher Nervous Activity (behavior) of Animals [O vozmozhnosti slitiya subektivnogo s obektivnym. Dvadcatiletniy opyt obektivnogo izucheniya vysshey nervnoy deyatel'nosti (povedeniya) zhivotnykh]. *Polnoe sobranie sochineniy*, T. III. Kn 2 (Complete Works, vol. III, book 2.). Moscow – Leningrad, Izdatelstvo AN SSSR, 1951, pp. 151 – 152.

35. Pavlov I. P. Conditioned Reflex (1936). Twenty Year Experience of Objective Studying of Higher Nervous Activity (behavior) of Animals. [Uslovnyy reflex. Dvadcatiletniy opyt obektivnogo izucheniya vysshey nervnoy deyatel'nosti

(povedeniya) zhivotnyh]. *Polnoe sobranie sochineniy, T. III. Kn 2* (Complete Works, vol. III, book 2). Moscow – Leningrad, Izdatelstvo AN SSSR, 1951, pp. 320 – 343.

36. Pavlov I. P. List of Printing Works of Collaborators of the Author. Twenty Year Experience of Objective Studying of Higher Nervous Activity (behavior) of Animals [Spisok pechatnyh trudov sotrudnikov avtora. Dvadcatiletniy opyt obektivnogo izucheniya vysshey nervnoy deyatelnosti (povedeniya) zhivotnyh]. *Polnoe sobranie sochineniy, T. III. Kn2.* (Complete Works, vol. III, book 2.). Moscow – Leningrad, Izdatelstvo AN SSSR, 1951f, p. 359.

37. Sechenov I. M. Brain reflexes. [*Refleksy golovnoy mozga*]. *Izbrannyye proizvedeniya, T1* (Selected works, vol. I). Moscow, Izdatelstvo AN SSSR, 1952, pp.7 – 121.

38. Simonov P. V. Emotional brain [*Emotsionalnyy mozg*]. Moscow, Nauka, 1981, 215 p.

39. Simonov P. V. Motivated brain [*Motivirovannyy mozg*]. Moscow, Nauka, 1987, 238 p.

40. Syphilis at Mental Diseases. Under a general edition of the prof. V. S. Deryabin [Sifilis pri dushevnyh boleznyah. Pod obschey redaktsyey professora V.S.Deryabina]. *Trudy Vostochno-Sibirskogo meditsinskogo instituta*, Moscow – Irkutsk, 1934, 112 p.

41. Uchtomsky A. A. Printsip of a dominantia [Princip dominanty]. *Sobranie sochineniy, T. I* (Works Collection, Vol. 1), Leningrad, 1950, pp. 197 – 201.

42. Frans A. Ostrov of penguins. Revolt of angels. [*Ostrov pingvinov. Vosstanie angelov*]. Moscow, Izdatelstvo Fiktion, 1978, 384 p.

43. Engels F. Karl Marx's Funeral. [Pokhorony Karla Marksa]. Marx K., Engels F. *Sochineniya, T.19.* (Collected Works, vol. 19). Moscow, 1961 pp. 350 – 354.

44. Derjabin V. S. Zur Kenntnis der malignen Nebennierentumoren. Dissert. München. – 1908 . – 76 p.

УДК (091)140.8

«Творчество личности» в философии действительности М. М. Филиппова*

Коробкова Светлана Николаевна – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения», кафедра истории и философии, доцент, кандидат философских наук, Санкт-Петербург, Россия.

e-mail: korobkova@hf-guap.ru

196135 Россия, Санкт-Петербург, ул. Гастелло, д.15,

Тел: 8 (812) 708-42-13.

Авторское резюме

Состояние вопроса: Тема творчества в философских концепциях русских мыслителей – одна из основных. В рамках определенного философского направления понятие «творчество» раскрывается особым образом. Философия действительности М. М. Филиппова – реалистическая концепция, которая относится к сциентизму. М. М. Филиппов – отечественный ученый и мыслитель, наследие которого недостаточно изучено в современной философии. «Творчество личности» – центральное понятие его философской теории.

Результаты: Одной из установок реалистического мировоззрения является требование связи любой теории с действительностью. Действительность – то, что дано в личном опыте. Опыт необходимо понимать как взаимодействие личности с окружающей средой. Опыт есть постижение закономерностей, действующих в природе. В результате своей активной деятельности (труда в широком смысле), человек созидает как внешний ему мир, так и внутренний. Этот труд имеет свои степени и уровни развития: от «жизнесохраняющего» до творческого. Творчество предполагает свободный труд, над которым не довлеет материальная необходимость. Творчество есть целерациональная деятельность, направленная на достижение определенной ценности. Наивысшей формой творчества является самосозидание.

Область применения результатов: Трудность творческой, созидательной деятельности человека заключается в том, что результат его деятельности отстоит от него во времени. В силу этого человек не может в полной мере осознать значимость своей личности и оценить верность выбранного им направления движения. В современном информационном обществе человек в полном смысле становится творцом, – он создает новые пространства (виртуальную реальность) и генерирует информацию, отличающуюся большей степенью индивидуальности и личностности. Именно новые формы представления информации (форумы, живые журналы, вики ресурсы, социальные сети, блоги и т. п.) позволяют человеку визуализировать для самого

* © С. Н. Коробкова, 2014.

себя свой внутренний мир. Однако здесь же, в виртуальном пространстве, возникает проблема социально-психологической идентичности.

Выводы: Следующий этап эволюционного развития предполагает развитие психических способностей в целом и интеллектуального потенциала, в частности, с тем, чтобы создать социальные условия для возникновения новой цели развития.

Информационное общество, базирующееся на «высоких технологиях», предоставляет технические условия для искусственного моделирования интеллекта, что визуализирует (делает материальным, ощущаемым) уровень развития психики. Эволюция психики – лишь определенная стадия на пути к свободному творчеству.

Ключевые слова: творчество; информационное общество; виртуальная реальность; эволюция; действительность; реальность; психика; труд; ценность.

«Human Creativity» in M. M. Filippov's Philosophy of Reality

Korobkova Svetlana Nikolaevna – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Department of History and Philosophy, Ph. D. in Philosophy, associate professor, St. Petersburg, Russia.

E-mail: korobkova@hf-guap.ru

15, Gastello st., Saint Petersburg, Russia, 196135,

tel: +7(812) 708-42-13.

Abstract

Background: One of the main items of philosophical concepts of Russian thinkers is creativity. The definition of “creativity” is revealed in a special way within the particular philosophical school. Filippov's philosophy of reality is a realistic concept which belongs to scientism. M. M. Filippov is a Russian philosopher and thinker, whose heritage is investigated insufficiently in a contemporary philosophy. «Human creativity» is a central idea of his philosophical theory.

Results: One of the principles of realistic outlook is connection of any theory with reality. Reality is what is given in personal experience. Experience should be understood as an interaction of the personality with the environment. It is the comprehension of the laws of nature. Man creates his external as well as internal world as the result of his activity (labor, broadly speaking). This activity has its own degrees and levels of development from “life-saving only” to creative one. Creativity needs free labor, where the material component is not necessary. Creativity is an activity aimed to achieve a particular value. Self-creation is the highest form of creativity.

Research implications: The difficulty of creative human activity is that the result of his activity appears much later. Due to this regularity man cannot fully realize the significance of his personality and evaluate truthfulness of his way. In modern information society man becomes a creator in a true sense of the word. He creates new spaces (virtual reality) and generates information characterized by a high degree of individuality and personal content. It is new forms of information

presentation (forums, live journals, wiki, social networks, blogs, etc.) that enable man to visualize his inner world for himself. But right here, in the virtual space, the problem of social and psychological identity arises.

Conclusions: The next stage of evolution assumes the development of psychic abilities in general and intellectual potential in particular in order to create some social conditions for the emergence of a new aim to develop. Information society based on “high-tech” provides special conditions to simulate the artificial intelligence that visualizes (makes tangible, palpable) the level of mind development. Mind evolution is only a step towards free creativity.

Keywords: creativity; information society; virtual reality; evolution; reality; mind; psychics; labor; activity; value.

Михаил Михайлович Филиппов (1858 – 1903) – русский ученый, философ, публицист, сторонник реалистического мировоззрения, сциентист, автор двухтомного труда «Философия действительности», увидевшего свет 1898 – 1899 годах, с тех пор не имеющего переизданий.

Центральной идеей философского мировоззрения М. М. Филиппова, по его собственному утверждению, является идея творческой личности.

В русской философской мысли проблема творчества имеет внушительную историографию. Представители разных философских направлений, так или иначе, представляли творческую активность человека: Л. Н. Толстой, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, И. А. Ильин, Н. О. Лосский. Нет необходимости воспроизводить теории этих корифеев русской философии, однако стоит отметить, что творчество получило в их трудах религиозную или иную идеалистическую трактовку. При всей своей глубине, они оторваны от реальности, отсутствуют механизмы связи с практической жизнью. Филиппов считал, что философия не должна чуждаться жизни, а должна идти ей навстречу (типичная установка реалистического мировоззрения).

С точки зрения творчества, действительность предстает как динамический процесс. Движущим элементом является личность. Философ-реалист предостерегает от понимания личности и ее творческой активности как чего-то мистического и настаивает на очевидном восприятии личности как мыслящего, чувствующего, деятельного индивида.

Творческая деятельность человека – это труд, в широком понимании. «Труд» имеет принципиальное значение в суждениях Филиппова. Напомним, что мотив «труда» в реалистическом мировоззрении был внесен в круг обсуждаемых вопросов «шестидесятниками», в частности Д. И. Писаревым. Писарев говорил о труженике, создающем нечто новое, в упорной борьбе за свои идеалы. Литературные герои Чернышевского – новые люди, трудящиеся на благо общества. Ученые-естественники, как известно, активно усваивали передовую идеологию, и Д. И. Менделеев, например, отмечая социальность труда, рассматривал его как условие взаимодействия людей в обществе. В конце XIX в. умами интеллигенции владела «трудовая теория стоимости» Маркса, которую Филиппов предпочитал называть «трудовая теория

ценности», подчеркивая тем самым, что результатом процесса труда является нечто значимое, ценное не только экономически, но и психологически, и морально.

Труд, считает Филиппов, является условием положительного развития, «...самым надежным мерилom прогресса, – пишет он, – является количество труда, т.е. целесообразной физиологической работы, которую способно развить животное в течение своей жизни» [3, с. 831]. Основания своего убеждения он находит в палеонтологии. Ученый отмечает: «...палеонтология дает многочисленные доказательства в пользу трудовой теории прогресса» [3, с. 832]. Проведенный анализ данных этой науки позволил ему утверждать, что «главные деятельности организма прямо или косвенно стремятся к обеспечению существования его самого или его потомства; чем обширнее область этих деятельностей и чем успешнее их выполнение, тем выше стадия, достигнутая данным организмом» [3, с. 832]. Таким образом, под трудом, на уровне палеонтологической эволюции, подразумевается работа особи по самосохранению и сохранению потомства, т.е. своего вида. Уже на этом уровне обнаруживается фундаментальное различие единичного и общего – то, что на органическом уровне трактуется как особенное и типичное, на социальном противопоставляется как индивидуальное и общественное.

На уровне органической эволюции вопрос о развитии живого, с одной стороны, усложняется антагонизмом, существующим между сохранением особи и сохранением ее потомства; с другой стороны, здесь обнаруживается способность живых организмов активно взаимодействовать с окружающей средой. Общий вывод об органической эволюции, сформулированный Филипповым, таков: «Жизнь всякого организма есть результат сложных взаимодействий между внутренними и внешними факторами; те и другие одинаково существенны. В том смысле, что известная среда так же необходима для жизни, как и известная организация, и вследствие обмена веществ, составные части среды постоянно превращаются в части организма и обратно» [3, с. 1008].

Труд на этом уровне выражается в солидарной деятельности живых организмов – со-трудничестве, и создании новых организационных форм, общего жизненного пространства, способствующих выживанию, – обще-жития. Наиболее прочные формы общежития образуются у живых существ одного вида, у высших животных. Человек, как живой организм, обладающий высшей нервной деятельностью, культивирует наиболее сложную форму общности – социум. Сотрудничество выступает как солидарная целесообразная деятельность. Человек – мост между органической и социальной эволюцией.

Итак, человек, находясь в постоянном взаимодействии с окружающей средой, есть не «пассивный продукт» внешних воздействий, но сам является активным реформатором этой среды, в соответствии со своими представлениями (идеалами). Если на уровне органической эволюции человек посредством труда удовлетворяет свои витальные потребности, то на уровне социальной – материальные и духовные.

На социальном уровне деятельность человека выражена в так называемом простом труде. Такой труд – экономический – структурно состоит из фактически затраченной физической силы и индивидуально приложенных моральных усилий к производству социально-значимых продуктов. Цель такого труда – солидарное выживание, достижение общих ценностей.

Социально-экономические (общественные) ценности создаются индивидуальным трудом. Величина ценности продукта зависит от субъективных и объективных условий труда индивидуума. Истинная ценность содержит в себе не только фактическую массу затраченного труда, но и субъективный психологический смысл этого труда. Чем выше психологический фактор, тем выше ценность создаваемого продукта. Общество, в котором соотношение этих факторов нарушено – несправедливое общество и должно быть изменено.

С этой позиции Филиппов критиковал «трудовую теорию стоимости» Маркса. Основная ошибка Маркса, по словам Филиппова, в том, что «учение о простом труде, как оно выставлено Марксом, есть последняя дань отданная этим великим умом утопическим теориям равенства. Все люди, действительно, равны, как нравственные единицы, как личности, имеющие право на полное развитие своих сил и способностей. Однако не только способности людей различны (что признает и Маркс), но и различны объективные условия приложения этих способностей» [2, с. 563]. «Фактически всякий труд, даже так называемый “простой” или чернорабочий, квалифицирован, т.е. величина создаваемой им в час ценности всецело определена как субъективными, так и объективными условиями труда; стало быть это величина переменная, обусловленная технически и социально. ...Маркс принял во внимание качества самой рабочей силы, но упустил из виду влияние внешних условий» – пишет Филиппов. «...Я первый указал на то, – продолжает он, – что капитализм эксплуатирует не только живых, но и мертвых, не только рабочую силу данного поколения, но и социальный результат кооперации прошлого труда с настоящим» [2, с. 564]. Эволюционный подход показывает, что ценность нынешнего складывается не только из того, что произведено здесь и сейчас, но и того, что сделано в прошлом для настоящего, т.е. является результатом сложения капитала. Причем «капитал» и «производство» в концепции Филиппова надо понимать не только как экономические термины, но и как морально-психологические.

«В философии, как и в экономической науке, несмотря на всю субъективность, единственно прочно обоснованной является трудовая теория ценности, – пишет ученый, – которую философ должен понимать в более широком смысле, чем экономист, никак не ограничивая труд производством материальных благ, но подразумевая под этим всякую сознательную деятельность» [1, с. 35]. Сознательный труд, в интерпретации ученого – это разумная активность, стремящаяся к достижению определенных целей. Цель и усилия по ее достижению есть основа ценности, а вместе с тем и объективной оценки действий личности. Таким образом, трудовая теория ценности Филиппова – телеологическая теория.

«Этическая оценка, учение о нравственно-должном, – рассуждает мыслитель, – есть лишь один из частных видов – разумеется, самый важный – такой телеологии. В основе ее лежит понятие о нравственном достоинстве личности: но самая личность не есть что либо данное свыше; она вырабатывается в человеке, она сама есть результат упорного труда, направленного человеком и на внешний мир, и на самого себя» [1, с. 35].

Таким образом, в реалистическом понимании труд не есть просто экономическая категория, но есть этическое явление, выражающееся в затрате моральных сил, физической энергии и психической реализации. В труде, и в результате своего труда человек «узнает» сам себя. Затраченная физическая и духовная энергия и объект, на который они направлены, находятся в неразрывной связи – «они суть реальный опыт».

Негативная (аморальная) сторона того социального устройства, при котором труд капитализируется, заключается в том, что человек находится под гнетом труда (загружен трудом). Позитивное же развитие социума заключается в том, чтобы человек находился «над» трудом, подчинил себе труд (овладел трудом) и свободно распределял свою физическую и психическую энергию.

Труд есть социальное творчество, утверждает Филиппов. В одной из своих последних статей, он пишет: «...человек является творцом всего того мира, который его окружает, точно также как и своего собственного внутреннего мира» [4, с. 209]. Как внешний, так и внутренний мир является продуктом личного творчества – «работы над собою и над окружающим» [4, с. 210].

Эволюция форм труда от социально-экономической к творческой, т.е. от материально обусловленной деятельности к свободной самореализации означает повышение уровня развития социума и демонстрирует переход от потребления к созиданию: не извлечение блага из произвольного сочетания данных внешней среды, но свободное выражение в социально-культурных артефактах своего уникального внутреннего мира для всеобщего блага и прогрессивного движения. Личное творчество, понимаемое как внешнее деятельностное выражение мыслей и чувств, является основой духовных ценностей.

Как мы видим, в соответствии с эволюционной теорией о степенях и уровнях развития, труд, в концепции Филиппова, имеет свои градации: от физиологического – до творческого, и проходит последовательные стадии эволюции: органическую, социальную, психическую (духовную).

Трудность творческой, созидательной деятельности человека заключается в том, что результат его деятельности отстоит от него во времени. В силу этого человек не может в полной мере осознать значимость своей личности и оценить верность выбранного им направления движения. Филиппов пишет об этом так: «При общем учете нашей душевной активности важно принимать во внимание не только те внешние деятельности, которые сопровождают те или иные мысли и чувства или же следуют непосредственно за ними, но и те скрытые, неявные стремления и напряжения, которые обнаруживают свое действие внешним образом лишь в отдаленных последствиях. Это обстоятельство...затрудняет связи между нашими мыслями и чувствами с одной стороны и нашими

внешними деятельностями – с другой, а потому усложняет и правильную оценку сознательной активности и личного творчества человека» [4, с. 208].

В информационном обществе, каковым является современное общество, человек в полном смысле становится творцом, а главное, имеет возможность осознать себя как творца – он создает новые пространства – виртуальную реальность и генерирует информацию, отличающуюся большой степенью индивидуальности и личностности. Новые формы представления информации позволяют человеку визуализировать для самого себя свою творческую составляющую. Человек не только отражает действительность, но и активно воздействует на нее, и, более того, в любой момент может внести изменения! Действие и результат действия находятся в коротком временном промежутке.

Однако это же и создает сложности. Иллюзия невидимости, формальной неизвестности в информационном пространстве провоцирует человека игнорировать существующие в традиционном обществе правила и ценности и следовать своим биологическим инстинктам и доминантам. Т.е. мы имеем несоответствие уровня технического развития общества и психологического статуса человека. Выражаясь проще, человек психологически не готов к восприятию инноваций.

Социальное творчество в условиях информационного общества предполагает навык управления своими психологическими процессами. И в этом смысле важно создать такие условия, при которых человек не только развивался бы интеллектуально (учился использовать новые изобретения), но и учился бы сознательно относиться к себе: познавательные способности человека информационного общества в первую очередь должны быть направлены на созидание собственной внутренней реальности. Ибо свой субъективный мир мы впоследствии проецируем вовне, творя реальность.

Самосозидание, где человек творит не только внешнюю реальность, но свой внутренний мир, есть высшая форма творчества. «Все мировоззрение каждого человека, – пишет Филиппов, – составляет в значительной мере результат его собственной деятельности и оно тем более ценно, чем более самостоятельности обнаруживается в этой деятельности. Мир для нас таков, каким мы его сами для себя делаем» [4, с. 209]. Созидание одновременно есть и познание. Самосозидание суть самопознание. «...С точки зрения теории творчества, – продолжает мыслитель, – как внешний, так и внутренний мир познаются одинаково из нашей самодеятельности» [4, с. 210].

В свете теории творчества, труд деятелей прошлого, дошедший до нынешней эпохи в виде научной теории, художественного произведения, публицистики, разных форм искусства и т. п., представляющих собой наивысшее выражение созидательной деятельности, есть не механическая передача конкретного содержания, а выражение духа эпохи и внутреннего мира самого автора, сформировавшегося в результате взаимодействия с конкретной действительностью. Цель такого труда не эгоистическая – наиболее точно передать свои мысли и чувства, а альтруистическая – спровоцировать дальнейшее развитие идей (оказать воздействие на мысли и чувства других) и, тем самым, обеспечить эволюционирование индивида и социума. Дальнейшим

критерием эволюции становится, по убеждению Филиппова, развитие «чувствительности и других психических функций» [3, с. 830].

Таким образом, в творческой деятельности наилучшим образом проявляется единство материального и идеального. Философия действительности постулирует онтологическую нераздельность души и тела, корреляцию физического и духовного.

Если последовательно развивать реалистическую установку Филиппова, то можно допустить мысль, что свободное социальное творчество станет возможным в полной мере тогда, когда психический (интеллектуальный) фактор сменит экономический (материальный) на месте независимой переменной социальной эволюции.

Список литературы

1. Филиппов М. М. Новый идеализм. Часть II. Метафизика и моральная философия. // Научное обозрение. – 1903. – № 4. – С. 2 – 35.
2. Филиппов М. М. Об экономическом догматизме. // Научное обозрение. – 1900. – № 3. – С. 560 – 564.
3. Филиппов М. М. Философия действительности. Т.2. – СПб: паровая скоропечатня А. Пороховщикова, 1898. – Т. 1, с. 1 – 476; т. 2, с. 477 – 1177.
4. Филиппов М. М. Философские письма. Творчество личности. Письмо первое // Научное обозрение. – 1903. – № 5. – С. 200 – 212.

References

1. Filippov M. M. New Idealism. Part II. Metaphysics and Moral Philosophy [Novyy idealizm. Chast II. Metafizika i moralnaya filosofiya]. Nauchnoe obozrenie (Scientific Review), 1903, №4, pp. 2 – 35.
2. Filippov M. M. On Economic Dogmatism [Ob ekonomicheskom dogmatizme]. Nauchnoe obozrenie (Scientific Review), 1900, №3, pp. 560 – 564.
3. Filippov M. M. Philosophy of Reality. V. 2 [Filosofiya deystvitelnosti. T. 2]. St. Petersburg, Parovaya skoropechatnya A. Porokhovschikova, 1898, V. 1, pp. 1 – 476, V. 2, pp. 477 – 1177.
4. Filippov M. M. Philosophical Letters. Person's Creativity. The First Letter [Filosofskie pisma. Tvorchestvo lichnosti. Pismo pervoe]. Nauchnoe obozrenie (Scientific Review), 1903, №5, pp. 200 – 212.

Требования к оформлению статей

Журнал оформляется в соответствии с требованиями ВАК к ведущим научным изданиям и с требованиями крупнейшей зарубежной базы данных SCOPUS. Аналитическая база данных SCOPUS позволяет наладить обмен информацией между ведущими научными журналами мира, вычислять индекс цитирования учёных. Более подробная информация о её требованиях приводится ниже.

1) Редакция рецензируемого научного сетевого журнала «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе» принимает материалы объёмом до 40 000 знаков (1 а. л.). Материалы, размещённые в электронном журнале, считаются опубликованными и являются объектами авторского права. При повторном опубликовании материалов в других изданиях ссылка на журнал «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе» обязательна. Все материалы, представленные для публикации в Журнале, подлежат рецензированию. Рецензирование может осуществляться в двух формах: внешнее (сопроводительная рецензия-рекомендация к материалу, представленному для публикации в Журнале) и внутреннее (организуется Редакционной коллегией Журнала). Внешнее рецензирование является обязательным для материалов, представленных аспирантами или соискателями учёной степени кандидата наук; к таким материалам должен прилагаться отсканированный отзыв-рекомендация научного руководителя, заверенный подписью и печатью организации. Статьи аспирантов принимаются, как правило, в соавторстве с научным руководителем, в таком случае внешняя рецензия не требуется. Внутреннее рецензирование осуществляется в течение двух недель с момента получения статьи. Подписанный рецензентом и заверенный печатью оригинал рецензии хранится в редакции три года; автору рецензируемых материалов по его запросу предоставляется возможность ознакомиться с текстом рецензии.

Плата за публикации с авторов не взимается. Авторское вознаграждение не выплачивается. Точка зрения членов редакционной коллегии может не совпадать с точкой зрения авторов статей.

2) Основной текст:

- формат A4
- редактор Word 97 – 2003, формат doc или rtf
- шрифт Times New Roman
- междустрочный интервал – одинарный
- кегль – 14 pt
- поля – по 2,0 см. со всех сторон
- абзацный отступ – 1,0 см.

3) Перед статьёй указываются:

Сначала слева пишется индекс УДК. Ниже приводится заголовок (размер шрифта 16, полужирный, выравнивание по центру). Точка в конце заголовка не ставится. Ниже слева – ФИО авторов полностью. Далее для каждого автора: полное название организации, место работы в именительном падеже, должность, учёная степень, звание. Ниже справа указываются электронная почта, ниже – служебный почтовый адрес (с указанием страны и города) и телефон для контактов с авторами статьи (можно один на всех). Далее приводятся аннотация (обычно 100 – 250 слов) и ключевые слова, разделяющиеся точкой с запятой. Вся эта информация, кроме УДК, приводится сначала на русском, потом – на английском языках.

4) Примечания оформляются в виде постраничных сносок 12 шрифтом.

5) Список литературы в конце статьи оформляется в двух вариантах: русском и английском. Русский вариант должен быть выполнен в алфавитном порядке в соответствии с ГОСТ 7.1 – 2003. Английский вариант должен быть выполнен в соответствии с иностранным стандартом, принимаемым аналитической базой данных SCOPUS.

При оформлении списка литературы следует обратить внимание на некоторые особенности. Необходимо указывать всех авторов издания, не ограничиваясь тремя или четырьмя, для того, чтобы они все учитывались в аналитической системе. Запятая между фамилией автора и инициалами не ставится. В английском варианте списка литературы для разделения информации должны использоваться только знаки «.» и «,». Знаки «:», «–», «/», «//» не применяются.

При написании названия русской книги, статьи, журнала, конференции и т. п. на английском языке желательно использовать общепринятый перевод, если такой существует (например, The Moscow University Herald. Series 7. Philosophy).

Помните, что в любом случае, даже если у Вас возникает вопрос по оформлению документа, например, потому что он не подходит ни под один из рассмотренных ниже вариантов, главное, что должно быть понятно иностранному читателю, не знакомому с русским языком, – это авторы и источник. Транслитерация обязательно должна сопровождаться переводом.

Правила транслитерации для оформления списка литературы:

а	б	в	г	д	е	ё	ж	з	и	й	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь	э	ю	я
a	b	v	g	d	e	e	zh	z	i	y	k	l	m	n	o	p	r	s	t	u	f	kh	ts	ch	sh	sch		y		e	yu	ya

Для помощи в транслитерации можно воспользоваться сайтом www.translit.ru, в верхнем левом углу в окошечко ввести число 45848, нажать кнопку «Загрузить настройки», ввести в основное окно текст на русском языке, нажать на кнопку «В транслит» и получить необходимый текст. После этого из

него останется только удалить все значки «#» (по принятым журналом правилам транслитерации буквы «ъ» и «ь» не транслитерируются).

Русские фамилии должны транслитерироваться по приведённым правилам (например, «Ivanov», «Ignatev»), иностранные фамилии должны писаться в общепринятой европейской форме (например, «Agazzi», а не «Agatstsi», «Marx», а не «Marks»).

Обратите внимание, что по правилам русского языка в заголовках только первое слово пишется с заглавной буквы, а по правилам английского языка с заглавной буквы пишутся все значащие слова (то есть все слова, кроме артиклей, сочинительных союзов, коротких предлогов и частиц).

Шаблон для описания книги в русском варианте:

Имена авторов (если присутствуют в описании). Название книги. – Город: Издательство, год. – количество страниц.

Примеры:

Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М.: Academia, 1999. – 956 с.

Орлов В. В., Васильева Т. С. Философия экономики. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2005. – 264 с.

Соединение достижений НТР с преимуществами социализма. – М.: Мысль, 1977. – 190 с.

Шаблон для описания книги в английском варианте:

Имена авторов (если присутствуют в описании). Название книги на английском языке [*Транслитерированное название книги курсивом*]. Город, Издательство, год, страницы.

Примеры:

Bell D. The Coming of Post-industrial Society: A Venture of Social Forecasting [*Gryadushee postindustrialnoe obschestvo. Opyt sotsialnogo prognozirovaniya*]. Moscow, Academia, 1999, 956 p.

Connection of Achievements of a Scientific and Technological Revolution with the Advantages of Socialism [*Soedinenie dostizheniy NTR s preimuschestvami sotsializma*]. Moscow, Mysl, 1977, 190 p.

Orlov V. V., Vasileva T. S. Philosophy of Economics [*Filosofiya ekonomiki*]. Perm, Izdatelstvo permskogo universiteta, 2005, 264 p.

Шаблон для описания главы из книги или книги из собрания сочинений в английском варианте:

Имена авторов. Название книги или главы на английском языке [*Транслитерированное название книги*]. *Транслитерированное название собрания сочинений или книги курсивом* (Название собрания сочинений или книги). Город, Издательство, год, страницы.

Примеры:

Leybnits G. V. Monadology [*Monadologiya*]. *Sochineniya, Tom 1* (Works, Vol. 1). Moscow, Mysl, 1982, 636 p.

Marx K. A Contribution to the Critique of Political Economy [K kritike politicheskoy ekonomii]. *Sochineniya, T. 13* (Works, Vol. 13). Moscow, Izdatelstvo politicheskoy literatury, 1960, pp. 1 – 784.

Pavlov I. P. Physiology and pathology of Higher Nervous Activity. Twenty-Year Experience of Objective Studying of Higher Nervous Activity of Animals [Fiziologiya i patologiya vysshey nervnoy deyatel'nosti. Dvadsatiletniy opyt obektivnogo izucheniya vysshey nervnoy deyatel'nosti (povedeniya) zhivotnykh]. *Polnoe sobranie sochineniy, T. III. Kn. 2* (Complete Works, vol. III, book 2). Moscow – Leningrad, Izdatelstvo AN SSSR, 1951, pp. 383 – 408.

Ukhtomskiy A. A. Principle of a Dominant [Printsip dominanty]. *Sobranie sochineniy, T. 1* (Collected Works, vol. 1). Leningrad, Izdatelstvo LGU, 1950, pp. 197 – 201.

Шаблон для описания статьи из журнала в русском варианте:

Имена авторов. Название статьи // Название журнала. – год. – номер. – страницы статьи.

Пример:

Агацци Э. Идея общества, основанного на знаниях // Вопросы философии. – 2012. – № 10. – С. 3 – 19.

Шаблон для описания статьи из журнала в английском варианте:

Имена авторов. Название статьи на английском языке [Транслитерированное название статьи]. *Транслитерированное название журнала курсивом* (Название журнала на английском языке), год, номер, страницы.

Пример:

Agazzi E. The Idea of a Knowledge-Based Society [Ideya obshchestva, osnovannogo na znaniyakh]. *Voprosy filosofii* (Questions of Philosophy), 2012, № 10, pp. 3 – 19.

Шаблон для описания материалов конференции в русском варианте:

Имена авторов. Название выступления // Название конференции. – Город. – год. – страницы.

Примеры:

Пигров К. С. Материализм в современной российской философии как нравственная проблема // Проблемы материализма в социальной философии: Сборник статей, посвященный 70-летию профессора СПбГУ П. Н. Хмылева / отв. ред. В. М. Лукин. – СПб. – 2008. – С. 109 – 116.

Игнатьев М. Б., Пинигин Г. И. Астрономия с лунной базы // Международная научная конференция «Применение ПЗС-методов для исследования солнечной системы». – Николаев. – 2003. – С. 98 – 106.

Шаблон для описания материалов конференции в английском варианте:

Имена авторов. Название выступления на английском языке [Транслитерированное название выступления]. *Транслитерированное название конференции курсивом* (Название конференции на английском языке). Город, Издательство, год, страницы.

Примеры:

Pigrov K. S. Materialism as a Moral Issue in Modern Russian Philosophy [Materializm v sovremennoy rossiyskoy filosofii kak нравstvennaya problema]. *Problemy materializma v sotsialnoy filosofii: Sbornik statey, posvyaschennyy 70-letiyu professora SPbGU P. N. Khmyleva* (Problems of Materialism in Social Philosophy: Collected Articles Dedicated to 70th Anniversary of professor SPSU P. N. Khmylev). Saint Petersburg, 2008, pp. 109 – 116.

Ignatev M. B., Pinigin G. I. Astronomy from the Moonbase [Astronomiya s lunnoy bazy]. *Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya «Primenenie PZS-metodov dlya issledovaniya solnechnoy sistemy»* (Proceedings of International Scientific Conference “Application of CCD-Methods for the Solar System Exploration”). Nikolaev, 2003, pp. 98 – 106.

Шаблон для описания Интернет-ресурса в русском варианте:

Название страницы // Название сайта – [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: адрес сайта (дата обращения).

Пример:

«Война» в шорт-листе «Инновации»: Минкульт хочет дать премию, МВД гноит в тюрьме // Сайт «Свободная Война» в поддержку арестованных Олега Воротникова и Лёни Николаева – [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://free-voina.org/post/3289581310> (дата обращения 10.07.2013).

Шаблон для описания Интернет-ресурса в английском варианте:

Название статьи на английском языке [Транслитерированное название статьи курсивом]. Available at: адрес сайта (accessed дата последнего посещения сайта).

Пример:

Voina in the Short-list “Innovations”: Ministry of Culture Wants to Give an Award, Ministry of Internal Affairs Leaves to Rot in Prison [*Voyna v short-liste «Innovatsii»: Minkult khochet dat premiyu, MVD gnoit v tyurme*]. Available at: <http://free-voina.org/post/3289581310> (accessed 10 July 2013).

Если статья имеет идентификатор DOI, то он пишется в самом конце.

Пример:

Bard P. On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*, 1934, Vol. 41, p. 309. DOI: 10.1037/h0070765.

Для англоязычных источников данные пишутся только на английском языке без всяких скобок.

Пример:

Head H., Holmes G. Sensory Disturbances from Cerebral Lesions. *Brain*, 1911 – 1912, vol. 34, p. 102.

Для источников на других языках данные пишутся на английском языке и языке оригинала.

Пример:

Goltz F. The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum [Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns]. *Archiv für die gesamte Physiologie* (Archives of All Physiology). 1892, Bd. 51, № 11 – 12, pp. 570 – 614.

Для статей, имеющих в списке литературы только англоязычные источники, делать русскоязычный список литературы не имеет смысла. То есть вне зависимости от того, на каком языке статья сделана, если все источники являются иностранными, то список литературы делается один в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы. Если же присутствуют русскоязычные источники, то статья на русском языке должна иметь 2 списка литературы, а статья на английском – один.

6) Ссылки в тексте на цитируемые работы (порядковый номер в списке литературы и при необходимости номер страницы) размещаются в квадратных скобках: [1], [2, с. 51] (для статьи на английском [2, p. 51]).

7) Требования к авторскому резюме (abstract) достаточно сильно отличаются от правил и традиций составления авторских резюме для российских изданий. Поскольку авторские резюме на английском языке в русскоязычном издании являются для иностранных учёных основным или даже единственным источником информации о содержании статьи, то их объём недопустимо сводить к 3 – 5 строкам. По аннотации зарубежные специалисты оценивают публикацию, определяют свой интерес к ней, могут сделать на неё ссылку, запросить перевод полного текста и т. п. Аннотация на английском языке не должна просто полностью повторять текст аннотации на русском, так как за русскоязычной следует полный текст на этом же языке. Аннотацию на английском следует делать подробнее и больше по объёму, она должна способствовать раскрытию содержания и сути исследования

Авторские резюме должны быть:

- информативными (не содержать общих слов);
- оригинальными (не повторять дословно русскоязычную аннотацию);
- содержательными (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированными (следовать логике описания результатов в статье);
- написанными качественным английским языком;

– имеющими объём примерно от 100 до 250 слов (возможно до 500 слов).

Наиболее распространённый способ составления аннотаций – краткое повторение в них структуры статьи, включающей введение, цели и задачи, методы, результаты, заключение.

Авторское резюме в наиболее полном варианте включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, тему, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы.

Последовательность описания содержания статьи можно изменить, начав с изложения результатов работы и выводов.

Следует обратить внимание на то, что структура и тематические рубрики авторского резюме не заданы жестко и однозначно, они могут меняться в зависимости от содержания статьи. Так, предмет, тема, цель работы указываются только тогда, когда они не ясны из заглавия статьи. Метод и методологию проведения работы целесообразно описывать в том случае, если они отличаются новизной или представляют специальный интерес с точки зрения содержания данной статьи.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье. Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не повторяются в тексте реферата. Следует избегать лишних вводных фраз (например: «автор статьи рассматривает...»). Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в резюме не приводятся.

В тексте резюме следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций, не используемых в научном английском языке. Следует, например, использовать активный, а не пассивный залог: “The study tested”, а не “It was tested in the study”.

В тексте реферата на английском языке следует применять терминологию, характерную для иностранных специальных текстов. Рекомендуется избегать употребления терминов, являющихся прямой «калькой» с русскоязычных терминов. Необходимо соблюдать единство терминологии в пределах резюме, применять значимые слова из текста статьи.

Рекомендации по составлению авторского резюме подготовлены на основе методической разработки кандидата технических наук О.В. Кирилловой, заведующей отделением ВИНТИ РАН, члена Экспертного совета (CSAB) базы данных SCOPUS «Подготовка российских журналов для зарубежной аналитической базы данных SCOPUS: рекомендации и комментарии». <http://www.elsevierscience.ru/files/add-journal-to-scopus-2013.pdf>.

Пример оформления авторского резюме

Философия информационного общества: новые идеи и проблемы

Авторское резюме

Состояние вопроса: В теории постиндустриального (информационного) общества широко распространена трактовка его как формирующегося общества знаний, в котором физический труд вытесняется умственным. Главным видом труда становится обработка информации, которая считается нематериальным ресурсом.

Результаты: Труд в сфере информационных технологий – преимущественно не физический и не умственный, а материальный всеобщий труд (термин К. Маркса). Всеобщий труд направлен на создание абстрактных материальных структур и виртуальной реальности – особой формы материи, строящейся как бы на матрице духовных процессов и приобретающей наибольшее сходство с идеальными явлениями. Особые свойства этой формы материи – «квазиидеальность» и «квазисубъективность» – внешне напоминают главные свойства духовных явлений – идеальность и субъективность.

Область применения результатов: Предложен подход к концепции информационного общества, требующий ее построения с учетом переосмысления фундаментальных понятий материального и духовного, проведенного на основе анализа виртуальной реальности и трудовой деятельности в сфере информационных технологий.

Выводы: Формирование информационного общества связано не с вытеснением духовным (знаниями) материального (физического труда), а с созданием человеком нового класса искусственных материальных явлений (виртуальной реальности), взаимодействующих с идеальным, духовным, тоньше и сложнее, чем взаимодействовали с ним все ранее возникшие формы материи.

Ключевые слова: информационное общество; всеобщий труд; материальное и идеальное; абстрактные материальные структуры; квазиидеальность и квазисубъективность.

The Philosophy of The Information Society: New Ideas and Problems

Abstract

Background: The information society is often thought to be a forming society of knowledge, in which manual labor is being replaced by intellectual labor. The treatment of information, which is supposed to be a non-material resource, becomes the main type of a labor-process.

Results: Labor in information technologies is mainly material universal labor (the term of K. Marx), but not manual or intellectual labor in the traditional sense. Universal labor is directed towards creation of so-called abstract material structures and virtual reality – a new special form of matter put on the matrix of spiritual

processes which acquires a close resemblance with the ideal processes. Special qualities of this form of matter may be called “quasi-ideality” and “quasi-subjectivity”. They resemble outwardly the main qualities of spiritual events – ideality and subjectivity.

Research implications: The present study provides an approach to the theory of the information society which is based on re-interpretation of the conceptions of material and ideal carried out with the help of analysis of virtual reality and a labor-process in the sphere of information technologies.

Conclusions: The forming of the information society doesn't mean only supplanting of material factors (manual labor) by ideal (knowledge). It is expressed in creating by man of a new type of artificial material objects (virtual reality), which communicates with spiritual, ideal reality in more delicate and complicated way than any other forms of matter could.

Keywords: information society; universal labor; material and ideal; abstract material structures; quasi-ideality and quasi-subjectivity.

8) Все формулы и обозначения из формул в тексте должны быть набраны в редакторе Microsoft Equation.

9) Все схемы, рисунки и т. п. должны быть вставлены в текст как отдельный файл, делать рисунки средствами Microsoft Word недопустимо. Желательно эти рисунки также прикреплять к письму отдельными файлами.

10) Необходимо обращать внимание на различие между дефисом (ставится внутри слов, например, «сине-зелёный», и выглядит коротко) и тире (ставится между словами, цифрами и т. п., например, «1950 – 1960 годы», «движение – жизнь»; перед и после тире ставится пробел, тире выглядит длинно). Также необходимо обращать внимание на то, что между инициалами, в сокращениях типа «и т. п.» и прочих ставится символ неразрывного пробела (ctrl+shift+пробел).

11) Статьи принимаются на русском или английском языках. Возможна публикация статьи на двух языках.

12) Все материалы принимаются в электронном виде по электронной почте fikio@rambler.ru. В письме необходимо указать, для какого раздела журнала предназначена статья (философия, культурология, социология, психология, педагогика, политология, история, юриспруденция, филология).

13) Периодичность выпуска журнала – 4 раза в год.

Рукописи, оформленные без учёта перечисленных выше требований, к публикации не принимаются.

Образец оформления статьи

УДК 111

Название статьи

Иванов Иван Петрович – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения», кафедра философии и культурологи, доцент, кандидат философских наук, доцент.

E-mail: ivanovip@aanet.ru.

Иванов Пётр Иванович – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения», кафедра философии и культурологи, аспирант.

E-mail: ivanovpi@aanet.ru.

196135, Россия, Санкт-Петербург, ул. Гастелло, д.15,
телефон: +7 (812) 708-42-13.

Авторское резюме

Текст резюме 100 – 250 слов.

Ключевые слова: слово один; слово два (до 12 слов).

Title

Ivanov Ivan Petrovich – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Department of Philosophy and Theory of Culture, associate professor, Ph.D. (philosophy).

E-mail: ivanovip@aanet.ru.

Ivanov Petr Ivanovich – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Department of Philosophy and Theory of Culture, post-graduate student.

E-mail: ivanovpi@aanet.ru.

196135, Russia, Saint Petersburg, Gastello st., 15,
phone number: +7 (812) 708-42-13.

Abstract

Text of abstract (100 – 250 words).

Keywords: word number one; word number two (up to 12 words).

Текст статьи.....

Список литературы

1. ...

2. ...

References

1. ...

2. ...

Философия и гуманитарные науки в информационном обществе

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ЭЛ №ФС77-54191.

ISSN 2309-6888

www.fikio.ru

18+

Контакты редакции

Адрес: 196135, Санкт-Петербург, ул. Гастелло, д.15, ауд.14-09.

Телефон: 8 (812) 708-42-13

E-mail: fikio@rambler.ru

Учредитель – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения».

© «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе», 2014.